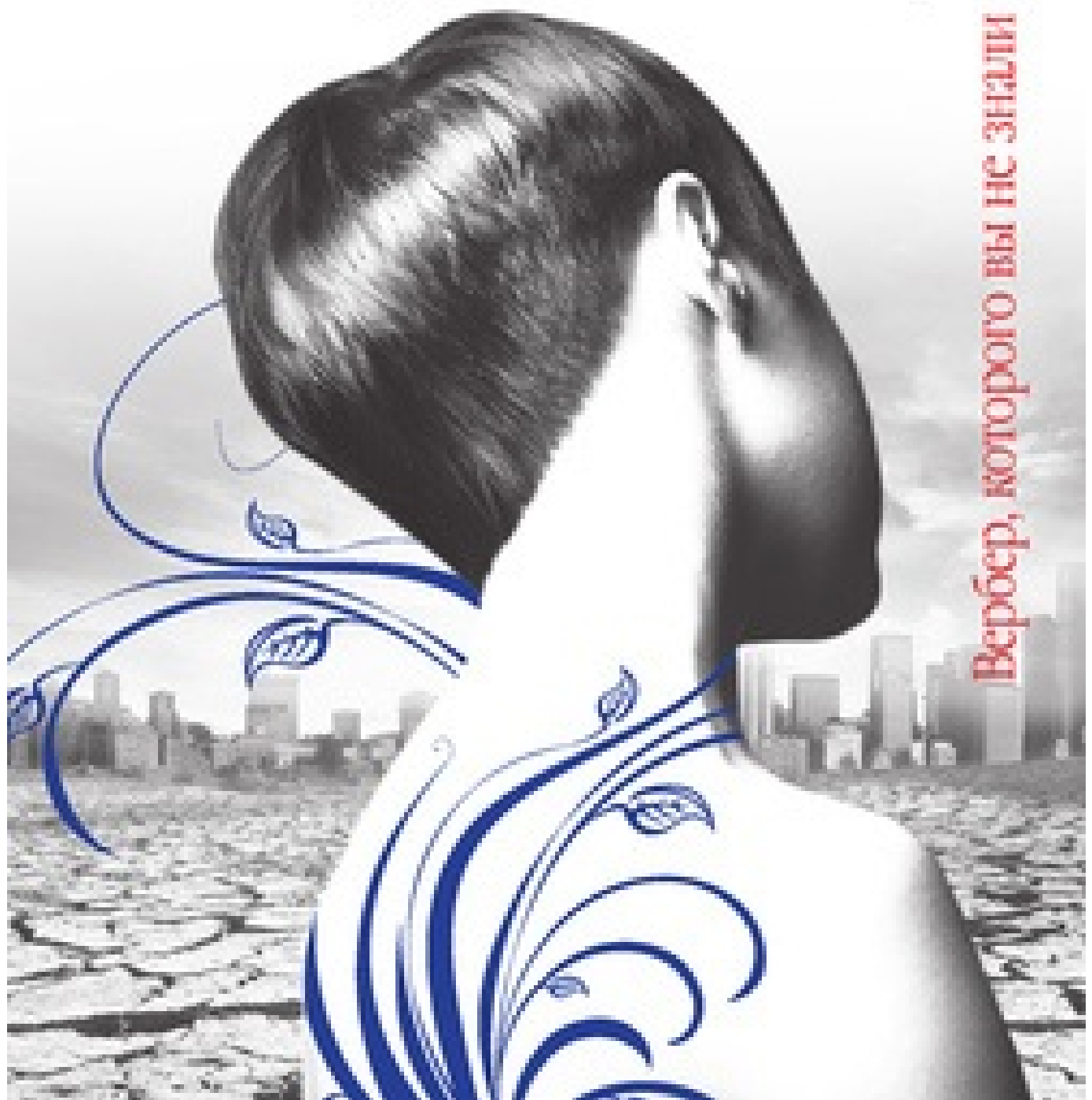

бернар
[вербер]

: зеркало кассандры

Вербер, которого вы не знали

Annotation

Ей всего семнадцать. Она ничего не знает о своем прошлом. Ее зовут Кассандра.

Она обладает даром предвидения. Она уверена, что может спасти человечество. Для этого надо всего лишь... придумать счастливое будущее.

Это книга о том, как жизнь меняет человека, и о том, что каждый может изменить жизнь.

Бернар Вербер

Зеркало Кассандры

Всем провидцам прошлого, настоящего и будущего

Памяти моего дедушки Исидора

Предсказать можно все, кроме будущего.

Лао Цзы

В стране слепых одноглазые не страдают глухотой.

Аноним

Прямо перед рождением младенца ангел прижимает палец к его губам и шепчет: «Забудь все свои прошлые жизни, воспоминания о них не должны смущать тебя в жизни настоящей».

И над верхней губой новорожденного остается ложбинка.

Каббала

Можно ли увидеть будущее?

Молодой человек проходит через железную дверь.

Он медленно идет вперед и останавливается на краю башни Монпарнас. Под ним — двести десять метров пустоты. Ночь, мерцают звезды, и, как всегда на такой высоте, громко завывает холодный порывистый ветер. Молодой человек наклоняется. Внизу, под толщей тьмы, едут машины, похожие на суетливых светящихся насекомых.

Ледяное головокружение.

На циферблате его карманных часов видна надпись: «Вероятность умереть в ближайшие пять секунд: 63 %».

Его лоб в испарине, струйки пота стекают по спине. Он судорожно сглатывает, делает глубокий вздох, дыхание становится прерывистым. Он наклоняется еще больше, и, после недолгого колебания, бросается вниз.

Длинные волосы хлещут по лицу.

С каждым уходящим вверх этажом огромной парижской башни растут проценты на циферблате карманных часов, «Вероятность умереть в ближайшие пять секунд: 69 %».

Мелькают проемы широких окон.

72 %.

Падая, он смутно различает за стеклами изумленные глаза людей, которые смотрят, как он стремительно приближается к земле. 83 %.

Навстречу ему взмывает голубь, поднимаясь к своему гнезду.

Когда до земли остается всего несколько метров, цифра на часах неожиданно меняется с «89 %» на «31 %».

В эту секунду его падение внезапно смягчается брезентом, покрывающим кузов большого грузовика со строительным полистиролом. Огромная машина проскакивает на красный свет и оказывается именно в том самом месте и в то самое время, когда человек должен был удариться о землю.

Не успевает он, оглушенный, но невредимый, подняться на ноги, как цифра на часах вдруг увеличивается — «Вероятность умереть в ближайшие пять секунд: 98 %».

И он слышит визг тормозов грузовика-цистерны, который появляется с правой стороны перекрестка и не успевает остановиться.словно в замедленной съемке, цистерна с железным скрежетом врезается в грузовик с полистиролом.

В цистерне легковоспламеняющаяся жидкость. Все взрывается разрушительным фейерверком.

«А что произойдет теперь?»

— Интересный вопрос, правда? Что произойдет в грядущие секунды, минуты, часы, дни, века? Именно вас я об этом и спрашиваю, мадемуазель. Вы же утверждаете, что знаете, каково будущее...

Он широко улыбается.

— Во все времена люди пытались узнать, что с ними будет. Они наблюдали за полетом аистов, исследовали куриные внутренности, рассматривали звезды, да мало ли что еще. Но ни разу им не удалось угадать свое будущее. А вы утверждаете, что «видите» какие-то события, которые еще не произошли? Это так?

Он сцепляет и расцепляет длинные ухоженные пальцы.

— Хорошо. Давайте поразмышляем. Чтобы установить природу вашей «непохожести», попытаемся для начала вас понять. И тут возникает второй вопрос: Известно ли вам самой, кто вы? Да, вы. Не вертите головой, я говорю именно о вас. Ну же, отвечайте. Кто вы?

Легкий озноб пробегает по спине девушки. Где-то в самой глубине сознания она думает:

Ах, если бы я могла это знать...

Он склоняется над ней:

— Вы не хотите или не можете ответить? В последнем случае я, быть может, вам и помогу. Вы еще не подозреваете об этом, но истоки вашей жизни окутаны тайной. Я сообщу вам первую деталь. Знаете ли вы истинное значение слова, которое вас характеризует? Известен ли вам глубинный смысл вашего имени? — Он медленно произносит, перекатывая слово во рту: — КАС-САН-ДРА. Вас зовут Кассандра. Это имя ни о чем вам не говорит?

Она смотрит на него, и он кажется ей безликим. Серебряная седина коротко стриженных волос, вольфрамово-голубые глаза, прямой нос, гордо выставленный напоказ перстень с печаткой на безымянном пальце. Все в нем дышит пустотой и самодовольством.

Он смотрит на нее, и она кажется ему очень красивой. Длинные черные волосы спускаются волнами до бедер, взгляд светло-серых глаз почти пугает своей глубиной и сосредоточенностью. Он думает о том, что все в ней дышит фацией и силой женственности.

— Да-а, имя много значит, — говорит он с нажимом, отводя глаза в сторону. Зачем родители снабжают человеческую личинку этикеткой, зная, что она будет носить ее до самой смерти? Имя подобно секретной программе, заложенной в глубины нашего естества. Меня, например, зовут Филипп. Мне сообщили, что вы питаете особую страсть к этимологии, поэтому вам наверняка известно, что по-гречески «фило» значит «тот, кто любит», а «гиппо» — «лошади». Это как раз про меня. Я люблю лошадей. Играю на скачках, и довольно часто выигрываю. А мою сестру зовут Вероника. Буквально: «веро» — истинный, «иконос» — образ. «Истинный образ». Вот она и стала фотографом, и, кстати, довольно талантливым.

Он, кажется, сам в восторге от приведенных им примеров.

— Имя может также стать и первым отравленным яблоком, которое получает ребенок. От своих собственных родителей. Как жестоко называть своих потомков такими именами, как Шарль-Анри ^[1], Иммакюле ^[2], Лурд ^[3], Гертруда ^[4] или Фердинанд ^[5].

Он шевелит длинными пальцами.

— Я знал одного парня по фамилии Эйнштейн. Согласитесь, звучит неплохо. Но родители назвали его Франк. «Франк Эйнштейн». Он мог стать гением, а его запрограммировали на чудовище.

Он визгливо смеется.

— А ты, Кассандра?.. Ты гений или чудовище?

Директор школы внезапно переходит на «ты». Серые глаза Кассандры становятся огромными, и она выдерживает его взгляд не моргая.

— Наверное, монстр, если верить ночной дежурной.

Он достает из папки два скрепленных листка и медленно читает:

— «В полночь пансионерка Кассандра Катценберг издала вопль, который разбудил всю спальню в левом крыле. Она сообщила о нападении террористов, которое, по ее словам, должно произойти в ближайшие дни. Одна из ее соучениц хотела спать и попыталась заставить ее замолчать. Кассандра в бешенстве расцарапала ей лицо». Отчет медсестры: «Пансионерке Виолен Дюпарк нанесены раны, вызвавшие кровотечение. На щеку и шею пришлось наложить двадцать швов. Скорее всего, останутся шрамы».

Мужчина бросает листки на письменный стол.

— Ты ее изуродовала, чудовище Кассандра. Какое объяснение ты можешь дать такому дикому, зверскому поступку?

Девушка смотрит на свои ногти, еще багровые от свернувшейся крови. Она думает:

Не надо ко мне приставать. Дура Виолен смеялась над будущим, и я преподала ей урок, понятный даже таким тупым, как она. Я ей не кожу на щеках расцарапала, а мозги прочистила. Она мне спасибо должна сказать.

Директор подходит к ней.

— По-прежнему не отвечаешь? Что ж, я, кажется, начинаю понимать: это действует «могущество слов». И особенно твоего пресловутого имени.

Он ходит взад-вперед по комнате, сложив руки за спиной.

— Если хочешь, я расскажу тебе историю твоей знаменитой тезки, античной Кассандры. Рассказать?

Нет. Мне наплевать.

— Вот увидишь, это захватывающая история, и, может быть, она объяснит некоторые события сегодняшней ночи.

Он пристально смотрит на нее. Она выдерживает его взгляд.

— Я понимаю. Наверное, нам будет удобнее у меня дома, в библиотеке. У меня там все необходимые источники.

Дрожь дурным предчувствием пробегает по ее спине, но девушка ничем себя не выдает. Он склоняется к ней и шепчет на ухо:

— И у меня есть для тебя сюрприз.

Не надо идти к нему, я это чувствую.

Дом директора — небольшой особнячок, примыкающий к школе. Кирпичные, увитые плющом стены венчает шиферная крыша. На почтовом ящике от руки выведено: ФИЛИПП ПАПАДАКИС, ДИРЕКТОР.

Домик стоит в саду, к крыльцу ведет посыпанная гравием аллея.

Интерьер выдержан в старинном стиле: антикварная мебель, картины с изображением лошадей, несущихся галопом, темные шторы, потертые ковры неопределенного цвета.

Пахнет камфарой.

Дом старого холостяка, где нет ни одной женщины. Никто не готовит, не моет посуду, не стирает белье. Сюда не приходит даже уборщица.

Пока он роется в шкафах, заполненных старинными книгами, она неподвижно стоит у двери.

Он напоминает мне какого-то американского актера, не могу вспомнить его имя.

Наконец директор находит книгу под названием «Проклятие Кассандры». На обложке изображена сидящая на золотом троне женщина в белой тунике и со змеей в руке. Он сдувает с книги пыль и быстро листает, ища нужный отрывок.

— Тебе будет безумно интересно.

Ну, это вряд ли.

— Вот. Сначала значение твоего имени... Кассандра — это уменьшительное от Александра. Существует только одна знаменитая Кассандра — царица Античности. Жила она примерно за тысячу пятьсот лет до нашей эры, то есть более трех тысяч лет тому назад. Отцом Кассандры был царь Приам, а матерью — великая жрица Гекуба из племени амазонок, населявших берег Черного моря. Гомер утверждает, что Кассандра считалась самой красивой из дочерей царя Приама.

Директор смотрит на нее. Она не проявляет никаких чувств.

Отлично, это все? Я могу идти?

— Однажды бог Аполлон спустился в посвященный ему храм. Он увидел Кассандру и сказал ее матери, царице Гекубе: «Эта девушка мне нравится. Я наделю ее самым необыкновенным из всех даров, даром прозрения, она будет видеть будущее». Аполлон провел пальцем по подбородку девушки и заметил: «Не благодари меня сейчас. Когда ты вырастешь, ты отблаговаришь меня так, как я тебе велю».

Подкрепляя слова действиями, Пападакис касается пальцем подбородка Кассандры, которая отшатывается так резко, словно ее ударило током.

Не надо было приходить сюда.

— Кассандра выросла, — продолжает директор, не обращая внимания на ее реакцию, — и стала жрицей храма Аполлона в Трое. Как ее мать. Однажды Аполлон, как и обещал, пришел требовать благодарности. «Теперь, — сказал он ей, — пришла пора выразить признательность своему богу». Но девушка отказала ему.

Филипп Пападакис возмущено качает головой.

— Представляешь? Простая смертная отказала богу. Как ты понимаешь, Аполлон был недоволен. И он был прав. Он делает девушке великолепный подарок, дар предвидения, о котором мечтают все люди, а она не хочет выполнить его желание. Какая неблагодарность!

Он выжидает, пытаясь понять, произвели его слова должное впечатление или нет. Вертит на пальце перстень с печаткой, изображающей голову лошади.

Теперь все? Я могу уйти?

— Но бог красоты проявил благородство. Он просто сказал: «Я не злопамятный. Я не стану забирать то, что подарил. Подарок есть подарок. Но я добавлю еще один дар к тому, который так легкомысленно вручил тебе, не дожидаясь благодарности: никто никогда не поверит твоим словам». И чтобы закрепить проклятие, Аполлон плюнул Кассандре в рот...

Директор, послунявив указательный палец, переворачивает лист, затем, пробежав глазами еще несколько страниц, подводит итог:

— С того дня Кассандра предвидела будущее, но никто не хотел ей верить.

Девушка бесстрастно осматривает комнату. Прямо перед ней висит настенный календарь с датой: 03 марта.

Скоро весна. Станет тепло. Я смогу гулять, вдыхать запах деревьев, травы, цветов. Слушать пение птиц. Как мне всего этого не хватает. Я теряю здесь время. Мне нужны простор, природа и солнце. Воздух, свет.

Она снова оборачивается к мужчине, слов которого уже не слышит.

Этот тип похож на американского актера. Как же его зовут? Прямо на языке вертится. Актер, который играл в «Клуте» и в «МЭШ».

Директор продолжает говорить:

— И ты, так же, как твоя античная тезка, считаешь, что можешь предвидеть будущее? Какое самомнение. Хотя, может быть, это твоя «женская интуиция»?

Она чувствует его дыхание, когда он наклоняется, чтобы поставить книгу на место.

Да, точно, Дональд Сазерленд. Даже перстень похож. Подбородок чуть острее, а нос длиннее. И пальцы не такие тонкие.

Он пристально смотрит ей в глаза.

— Подойди ко мне, — говорит он.

Поскольку она не двигается, он подходит сам.

Он почти нарушил мое личное пространство.

— Ах да, я забыл про подарок. Вам, девушкам, обязательно нужен «подарочек». Сюрприз, который я тебе обещал. Честно говоря, он не совсем от меня.

Директор школы берет с полки посылку, упакованную в оберточную бумагу.

— Наверное, от кого-то, кто тебя любит. Она у меня уже давно лежит. Все забывал отдать.

Лжет. Нарочно не отдавал.

Он потряхивает маленькой коробочкой, и она слышит стук твердого предмета, бьющегося внутри о картон.

— Хочешь его получить?

Кассандра читает надпись, которую видит вверх ногами: «Для Кассандры». В графе «Отправитель» лишь одна буква: «д».

— Ну что, спасибо не скажешь?

Губы девушки сжимаются.

— Скажи «спасибо», или не отдам.

Голос директора стал сухим и требовательным. Он подходит еще ближе.

Он нарушил мое личное пространство.

Кассандра напряжена.

Она больше не отступает. Он принимает ее неподвижность за согласие и хочет взять ее за руку.

А ты, Филипп, любитель лошадей, знаешь ли ты легенду про американского боксера Майка Тайсона?

Кассандра бросается на него и впивается зубами в ухо. Ее челюсти щелкают. Она встряхивает головой, отрывает кусок плоти и выплевывает.

Первое мгновенье изумления проходит, Филипп Пападакис с выпученными глазами падает на колени, вопит и прижимает руку к кровоточащему уху. А девушка хватает коробочку и бежит, мчится, не оглядываясь, прижимая сверток к груди, оставляя позади дом, заполненный несмолкающим криком боли.

Выбора больше нет. Я не могу здесь оставаться. Этот человек мне отвратителен. Девочки сторонятся меня с тех пор, как я увидела будущее.

Нельзя оставаться там, где тебя не любят.

Конечно, за бегство придется поплатиться, но я к этому готова.

От старого мира всегда надо бежать.

Собираются темно-серые тучи. Медленно наступает вечер, покрывая все темнотой. Вдали слышны раскаты грома. Время от времени голубая молния ударяет в линию горизонта.

Кассандра останавливается. Она запыхалась. Ей нужно принять решение: на юге — бурлящая столица, на севере — пригород, окутанный тихими сумерками.

Она выбирает север — и опять бежит, до тех пор, пока не решает, что уже достаточно далеко убежала от школы. Тогда она наконец разрешает себе отдохнуть и падает на скамейку у автобусной остановки. Закрыв глаза, она ждет, пока дыхание не восстановится, потом, при свете фонаря, торопливо разрывает оберточную бумагу. И видит коробочку. Внутри белый листок, на котором неровным почерком нацарапано:

«...Кассандра открыла посылку и обнаружила странный предмет. Она спросила себя, что же это может быть. В тот момент ей лучше было не знать об этом...»

Многоточие в начале и в конце. Никакой подписи. Под запиской на сиреновом атласе лежит предмет, похожий на позолоченные часы с черным кожаным ремешком. На циферблате надпись: «Вероятность умереть в ближайшие пять секунд...»

Под этими словами на маленьком выключенном жидкокристаллическом дисплее виден символ «%».

Какая-то кнопка справа привлекает внимание Кассандры, и она нажимает ее.

Экран оживает, на нем высвечивается цифра «88». Это не обычные часы, на циферблате появляются не минуты или секунды, а только цифры от 0 до 99.

На коробочке жирными буквами выведено: «Кассандра КАТЦЕНБЕРГ, школа „Ласточки"» и адрес.

Отправитель: «д».

И больше ничего.

«д»... *неужели это он?*

Кассандре кажется, что кто-то издали наблюдает за ней. Она не уверена, но решает не задерживаться на остановке и идет по тротуару к ближайшему перекрестку.

Не стоит поддаваться мании преследования, но и бдительность терять нельзя.

Она смотрит на часы, чтобы понять, вызывают ли ее передвижения перемены на экране, но там все то же: «Вероятность умереть в ближайшие пять секунд: 88 %».

Глаза Кассандры прикованы к надетым на руку часам, и она переходит улицу, не глядя по сторонам. Раздается визг тормозов: на нее едва не налетел большой мотоцикл.

— Эй! Тебе что, жить надоело? Смотри, куда идешь! — вопит мотоциклист и делает неприличный жест.

Она понимает, что это было очень убедительное предупреждение, и прячет часы под рукав куртки, чтобы побороть искушение и не смотреть на них постоянно.

После получаса бесцельных блужданий она обнаруживает новую опасность, которая тревожит ее гораздо сильнее. В конце улицы появляется медленно движущаяся машина с семью устрашающими буквами на боку: ПОЛИЦИЯ.

Наверное, директор поднял тревогу.

Небо темнеет еще больше, неожиданно начинается дождь. Кассандра ускоряет шаг. Машина медленно приближается. На улице никого, ни пешеходов, ни автомобилей, — и только эта машина надвигается на нее под проливным дождем.

Кассандра бежит, прячется за деревом и ждет. Ее клыки и когти готовы к атаке.

Она вспоминает об этом оружии пещерных людей, которым обладают все, но не

используют из-за брезгливости.

Она чувствует себя человеком, попавшим в современный мир из глубины веков. Ее первобытность вовсе не недостаток, а преимущество, хоть она пока не может использовать его в полной мере.

Хватит терзаться вопросами о прошлом, я должна думать о будущем.

Молния раскалывает горизонт ветвистой сияющей трещиной. Дождь начинает хлестать с удвоенной силой. Полицейская машина неслышно подкрадывается совсем близко, и Кассандра успевает лишь перебежать за следующий платан.

Сидящий внутри человек направляет в ее сторону фонарик и освещает тротуар. Девушка медленно обходит вокруг дерева, стараясь оставаться в слепой зоне. Луч света касается ее, но не выдает.

Дерево спасло ее.

Спасибо, дерево.

Молния вновь с оглушительным грохотом разрывает облака. Дождь усиливается. Волосы девушки тяжелеют, мокрая одежда липнет к телу.

Кроме металлической ограды и того, что она окружает, поблизости нет никакого убежища. На другой стороне улицы пустырь. Прямо перед ней тротуар, деревья и бесконечный забор. Кассандра смотрит на него. Поверх металлической сетки толстым слоем наклеены концертные афиши, портреты политиков, цирковых звезд. Кое-где на больших, изрисованных граффити плакатах виднеются буквы «МГС» ^[6], а снизу надпись помельче: «Развешивать объявления воспрещается». По верху забора тянется колючая проволока, на которой, словно гирлянды, развеваются пластиковые пакеты. Плотные посаженные деревья по ту сторону ограды не позволяют рассмотреть, что находится внутри.

Кассандра слышит шум мотора, оборачивается и видит белые лучи фар, которые приближаются, рассеивая туман.

Они возвращаются.

Высунув руку в окно, полицейский водит фонариком, тщательно осматривая окрестности. Кассандра замечает пролом в ограде. Она отгибает ржавую металлическую решетку, расширяет проход и ныряет в него, извиваясь, чтобы высвободить зацепившиеся джинсы. Она еле-еле успевает втянуть в пролом ноги и затаиться. Луч фонарика уже освещает то место, где она стояла несколько секунд назад.

Машина удаляется.

Кассандра понимает, что ей нужно переждать здесь. Она сидит, не двигаясь. Полицейская машина проезжает обратно, еще медленнее.

Они знают, что я где-то поблизости. Должно быть, засекли.

Но луч света так и не попадает на дыру в ограде. Полицейские уезжают.

Они вернутся.

Обнаружат пролом.

Значит, выбора нет.

Кассандра Катценберг углубляется в незнакомый мир, находящийся по ту сторону ограды.

Я знаю, что права. Все остальные ошибаются.

Кассандра протискивается сквозь плотные ряды тесно посаженных деревьев. Листья гладят ее по голове, ветки расчесывают волосы.

Преодолев первое препятствие, Кассандра продирается сквозь колючий кустарник. Дождь внезапно прекращается, по земле стелется дымка. Девушка идет сквозь туман, разглядывая странную незнакомую местность.

Кассандра никак не может забыть о прошлой ночи в школе «Ласточки». Она кричала, она предупреждала о нападении террористов.

Почему они меня не слушали?

Они смотрят, но не видят.

Слушают, но не слышат.

Знают, но не понимают.

Вдруг справа от девушки раздается глухое рычание. Она различает две маленькие светящиеся красные точки, которые пристально наблюдают за ней сквозь густой туман.

Она ускоряет шаг. К первому хриплому голосу присоединяется второй.

Где я?

Повсюду деревья и враждебные растения — чертополох, колючий кустарник, крапива. Кассандра оборачивается и видит пять пар красных светящихся глаз. Кассандра старается идти быстрее, но высокая трава и кустарник мешают ей. Животные преследуют ее.

Они приближаются.

Она бежит, в панике мчится со всех ног, спасаясь от своры четвероногих хищников. Ей больно дышать, ноги сводит. Она спотыкается о корень и падает на четвереньки.

Красные огоньки глаз окружают ее.

Кассандра замирает. Во рту и в горле у нее пересохло. Темные тучи расступаются, и луна освещает все вокруг.

В том числе свору шелудивых псов, покрытых струпьями и шрамами. Естественно, без ошейников. Освободившись от власти человека, они снова стали дикими, как стая волков.

Эти уж точно не паштетами питаются.

Самый крупный пес выходит на середину круга и медленно приближается к девушке. Она видит покрытую пеной морду, блестящие клыки. Его глаза пристально смотрят на Кассандру.

Зверь приседает на задние лапы и готовится к прыжку.

Взгляд Кассандры падает на часы: «Вероятность умереть в ближайшие пять секунд: 88 %».

Она видит, как, словно в замедленной съемке, рычащая собака раскрывает пасть и прыгает. Девушка закрывает глаза и защищает лицо руками. Следующая секунда кажется ей невероятно долгой.

А на что ты надеялась?

Что эти часы, подарок незнакомого человека, предоставят надежную информацию об опасности, которая тебе грозит? Это глупо.

Ни один предмет не может знать о том, что со мной произойдет.

Машины не могут нас спасти.

Но ничего не происходит.

Клыки и когти не рвут ее плоть, челюсти не дробят ее кости.

Кассандра медленно опускает руки, приоткрывает один глаз, затем другой. Яркий луч света озаряет пса, распростетого в луже собственной крови. Стрела прошла ему голову насквозь. Остальные собаки неподвижно стоят вокруг Кассандры, словно зачарованные беззвучной и мгновенной гибелью главы клана.

Когда луч фонаря перестает слепить ее, она наконец может рассмотреть человека, который ее спас. Это высокий бородач с длинными, соломенного цвета волосами, одетый в камуфляж.

Этот не из полиции. Похож на рок-звезду или на викинга.

В правой руке он держит лук. В углу рта оранжевым огоньком светится сигара. Голые, толстые, как ляжки, руки покрыты татуировками. Огромный живот состоит из множества складок.

Викинг поднимает тело погибшего животного. Остальные собаки немедленно убегают.

— Не люблю шавок, — бормочет он, сплевывая коричневую табачную слюну.

Он достает стрелу, застрявшую в черепе пса, вытирает о штанину и убирает в колчан.

— Заблудившихся девчонок я тоже не люблю. Вот что ты здесь делаешь?

Кассандра широко открывает свои огромные серые глаза и не произносит ни слова.

— Эй, я с тобой разговариваю! Если ты ищешь парк с аттракционами, то ты малость ошиблась. Здесь не Диснейленд и не парк Астерикса.

Он укладывает труп собаки в большую сумку, которая висит у него на плече.

— Иди скорей домой, а то родители будут беспокоиться. Скоро закончится последний фильм по телевизору, а завтра — в школу. Нечего тут болтаться. Это опасно.

Кассандра не отвечает, не двигается и внимательно смотрит на него.

Человек молча разглядывает ее несколько секунд, потом смотрит на небо и качает головой. Снова накрапывает дождь.

— Не хочешь отвечать? Хорошо, я понял. Давай, иди за мной.

И добавляет, уже скорее для себя:

— С тобой, чувствую, будут одни неприятности.

На самом деле большинство людей «предвидят» будущее. Испытывают определенного рода предчувствие. Проблема в том, что они просто не верят в свои предощущения и поэтому не придают им значения.

А когда приходят несчастья, они удивляются, как будто не знали о том, что произойдет.

Толстый светловолосый бородач и хрупкая девушка идут по извилистым тропинкам и узким дорожкам, которые как будто по волшебству возникают перед ними. Небо опять темнеет. Кассандре Катценберг кажется, что она попала в огромный лабиринт.

Ее часы по-прежнему показывают: «Вероятность умереть в ближайшие пять секунд: 88 %».

Она решает их выключить.

Фонарик ее проводника освещает странные силуэты, похожие на застывших титанов. Попав в круг света, поднявшийся на задние лапы и разинувший пасть динозавр превращается в распотрошенный, стоящий вертикально вагон метро. Страшный великан оказывается грудой покореженных автомобилей, а гигантская стрекоза — разбитым вертолетом.

Кассандре становится легче. Преодолев все эти препятствия, она начинает верить, что в будущем все обязательно наладится. Да и место, сулящее много новых впечатлений, приводит ее в восторг.

Я — в незнакомых джунглях, всего в нескольких километрах от Парижа.

Они переходят лужи по доскам, перелезают через невысокие преграды, поднимаются по зыбким холмам, где ноги с трудом находят точку опоры. Это странное место оказывается гораздо больше, чем она предполагала, идя вдоль ограды.

Наконец вдали появляется огонек, и вскоре они выходят на широкую круглую площадку, посреди которой трещит яркий костер. Вокруг сидят трое, их тени подрагивают на земле.

— Ты издеваешься, Барон? Где ты был? — восклицает женщина с рыжими, собранными в пучок волосами.

В глубоком вырезе ее красного платья виднеется роскошная грудь. Кассандра замечает, что женщина косит. В сочетании с суровым, пронзительным голосом это выглядит забавно.

— Сожалею, Герцогиня, туман.

— Неудачник находит оправдания, победитель — возможности, — усмехается второй незнакомец, молодой парень азиатской внешности.

— Ой, отстань ты со своими идиотскими поговорками! — отвечает викинг.

— Но Маркиз совершенно прав!

Третий человек — пожилой африканец. В отсветах костра его курчавые седые волосы кажутся медными. На нем разноцветный балахон и слишком большие зеленые кожаные тапки с загнутыми носами.

Рыжая встает прямо перед Кассандрой:

— Ну, Барон, что ты принес с охоты?

Тот молча отдает ей труп собаки. Женщина осматривает его, потом откидывает со лба длинные рыжие пряди.

— А это что за дичь? Лань? — спрашивает она, указывая на Кассандру подбородком.

— Девчушку нашел. Заблудилась в болотах. Ее чуть собаки не съели.

— Ну и что? Мы не Армия Спасения. Пусть бы и съели!

— Мне стало жаль ее.

— Отлично. И что мы теперь будем делать с твоей Красной Шапочкой, господин Барон?

Кассандра тем временем осматривается. Над костром вращается вертел, на который насажена обугленная тушка кролика. Африканец подливает в огонь немного бензина, чтобы оживить пламя.

Рыжая подходит к Кассандре и пристально смотрит на нее сверху вниз. Она ощупывает ее грудь, ягодицы, проверяет зубы.

— Ну и кто ты, Золушка?

Кассандра не отвечает. Рыжая оборачивается к остальным:

— Эй, ребята, а вы что думаете про находку Барона?

Старый африканец издали рассматривает Кассандру, чешет свои курчавые волосы, сплевывает на землю.

— Не люблю белых.

Молодой азиат подходит ближе. Это парень лет двадцати, с круглым, плоским лицом и мускулистым телом. В его черных гладких волосах светится ярко-синяя прядь. Под кожаной курткой майка с надписью: «В аду мест нет, и я вернулся». Он обнюхивает Кассандру, медленно обходит ее, потом заявляет:

— Не люблю буржуев.

Он хватает девушку за руки и поворачивает их ладонями вверх.

— От нее не только мылом пахнет, у нее еще и руки чистые, — с презрением говорит он.

Рыжая разочарованно вздыхает:

— Лучше бы ты оставил ее псам. Не люблю девчонок.

— Особенно, когда они моложе и красивее тебя, да, Герцогиня? — усмехается азиат.

Кассандра невозмутимо молчит.

— Слушай, а может, твоя малышка говорить не умеет? Ни слова еще не промолвила. Я глухонемых не люблю.

— Ты что, язык проглотила? Или нами брезгуешь? — спрашивает африканец.

Толстый викинг стучит кулаком по деревянному ящику:

— Ну-ка хватит проявлять нелюбезность по отношению к гостям, иначе наша новая знакомая подумает, что мы плохо воспитаны и лишены чувства гостеприимства.

— Мы? Плохо воспитаны? — негодует рыжая. — Мне будет очень обидно, если кто-нибудь так обо мне подумает!

Она делает глоток пива из бутылки и громко рыгает.

— Но мы все-таки у себя дома. И нам ни к чему туристы, особенно несовершеннолетние, которые к тому же и говорить не умеют! Так что, Золушка, нечего тебе тут делать. Можешь проваливать. Давай! Брысь! Вон отсюда!

Кассандра не двигается с места.

— Ты не поняла? Убирайся, мерзкая богачка! Мы не потерпим людей с чистыми руками! — добавляет жару молодой азиат.

Старый африканец молча берет мертвую собаку, кладет на пропитанную кровью колоду и сильными ударами резака отрубает ей голову и лапы.

Гнев рыжей женщины не проходит.

— Какого лешего ты притащил сюда эту буржуйку? Ты спятил, Барон? Никто не должен знать, что мы существуем, никто!

— Значит, я должен был позволить собакам сожрать девчужку? Узнаю тебя, Герцогиня, бессердечная ты тварь.

— Ты, что, не понимаешь, сколько дерьма принесет нам эта девчонка?

— Прости за выражение, Герцогиня, но заткнись!

— Извини за резкость, Барон, но ты достал меня своими высокопарными наставлениями!

— Не хочется выходить за рамки приличий, Герцогиня, но ты просто толстая свинья с варикозными венами, и я тебя...

Рот Кассандры медленно приоткрывается, и это останавливает ссору. Все нетерпеливо ждут, какими будут ее первые слова.

— ...Где я?

Все удивленно смотрят на нее.

— Ах! Видите — заговорила. Она просто не бросает слов на ветер, — говорит старый африканец.

— А может ее так зовут — Гдея, — ухмыляется молодой азиат. — Она, наверное, иностранка.

— Как это ты не знаешь, где ты? — удивляется рыжая женщина.

— Ты что, не чувствуешь, как здесь воняет? — спрашивает азиат.

— Конечно, ведь дождь идет. Дождь на время маскирует запахи, — вспоминает африканец. — Покрывает все жидкой пленкой.

— Иначе по зловонию можно было бы догадаться, где мы, — добавляет молодой человек. — Мы на помойке, которая воняет так, что ты и представить себе не можешь. Смрад. Ужасный запах, который оглушает через ноздри. Да, тут надо иметь тренированный нос. Это место... воняет сильнее всего на свете.

— Она имеет право знать, — шепчет ее спаситель.

Рыжая женщина бросает на него косой взгляд, потом говорит, слегка вздернув подбородок:

— Ну давай, Барон, раз ты ее сюда привел — рассказывай.

Жаркое на вертеле потрескивает. С него медленно стекает желтый жир, в котором проглянувший сквозь тучи лунный луч сияет всеми цветами радуги.

Это джунгли.

А они — современные дикари.

Но с ними-то я, кажется, как раз смогу найти общий язык.

Бородатый викинг прихлопывает комара, достает из патронташа одну из своих сигар и раскуривает ее. Он подходит к огню, подливает в костер немного бензина, и его лицо озаряется светом пламени. Потом указывает девушке на большое продавленное кресло с торчащими пружинами и приглашает сесть. От пропитанного дождем кресла у Кассандры немедленно промокает одежда на спине.

— Ладно, девчушка, ты хочешь знать, и ты узнаешь. Этого места нет ни на одной карте, ни в одном путеводителе. Это нигде.

— Даже в «Google Earth» оно выглядит как обыкновенный пустырь, — добавляет молодой азиат.

— Это место не должно существовать, о нем никто не хочет знать. Официально оно называется «МГС», «Муниципальная Городская Свалка».

Мухи, пользуясь тем, что дождь прекратился, начинают выписывать восьмерки в воздухе, цепляясь друг за друга, словно воздушные акробаты.

— Семь лет назад, когда в столице произошел очередной демографический взрыв, в мэрии Парижа заметили, что большая городская свалка, более сорока лет находившаяся в черте города, уже не справляется с горой ежедневных отходов пяти миллионов жителей. Было решено выделить под свалку новый участок земли несколькими километрами севернее Парижа.

— На юге они создали рот, через который целый город принимает пищу: Рюнжис [\[7\]](#). А на севере сделали дыру в заднице, для эвакуации отходов, МГС, — добавляет молодой азиат.

— Так устроены многие большие города, — подтверждает викинг. — На юге — снабжение, на севере — отходы.

Старый африканец пожимает плечами:

— И можно добавить: на западе — богачи, на востоке — бедняки. Утром рабочие с востока едут трудиться в богатые западные кварталы.

— К вечеру провизия, приехавшая с юга, переваривается в центре и оказывается на севере, — продолжает викинг, выпуская облако сигарного дыма, которое пахнет горелым сеном. — Поэтому власти создали «Мусорленд», роскошную свалку, сверхсовременную, чрезвычайно дорогостоящую, с печью, способной быстро сжигать ежедневные тонны мусора.

— Они даже назвали эту суперсовременную печь «Молохом». По имени карфагенского бога-исполина, сжигавшего детей в своем полыхающем огнем животе, — объясняет молодой азиат.

Старый африканец медленно покачивает головой:

— Люди не хотят знать, что происходит с их отходами. Когда они спускают воду в туалете, им неинтересно, куда девается содержимое унитаза.

— «Молох»... Вообрази, девчушка, большой, очень чистый завод, переваривающий всю грязь, которую производит город. Внутри повсюду электроника, сталь, жидкокристаллические панели, мир без шума и запаха. Будто ты на атомной электростанции или в компьютерном центре. Это безумно дорого обошлось налогоплательщикам, но им объяснили, что это оптимальный способ ликвидации отходов в большом городе.

Викинг сплевывает.

— Затея имела такой успех, что мэры всех европейских столиц приезжали посмотреть, как работает наш маленький чудесный...

— ...задний проход класса люкс, — вставляет молодой азиат, довольный своим метким словцом.

— М-да... и, кстати, лет десять он работал нормально.

Кассандра внимательно слушает.

— А потом появилось «коричневое облако». Труба мусорной печи выбрасывала столб темного дыма, который стлался по небу, образуя над кварталом коричневую завесу. Местные жители начали кашлять, участились случаи заболевания раком и астмой. Дождь шел красноватого цвета.

— Такова цена цивилизации, — обреченно вздыхает африканец.

— Район был бедный, и все это абсолютно никого не волновало до тех пор, пока одному журналисту не пришла в голову отличная мысль написать статью, название которой вынесли на обложку его еженедельника, — продолжает викинг. — Все вышло совершенно случайно, просто на той неделе не оказалось более интересной новости.

— Фотографии коричневого облака над домами хватило, чтобы взволновать людей, — вспоминает рыжая женщина, которая тоже прекрасно знает историю этого места. — И заголовка, простого и броского: «ПОЗОР!»

Старый африканец снова пожимает плечами и утомленно произносит:

— Можно подумать, что проблемы существуют только благодаря журналистам: если газетчики о них не говорят, то их и нет.

Светловолосый бородач, не спеша, выпускает несколько клубов сигарного дыма.

— Отреагировали экологи, за ними местные ассоциации, потом ассоциации национальные, и завертелось: петиции, давление на депутатов, пресс-конференции и прочая шумиха. Просто шествие оскорбленных девственниц. «Уберите от меня это загрязняющее окружающую среду облако, я не могу его видеть». Да еще на региональных выборах кандидат от экологов записал первым пунктом своей программы: «Заткнуть пасть чудовищному „Молоху“, заводу по переработке мусора, с его дымящей печью, насылающей на людей болезни». Буквально за несколько дней наша образцовая печь, которой завидовала вся Европа, благодаря случайностям редакционного планирования, превратилась в национальный позор. «МГС» стала достойным преемником Чернобыля.

Викинг сплевывает, берет пластиковую бутылку вина и пьет. Затем, издав звук, похожий на рык оленя в брачный период — свою фирменную отрыжку, — пускает бутылку по кругу:

— Хочешь выпить, девчушка?

Кассандра смотрит на бутылку, на горлышке которой осталась чужая слюна, и качает головой. Викинг снова гулко рыгает и продолжает рассказ:

— Кандидат от экологов победил с подавляющим большинством голосов. Едва вступив в должность, он приказал закрыть МГС. Под аплодисменты толпы печь погасла, трубы перестали изрыгать дым, стальные двери закрылись.

— Под аплодисменты толпы налогоплательщиков, которые забыли, что сами финансировали создание этого чуда ультрасовременной технологии, — напоминает азиат.

— Но проблема в том, что город подобен живому существу. Ему нельзя заткнуть задний проход. Иначе случится заворот кишок. У людей больше не было «Молоха», но они продолжали есть, выбрасывать упаковки и прочий мусор.

— Средний парижанин производит в день один килограмм четыреста граммов мусора, — снова добавляет азиат. — Если умножить эту цифру на количество жителей, то получится полтора миллиона тонн в год.

— Они так торопились закрыть печь, что не подумали о том, что ее нужно чем-то заменить, — кивает рыжая.

— Мусорщики по-прежнему исправно ездили по своему маршруту, а затем отправлялись на север, чтобы вываливать содержимое своих грузовиков в пасть «Молоху». Никто не указал им

другого места для вывоза мусора, и они начали просто оставлять свой груз на большом пустыре, как раз рядом с окончательно закрытой ультрасовременной свалкой.

— Так же, как стада гну всю жизнь ходят испражняться в одно и то же место, — замечает старый африканец, беря бутылку вина.

На лице викинга появляется выражение покорности судьбе.

— Какой-то шофер мусоровоза первым разгрузился здесь. Остальные, как стадо, последовали его примеру. Люди из мэрии, не нашедшие немедленного решения проблемы, не стали возражать.

— Да и «Молоха» закрыли в середине августа, в разгар отпускного сезона. Их никого и не было, все на каникулы разъехались, — напоминает молодой азиат.

— Вот на какой идиотизм способны политики. Делают что попало, не раздумывают, лишь бы приобрести популярность и выиграть ближайшие выборы. Потом, когда они понимают, что навлекли своими решениями новые проблемы — долговременные, еще более серьезные, — то ничего не предпринимают и пускают все на самотек, — усмехается женщина с рыжими волосами.

— Этот пустырь обычно служил зимним пристанищем для цыган, поэтому никто особо не возмущался. Даже сами цыгане, которые, естественно, не привыкли жаловаться в полицию или обращаться в административные инстанции.

— Ясное дело, — подтверждает рыжая. — Может, они даже были довольны, ведь они могли рыться в мусоре и находить что-нибудь нужное.

— Словом, здесь стали скапливаться отходы. Слои за слоями, куча мусора росла и ширилась. Викинг снова раскуривает сигару и выпускает изо рта два больших голубоватых облака.

— Они не хотели дыма, и получили огромную кучу отходов, которая воняет и растет. Так всегда — или одно, или другое. Мусор газообразный, мусор жидкий или мусор твердый.

Молодой азиат сокрушенно вздыхает:

— «Ничто не умирает, ничто не рождается, все трансформируется» — говорил Лавуазье.

— Не нравятся мне твои вечные цитаты, Маркиз. Они меня раздражают. Ладно, продолжаю для тебя, девчушка. Естественно, все остались недовольны созданным положением. Мэрия тогда была социалистической, депутатом выбрали эколога, а санитарные службы, в общем, склонялись к правым. Каждое заседание превращалось в сражение, один из троих обязательно уходил, хлопнув дверью и наложив вето на решения остальных. Они ни разу не смогли договориться и принять ответственное решение по проблеме эвакуации мусора. А мусорщики тем временем продолжали привозить сюда горы дерьма. И простые граждане стали делать то же самое. Свалка стала кладбищем стиральных машин и разбитых автомобилей. У жителей квартала появилась удобная возможность не платить за вывоз мусора.

Рыжая женщина отвечает на вопрос, который задает себе Кассандра:

— Сначала ограждения не было. Но, поскольку домов вокруг мало, свалка начала расти, как раковая опухоль. Когда она достигла критических размеров, муниципалитет поспешил принять срочные меры. Свалку обнесли оградой, чтобы похоронить проблему и помешать людям выкидывать туда мусор.

— Как в Палермо, — напоминает молодой азиат. — Большая свалка, с которой неизвестно, что делать, и которая до сих пор действует.

— В Марселе то же самое, — подхватывает рыжая. — Насколько я знаю, там весь город по-прежнему сваливает мусор в Мариньяне.

— Как и можно было предположить, решетка ничего не изменила. Привычка уже устоялась. Люди стали кидать мусор через ограду. Тогда муниципалитет сделал ограду повыше. Все продолжалось как ни в чем не бывало. Тогда поверху пустили колючую проволоку.

— И посадили деревья, чтобы никто не видел всего этого ужаса, — добавляет африканец. Викинг сплевывает на землю.

— Вместо того, чтобы остановить незаконный выброс мусора, муниципалитет решил ему попустительствовать.

— «Ситуация вышла из под контроля, сделаем вид, что мы создали ее сами» — говорил Талейран.

— Заткнись, Маркиз. Твои идиотские устаревшие цитаты меня бесят.

— Мой учитель французского их обожал. Прости, Барон, но поговорки и цитаты — это сильнее меня.

— А по-моему это просто лень. Ты не способен родить собственных мыслей, Маркиз, и берешь чужие, замороженные и готовые к употреблению.

— Я сейчас подберу «замороженную мысль» и для тебя. Барон!

Оба собеседника начали приподниматься.

— Ну-ну-ну, — вздыхает женщина с рыжими волосами. — У меня для вас тоже есть готовая цитатка: «С такими друзьями и врагов не надо».

— Если и ты туда же, Герцогиня, я вам сейчас обоим рожи поварешкой разобью! — заявляет взбешенный викинг.

Более молодой противник решает не связываться с грозной горой жира и мышц. Все вновь усаживаются по местам, и вино опять идет по кругу.

Кассандре вдруг кажется, что маленький лисенок высовывает из темноты кончик носа и наблюдает за ними. Она решает, что, скорее всего, это просто щенок.

Да нет, это точно был лисенок. На свалке водятся дикие животные.

Викинг тоже садится и продолжает рассказ:

— Мэрия решила оставить северный вход открытым. Машины приезжают туда разгружаться. Вот так это место стало огромной свалкой под открытым небом. Количество мусора растет, но, поскольку участок достаточно большой, растет оно медленно. Почти незаметно. Мэрия просто посадила вдоль ограды еще один ряд деревьев, выше и гуще прежних, чтобы спрятать то, что навалено за ними.

Рыжая женщина пожимает плечами:

— Так все и происходит с незапамятных времен: никто ничего не делает, ошибки маскируют, и в конце концов, все привыкают и забывают.

— Ну тебе виднее, Герцогиня, уж в чем в чем, а в декоративной косметике ты разбираешься, — усмехается молодой азиат.

Рыжая делает вид, что ничего не слышала, а викинг продолжает рассказ:

— Итак, коричневого облака больше нет. Статей в газетах тоже. И этот участок земли вроде бы как не существует. Остается лишь запах, который порой просачивается сквозь деревья, но жилые дома далеко. А цена за квадратный метр такая низкая, что никто и не думает жаловаться.

Старый африканец обреченно машет рукой:

— Все зависит от того, куда дует ветер. Иногда вонь несется к дешевым кварталам в той стороне. Иногда — в другой. Но поскольку запах никогда не дойдет до Парижа, всем наплевать.

Задумчивое молчание объединяет всех на несколько минут. Кассандра пользуется этим и задает свой второй вопрос:

— А вы кто?

Они хитро переглядываются.

— Мы — человеческие отбросы, обитающие среди отбросов всех прочих сортов. Рыбак рыбака видит издалека, — отвечает азиат.

— Общество обращалось с нами как с мусором, вот мы и живем в мусоре, — отвечает

африканец.

— И нам тут хорошо, — заявляет рыжая. — Так ведь, ребята?

— Да, мы отверженные.

— Бежавшие.

— Изгнанные.

— Выброшенные.

Викинг тушит сигару.

— Скажем ей? — спрашивает он разрешения у своих товарищей. — Мы — неудачники. И, как раненые звери, прячемся здесь, потому что тут никто не догадается нас искать.

Это просто бомжи, укрывшиеся на свалке.

— Мы решили не бежать в Бразилию или в Австралию, а создать дальнюю страну... совсем рядом.

— Мы живем в заднице, и нас можно назвать геморроем! — веселится азиат.

Смелая метафора всех приводит в восторг. Они кивают.

— А еще мы похожи на хорьков, потому что вонь спасает нас от дураков.

— Да, вонь нас спасает.

Рыжая спокойно отгоняет рукой облако мух, кружащих над их головами.

— Вот почему мы хотим сохранить свою тайну и не хотим связываться с буржуйской девчонкой, которую скоро начнут искать, — заявляет она, убирая прядь волос со лба. — Чем дольше я думаю, тем больше убеждаюсь, что тебе надо побыстрее отсюда сваливать, иначе мы хлопот не оберемся.

Кассандра делает вид, что не слышит этих слов. Возшедшая луна освещает окрестности, и девушка осматривается кругом. Теперь она видит пять хижин среди мусорных куч.

Над одной из них торчит ржавый перископ с подводной лодки времен Второй мировой войны. На крыше другой выстроились разноцветные цветочные горшки. На третьей хижине, рядом с солнечными батареями, вращается, поскрипывая, маленький ветряной генератор. На крыше четвертой стоит шезлонг под пляжным зонтом. Высокая стена из покрышек скрывает хижины от посторонних взглядов. Широкая улица, прорытая в мусоре с северной стороны, ведет прямо к костру.

Викинг продолжает:

— Я здесь уже три года. Меня зовут Орландо. Но поскольку мы все тут дали друг другу аристократические титулы, можешь звать меня Бароном. В нашем племени я — охотник.

Он тоже похож на американского актера. А.. вспомнила! Род Стайгер в фильме «За пригоршню динамита» Серджио Леоне. Только Орландо блондин, с длинными волосами, и живот у него больше.

— Да, мы друг другу дали аристократические титулы, потому что нам это нравится. И потому что это бесплатно, — подтверждает рыжая.

Слово может дать власть, а может стать ловушкой.

— Эта женщина с большими сиськами и крикливым голосом — Эсмеральда, или Герцогиня, она готовит и шьет. Шитье здесь имеет большое значение. Кроме того, она вождь племени — благодаря зычной глотке и злобному характеру. А мы здесь очень любим злобные зычные глотки.

Особа, о которой идет речь, достает маникюрную пилку и громко шлифует себе ноготь на большом пальце.

Это же... Мерил Стрип, только гораздо толще и вульгарнее. И еще косая.

— Узкоглазый парень с синей прядью, который не любит буржуйских девочек с чистыми руками, — это Ким, или Маркиз, специалист по техническим вопросам. Благодаря ему у нас

есть и радио, и телевидение и компьютер. Как у всех гениев, у него полно недостатков, самый худший из которых, по-моему, — это мания приводить идиотские цитаты и поговорки.

— «На воре шапка горит», — парирует мастер на все руки и смачно сплевывает.

А это молодой Джеки Чан в стиле рок.

— И наконец, высокий флегматичный сенегалец, Фетнат, прозванный Виконтом. Это наш доктор, психоаналитик, травник и грибник. В нашем племени он — колдун и шаман.

Старый африканец кивает и улыбается, обнажая зубы ослепительной белизны. Он раскуривает длинную трубку и выпускает несколько клубов ароматного дыма, пахнущего тмином.

А он мог бы сойти за Моргана Фримана, только более худого.

— Мы создали деревню посреди мусора, даже не деревню, а настоящее независимое государство посреди тоталитарной и бестолковой страны.

— Здесь мы действительно свободны, — подтверждает африканец. — Если ты понимаешь, что я хочу сказать.

— Да, можно плевать, можно пукать, можно ругаться, можно драться, можно писать, где хочешь, можно просыпаться, когда хочешь, можно не платить налоги, можно критиковать правительство, можно даже — внимание! — курить в общественных местах!

— Мы даже дали своей деревне имя.

Орландо показывает на табличку, установленную при входе в поселение. На ней от руки большими неровными буквами написано: «ИСКУПЛЕНИЕ».

— Идея Герцогини, воспитанной в строгом католическом духе. Она сказала, цитирую по памяти: «Мы оказались здесь потому, что грешили. Это не ад, а чистилище. Мы здесь для того, чтобы изменить нашу жизнь. Мы находимся в месте искупления, здесь мы попытаемся спасти наши души».

Эсмеральда кивает, запускает руку в глубокую ложбинку между грудей и достает провалившийся туда крестик.

— А Барон тогда возразил: «Может быть, но я предлагаю другой девиз, с которым мы пойдем вперед».

Женщина берет фонарик и, под надписью «ИСКУПЛЕНИЕ», освещает другую табличку, чуть большего размера, с наклонными буквами: «КАЖДОМУ СВОЕ ДЕРЬМО».

— Это выражение стало нашим лозунгом, с которым мы сверяем все происходящее.

— Я не люблю лозунгов, но этот, мне кажется, вобрал в себя смысл всех лозунгов на свете, — признает Викинг.

— А потом появился Фетнат. Он внес свое уточнение: «34 жителя. 0 зануд».

— Три зачеркнуто потому, что потом пришел Маркиз.

— Я хотел добавить еще один лозунг: «Когда тебе нечего терять, ты можешь завоевать весь мир», но они отказались, — с сожалением произносит молодой азиат с синей прядью в волосах.

— Если тебе надо запомнить всего один девиз, девчушка, запомни вот этот: «Каждому свое дерьмо»...

Он сплевывает на землю и поворачивается к Кассандре:

— А сама-то ты кто, если по-честному?

Пещеры первобытных людей посреди бескрайней свалки. Как странно. Они спрятались от мира там, где никто не станет их искать.

Когда они хотят, то очень хорошо говорят. Кажется, они много знают. Они учились. Это не безграмотные бомжи. Как же они здесь оказались? А почему, кстати, бедные обязательно должны быть невежественными и глупыми?

Они кажутся умными. У них, похоже, какое-то особое восприятие мира, это очень интересно. Думаю, в жизни им пришлось нелегко.

Как и мне.

Кассандра Катценберг снова медленно размыкает губы. Она так экономит слова, что все очень внимательно к ней прислушиваются.

— Я хочу... остаться здесь.

Присутствующим требуется некоторое время, чтобы осознать смысл сказанного.

— Вот еще новости, — восклицает Маркиз.

— Нет, увы. Мы не можем оставить тебя, Белоснежка, — отвечает Эсмеральда.

— Твои родители будут волноваться, — объясняет Фетнат.

— У меня нет родителей, — говорит Кассандра.

— Ну, не знаю — школа, детский дом, пансион, кто-то точно будет волноваться из-за твоего отсутствия, — продолжает рыжая, которая от волнения косит еще сильнее.

— Я хочу остаться здесь, — повторяет Кассандра.

— Ты что, глупая или глухая? Говорят тебе — нет, — заявляет Эсмеральда.

— У тебя чистые руки. А у нас у всех грязные, — добавляет Ким.

— Грязь спасает нас от грязи, а ты такая чистая, что «защиты» у тебя нет, — поддерживает его Фетнат.

Ким пренебрежительно добавляет:

— Ты — из буржуев, ты — дочка богачей. Мы их ненавидим.

— У тебя, наверное, большие проблемы. Но и у нас проблемы есть. Наш девиз: «Каждому свое дерьмо», — сухо произносит Эсмеральда.

Орландо стучит рукой по бочке.

— Эй, Герцогиня, у тебя с головой все в порядке? Мы не можем бросить эту девчушку!

Трое остальных размышляют. Наконец Эсмеральда берет бутылку вина, отпивает глоток, рыгает и заявляет:

— Я предлагаю голосование. В Искуплении — демократия, пусть решает большинство.

Фетнат оборачивается к Киму:

— Маркиз, ты за или против того, чтобы Белоснежка осталась?

Ким немедленно отвечает:

— Конечно, против. И, взвесив все, я вообще предлагаю ее убить, потому что, едва выйдя отсюда, она на нас донесет. Утопим труп в болотах, да и дело с концом. Там, где ее чуть собаки не съели, да, Барон? Вернем, так сказать, статус-кво.

Фетнат кивает, потом поворачивается к рыжей:

— А ты, Герцогиня?

— Я против. От нее надо избавиться, но идею с убийством в южных болотах я не поддерживаю. Туда ходят играть цыганские ребяташки. Они могут найти тело.

Она подходит к Кассандре и запускает руку в ее длинные волнистые волосы.

Она нарушила мое личное пространство, но я не должна реагировать.

— Хорошенькая. Лучше продадим ее албанцам.

— Записано. Ты, Барон?

— Я «за». За то, чтобы девчушка осталась с нами. И чтобы ее не убивать. Мы не будем выкидывать ее в болото или продавать албанцам, они ее изувечат. Мы — беглецы и должны помогать другим беглецам.

— Понятно, сума переметная, — цедит сквозь зубы Герцогиня. — Я знаю, почему ты ее защищаешь. Да, знаю.

— На что это ты намекаешь, Герцогиня?

— Нечего изображать невинность, Барон! Мы все о тебе знаем. У тебя дочка чуть постарше нее. Тебе с ней видаться не дают, вот ты и хочешь, чтобы эта ее заменила. Отцовский инстинкт...

— Да как ты смеешь даже упоминать о моей дочери, жирная косоглазая баба! Я запрещаю тебе произносить...

Барон пытается ударить ее в ухо, но рыжая отскакивает и выхватывает бритву. Они стоят друг напротив друга, готовые сцепиться.

— Виконт, а ты как голосуешь? — как ни в чем не бывало спрашивает Ким, желая переключить всеобщее внимание на другой предмет.

Все вопросительно смотрят на высокого негра в разноцветном балахоне, который снова неторопливо раскуривает трубку.

— Барон прав: Искупление — это священное право беглецов. Не меня спрашивать о том, можно ли прогонять чужаков, если вы понимаете, о чем я говорю. Увы, Герцогиня, я голосую за то, чтобы она осталась.

— Два на два. Поровну. Вот недостаток демократической системы при четном количестве избирателей.

— Давайте переголосуем! — предлагает Ким.

— Бесполезно, опять ничего не получится. Хорошо. Поскольку я — вождь племени, окончательное решение принимаю я: отдавая долг гостеприимству, а главное, потакая бескрайней сентиментальности Барона, я разрешаю Золушке остаться с нами, но ненадолго.

— Она из буржуев! — возмущается Ким. — У нее чистые руки! Мы, что, с благовоспитанной девицей жить будем?

— Не волнуйся, она все равно не сможет привыкнуть к нашему образу жизни, не волнуйся, — отвечает ему Фетнат.

Эсмеральда поворачивается к Орландо:

— Скажи ей, что может остаться, но только на три дня. Потом она отсюда уберется. Спать будет на складе, рядом с консервами. Надо ей дать сухое и чистое одеяло. У тебя найдется, Виконт?

— Ей еще придется пережить завтрашний шок, — усмехается Ким.

Лицо девушки выражает непонимание.

— Ну, малышка, раз ты любой ценой хочешь остаться здесь, то завтра после пробуждения тебя будет ждать большой сюрприз, — насмешливо добавляет молодой человек.

Кассандра хочет поблагодарить Эсмеральду, но та уже встала и отщипывает кусочки жаркого, которое продолжает вращаться на вертеле.

— Чувствую, мы совершаем непростительную глупость, — бормочет Эсмеральда про себя. — Я уверена, что не ошибаюсь. Оставить тут несовершеннолетнюю девчонку — это глупость, чудовищная глупость.

— Эй, девчушка, ты так и не сказала, как тебя зовут? — замечает викинг.

Девушка пристально смотрит на каждого по очереди и медленно произносит:

— Кассандра.

Ким опять хихикает:

— Подходящее имечко для буржуйской дуры.

— Есть хочешь? — спрашивает Орландо.

Кассандра качает головой.

Тяжелые тучи закрывают луну. Крупные капли падают на землю, шипят в костре. Собирается новый ливень. Орландо и Фетнат находят сухую одежду для гостыи, устраивают ей спальню на складе консервов. Кассандра кое-как укладывается на постель из кипы газет,

положенных на консервные банки и прикрытых грязной простыней. Под голову кладет набитый тряпьем мешок из-под картошки. Вокруг громоздятся ряды и башни консервных банок. Одни вздулись, другие источены ржавчиной. Большинство без этикеток.

Измученная впечатлениями этого странного дня, Кассандра вытягивается и укрывается пропахшим пылью одеялом. Спасшийся от дождя комар пищит, кружа под брезентовым потолком.

Эти странные бомжи полюбят меня. Мне кажется, они уже начинают меня любить. Им просто нужно привыкнуть. И. потом... не так-то легко любить такого необычного человека, как я. Представляю, каково бы мне было на их месте.

Под крышей ползают тараканы, шурша своими быстрыми лапками по рифленой жести.

Насекомые, пожалуйста, оставьте меня сегодня в покое.

Капли дождя стучат по кучам мусора.

Что же завтра будет такого ужасного?

Она кладет часы на ящик, служащий тумбочкой, и включает их. «Вероятность умереть в ближайшие пять секунд: 88 %».

«Отправитель: «д»

Что сказал директор? Ах, да... «От кого-то, кто вас любит».

Она выключает часы. Цифры исчезают.

Кассандра опускает наконец веки и засыпает. Снаружи, в черной ночи ревет гроза.

Ослепительно белое солнце. Кассандре снится, что она находится в большом античном, залитом светом городе, под синим, как лазурь, небом. Она поднимается по ступеням выкрашенного в яркие цвета храма.

Вход украшают кариатиды и коринфские колонны, барельефы с изображением потрясающих мечами и копьями воинов в туниках. Их мышцы рельефно выделяются на мраморной поверхности.

Кассандра входит в священное место. Миновав длинную череду светильников, она достигает подножия высокого трона, на котором сидит женщина лет пятидесяти, облаченная в белую тунику.

На ее прекрасном, не тронутом временем лице играет улыбка.

— Я — Кассандра, — говорит она. — И я знаю, кто ты. Ты — Кассандра из будущего.

Девушка узнает жрицу, нарисованную на обложке книги Пападакиса. Ее осанка полна королевского достоинства. Ее тело украшают отделанные бирюзой драгоценности, а длинные золотисто-каштановые волосы увенчаны диадемой. Змея, играя, обвивается вокруг ее руки, словно живой браслет.

— Ты видишь будущее, и никто не верит тебе, не так ли?

Она понимающе улыбается.

— Иди за мной, — говорит она, поднимаясь.

— Зачем? — спрашивает девушка.

— Будем развивать твою женскую интуицию, — отвечает женщина и подмигивает.

Кассандра робко идет за ней и вскоре видит великолепный сад, разбитый за храмом. Тысячи младенцев, вцепившихся в прутья ограды в глубине сада, наблюдают за ними.

— Кто это? — спрашивает девушка, замедляя шаг.

— Они? Это грядущие поколения. Они хотят знать, что мы делаем, чтобы понять, что их ждет впереди.

Женщина проходит мимо апельсиновых деревьев и величественно движется в сторону холма. Из складок своей туники она достает зерно, становится на колени и сажает его в землю.

— Смотри внимательно, сейчас произойдет нечто важное, — шепчет она.

Она щелкает пальцами, из земли немедленно появляется крошечный росток, который начинает быстро тянуться вверх.

Потрясенная девушка отступает назад, но женщина берет ее за руку:

— Не бойся.

Росток становится стволом синего дерева, он продолжает разрастаться и подниматься к небу, с оглушительным треском расправляются его ветви, появляется листва.

Синее Дерево становится огромным.

Оно столь велико и раскидисто, что его крона закрывает небо.

Жрица показывает Кассандре на дверь, открывшуюся в толстом синем стволе:

— Хочешь пойти со мной дальше?

Девушка соглашается и видит в темноте ствола два хода. Один ведет наверх, другой — вниз.

— Это Древо Времени. Корни — это прошлое, ствол — настоящее, ветви — будущее, — объясняет античная Кассандра. — Пойдем! Я покажу тебе кое-что интересное.

Она ведет девушку по лабиринтам древесных коридоров, которые, переплетаясь, уходят вверх, и выводит ее наружу, на уровень самых нижних ветвей. Здесь темно-синие ветки продолжают голубыми отростками с белыми листьями, они почти касаются лица девушки.

— Нужно предупредить младенцев, — говорит ей античная Кассандра.
Она показывает на листок, на котором видна уже знакомая девушке сцена.
Происходящее приводит ее в ужас.

Кассандра рывком садится на постели и кричит.

Тут же прибегают Эсмеральда, Фетнат, Орландо и Ким. Они видят, что она сидит на кровати, глаза ее полуоткрыты. Слова срываются с ее губ, кажется, что она рассказывает сон, который видит в данный момент.

— Мужчина... он надел белую одежду. Он забирается внутрь завода, карабкаясь по стене при помощи веревки. Он достает карту, чтобы понять, где находится. Огибает склады. Останавливается перед серым строением. На нем написаны четыре буквы: «ЭФАП». Он входит в комнату, где лежат горы желтой пудры. Он кашляет. В воздухе висят облака пыли. Крыша комнаты — это огромная труба.

— Господи, да у нее эротический сон, — усмехается Ким, чтобы разрядить обстановку.

Девушка продолжает описывать то, что видит.

— Человек садится и без конца повторяет молитву. Он опьянен своей молитвой. Он много раз ударяет себя рукой в сердце, словно желая, чтобы слова молитвы вошли в его плоть. Потом он останавливается и смотрит на часы. Циферблат показывает десять часов двадцать восемь минут. Он продолжает бить себя в грудь все сильнее и сильнее. Опять останавливается. Его часы показывают девять часов тридцать минут. Он расстегивает рубашку, под ней надет жилет, к которому прикреплены красные трубки. С них свисает веревка. Он тянет за нее, закрыв глаза.

Кассандра умолкает с полуоткрытым ртом.

— Что ж, ничего страшного не происходит, — заявляет Эсмеральда. — У нее просто кошмарный сон, она немного сомнамбула.

— Что-то он удивительно точный, ее кошмарный сон, — замечает Орландо взволнованно.

— Я чувствую... я слышу... я вижу... я вижу... взрыв. Он, как в замедленной съемке, разрывает человека на части и порождает огненный шар. Загорается желтая пыль. После первого взрыва звучит второй, гораздо более сильный...

Все молчат. Не моргая, девушка продолжает:

— Машины вокруг подняло в воздух. Люди валятся на землю. Все окна в соседних домах разбиты, тысячи острых, как бритва, осколков летят в разные стороны, режут и калечат. Десятки тел, пронзенных кусками стекла, лежат в лужах крови...

Кассандра зажимает уши и морщится, словно слышит взрыв. Она застывает в этой позе. Проходит несколько минут, никто не решается нарушить тишину.

— Так, — говорит Эсмеральда. — Кошмарный сон закончился. Ложись спать, все будет хорошо.

Кассандра вновь открывает глаза и смотрит по очереди на каждого из четырех обитателей Искупления. Она хватает Эсмеральду за руку и медленно произносит:

— Вы можете их спасти...

Потом повторяет, едва сдерживая рыдания:

— Вы должны их спасти.

Все четверо смотрят на нее с недоверием.

— Завод «ЭФАП» действительно существует, это нефтехимический центр в юго-восточном пригороде, — заявляет Орландо.

— Ну и наплевать, ложимся спать, и ты тоже. Давай спи малыш! — отвечает женщина с рыжими волосами.

— Будут жертвы. Еще ничего не произошло. Вы можете спасти этих людей! — настойчиво говорит Кассандра.

Молодой азиат качает головой.

— Не люблю я людей. И потом, это не люди, а буржуи. Ненавижу буржуев.

— А я не люблю спасать, — заявляет Фетнат.

— А я не люблю, когда мне говорят, что я должна делать! — ворчит Эсмеральда. — И совершенно недопустимо, когда приказы мне отдает какая-то соплячка!

— В любом случае, мы никогда не покидаем свалку, — продолжает Орландо. — Давай засыпай, девчушка, это просто кошмарный сон.

— Да вы что, не поняли? Это действительно произойдет, и только вы можете предотвратить несчастье! — взывает к ним девушка с большими светло-серыми глазами.

— Ну и что? Даже если это действительно произойдет, нам-то что за дело? — спрашивает Эсмеральда.

— Если вы не вмешаетесь, много людей погибнет, **ВЫ ДОЛЖНЫ ИХ СПАСТИ!** — упрямо повторяет девушка.

Эсмеральда хватает ее за запястья:

— Эй, мисс Зануда, давай определим правила игры. Богатые — наши враги. ВРАГИ, слышишь? Они нас ненавидят.

Остальные подхватывают.

— Они нас боятся, — говорит Фетнат.

— Мы им отвратительны, — добавляет Орландо.

— Если бы они могли послать полицейских, чтобы те отколотили нас, а потом скормили своим дрессированным псам, они бы так и сделали, — добавляет африканец. — Но мы спрятались здесь, в нашем убежище.

Глаза Кассандры по-прежнему смотрят куда-то вдаль.

— Вы должны их спасти, — шепчет она надтреснутым голосом.

— Что за тупая девчонка! Золушка, ты не поняла? Ты находишься на мусорной свалке! Вокруг отбросы. Слышишь шуршание? Это крысы. Даже собаки, которые за тобой гнались, не были мальтийскими болонками и таксами. Буржуи-хозяева бросили их, чтобы спокойно уехать на каникулы, и собаки стали размножаться. Слабые погибли. Сильные их сожрали.

— Вы должны их спасти, — упрямо настаивает девушка.

— Так и есть, пластинку заело. Черт подери, до чего же она тупая, эта девчонка. Раз уж тебе все надо объяснять, то слушай: если буржуи подохнут, мы будем довольны! Именно так. Это нам очень нравится. Чем больше буржуев подохнет, тем сильнее мы обрадуемся.

— Что хорошо, когда сидишь в заднем проходе — ниже падать некуда и можно ненавидеть всех, кто находится выше тебя, — ухмыляется Ким.

— Вот-вот, если тебе поставили единицу, то в следующий раз ты не боишься получить оценку еще хуже, — соглашается Орландо.

Эсмеральда продолжает свою речь:

— Мы — злые, мы — плохие. В новостях показывают голодающих детей с торчащими ребрами, а нас это утешает, потому что мы бедные, но едим каждый день. Мы едим отбросы, но зато в неограниченном количестве. Благодарение Господу, хоть мы и на самом дне, но от голода никогда не помрем. В этой стране всегда будет мусор. Это точно.

Остальные согласно кивают.

— То же самое происходит, когда мы видим в новостях убитых и раненых. Правда, Барон? Нам смешно, потому что нас на свалке война не достанет. У нас тут спокойно. Даже если противник будет бомбардировать нашу страну, на нас он снаряды тратить не станет. И даже если враг завоюет нас, ему будет наплевать на свалку, — продолжает Эсмеральда.

— Мы сами — отбросы, — говорит Фетнат. — Все нами брезгуют. Если ты понимаешь, что

я хочу сказать.

— Мы никогда не уходили со свалки и никогда не уйдем. И даже если все буржуи подохнут, нам наплевать. Каждому свое дерьмо.

— Вы должны их спасти, — повторяет Кассандра менее уверенно.

— Давай, доброй ночи, девчушка. Засыпай и нам дай поспать.

Они по очереди покидают склад, оставляя ее наедине со вздувшимися консервными банками, копошащимися тараканами и слишком похожими на правду кошмарными снами.

Это проклятие?

Когда-то оно довлело над троянской царевной Кассандрой, а теперь — надо мной.

Как бы я хотела ничего не знать о будущем. Как бы я хотела спокойно спать по ночам. Быть как все. Видеть лишь бессмысленные, ничего не значащие сны. Как я отдыхаю на каникулах, плаваю в море.

Пролетает чайка. Ее крик переходит в...

...кукареканье петуха, начинающего свой утренний концерт.

Припозднившийся и немного охрипший певец предпринимает несколько попыток найти тональность.

Небо ясное, солнце стоит довольно высоко. Кассандра резко открывает глаза. Первое ее ощущение чрезвычайно неприятно.

Как ее и предупреждали, теперь, когда тонкая пленка дождевой влаги не покрывает больше разлагающийся мусор, он издает свой естественный запах. Напоминающий ей о том случае, когда в пансионе кто-то подложил в ее вещи зловонный шарик.

Она морщится от отвращения и начинает задыхаться. У нее першит в горле, затем начинается душераздирающий кашель, похожий на приступ астмы. Она ищет воздух, которым можно дышать, но повсюду — одни и те же мерзостные испарения. Она мечется по единственной комнатке хижины, спотыкается, падает на колени, затыкает себе нос.

Запах слишком силен, он атакует обонятельные рецепторы, словно едкая жидкость. В поисках свежего воздуха она выбегает наружу, но там ее ждет лишь более сильная вонь. Не зная, что делать, она бежит за угол хижины, ее рвет. Потом она выпрямляется, вытирает рот и смотрит, чем занимаются остальные обитатели свалки.

Эсмеральда, одетая в широкое черное платье с вышивкой, вытянулась в своем шезлонге. Она читает журнал со сплетнями о звездах, а в руке держит пивную кружку с кофе. На обложке журнала написано крупными буквами: «Кевин Мальсон и Джессика Ледельзир: отношения стали сложными». Там же изображен татуированный мужчина, сжимающий в объятиях худую светловолосую неестественно улыбающуюся девушку. Внизу добавлено: «Она открыла его темное прошлое».

Фетнат, намереваясь просушить шкуру убитой накануне собаки, распяливает ее на деревянной раме. Орlando мастерит колчан для стрел. Ким натягивает между столбами электрические провода и устанавливает наверху громкоговорители. На нем новая майка с надписью: «Тот, кто был ничем и остался ничем, не должен никого благодарить».

Викинг поднимает глаза и приветствует девушку взмахом руки:

— Как дела, девчушка? Ну, теперь ты знаешь, где находишься. Вонь нас защищает, но к ней все-таки надо привыкнуть. Конечно, поначалу тяжело... Я хочу сказать, для неженки. Считай просто, что живешь в деревне хорьков.

Кассандру снова тошнит. Она сдерживается, потом опять начинает задыхаться, хватается за горло, и ее рвет еще раз. На этот раз слово берет Фетнат:

— Ты сама сюда пришла, девочка. Тебе говорили, что это не место для буржуев. Если ты понимаешь, что я хочу сказать.

Она по-прежнему ищет чистый воздух — и не находит его. Она часто, мелко дышит, словно надеясь отфильтровать зловоние.

— Слушай, Белоснежка, если хочешь остаться на весь день, тебе надо привыкать, иначе проваливай! — отрезает Эсмеральда.

Ким усмехается:

— Мы-то думали, оставлять ее, не оставлять, а запах Искупления все решил вместо нас. Смрад, наш милый смрад, ты наша защита, гораздо надежнее бетонных стен и колючей проволоки.

Кассандра по-прежнему задыхается.

— Считай это боевым крещением. Если хочешь быть геморроем, надо терпеть запах

задницы, — подводит итог Ким, откидывая со лба синюю прядь.

— Это не так просто, Маркиз. Слушай, разговаривай с нашей Золушкой повежливей! Скажем так: хочешь стать хорьком — привыкай к запаху норы.

Девушка их уже не слушает. Она мелко сглатывает, понимая, что именно сейчас решится, будет она жить среди этих людей или нет. Она пытается дышать крошечными вдохами, чтобы приучить свои легкие к едкому воздуху. В горле по-прежнему стоит ком от запаха разложения.

Я хочу остаться. Я могу выдержать.

Остальные собрались вокруг и смотрят на нее, кто с любопытством, кто насмешливо. Орландо протягивает ей мокрый платок, который она тут же прижимает к носу. Покрасневшие глаза жжет, она яростно трет их. Ей кажется, будто она стоит в облаке слезоточивого газа.

— Что, щиплет? — спрашивает Орландо. — Когда привыкнешь, приходи завтракать.

Она долго стоит одна, пытаясь прийти в себя, потом присоединяется к сидящим у костра.

— Устраивайся, — предлагает Орландо. — Мяса хочешь?

Она растерянно смотрит на обугленную, истекающую желтоватым жиром тушку и вдруг понимает: то, что она принимала за кролика, таковым не является.

Они едят кошку!

Викинг следит за ее взглядом.

— Их тут не так уж много. Это буржуйская кошечка. Сбежала, наверное.

Он показывает ей маленький металлический ошейник с надписью: «Жанна». Затем берет тарелку и хочет положить ей кусок. Кассандра решительно мотает головой.

— Зря отказываешься. Упускаешь нечто совершенно фантастическое! Похоже на кролика, но гораздо сочнее, — замечает Фетнат. — Может быть, потому, что кошки едят мышей. У мяса есть особое послевкусие, как у мяса землеройки.

Кассандра закрывает глаза, опять подкатывает тошнота.

— Да ты не бойся, — успокаивает ее Орландо. — Я эту кошку не убивал. Ее задрали дикие собаки. Я только подобрал.

— Мы не любим кошек, — добавляет Эсмеральда. — Это буржуйские животные. Они корыстные. Заметь: у бомжей есть собаки, но никогда не бывает кошек. Когда кошка понимает, что хозяин больше не может ее кормить, она уходит к тому, кто побогаче. Собаки, конечно, попроще, но они до самой смерти верны хозяину, даже нищему.

Черт, никогда об этом не задумывалась.

— Точно так же есть собаки-поводыри, но нет кошек-поводырей.

— Ну скажешь тоже. Если кошка слепого поведет, она его на крышу затащит или на дерево!

Ким сплевывает на землю:

— Мой учитель французского говорил: «Когда человек кормит собаку, собака думает, что человек — ее бог. Когда человек кормит кошку, кошка думает, что человек — ее слуга».

— Опять идиотская цитата, Маркиз? — возмущается Орландо.

— Нет, просто констатация факта, Барон.

Кассандра не может оторвать глаз от оставшегося после зажаренного зверька ошейника с посеребрянной медалью.

«Жанна». Как Жанна д'Арк. Опять эта проклятая идея о том, что имя предопределяет нашу жизнь. Бедная кошка Жанна закончила свои дни на костре, но это случайность. Чистая случайность.

— Если не хочешь кошки, может, попробуешь горячей собаки? «Hot dog», так сказать? — вежливо предлагает Фетнат.

Он показывает девушке другой вертел, на который надета освежеванная собака. Кассандра качает головой.

Орландо копается в продуктах, лежащих рядом с ним в тележке из супермаркета.

— Вы забываете, что это дочка буржуев! Вот, малышка, хочешь апельсинового сока? Срок годности истек, но, думаю, у микробов нет часов и календаря. Вряд ли они так прямо и ждут определенной даты, чтобы наброситься на еду. Еще есть два черствых рогалика в целлофане и, если хочешь, варенье.

Он берет баночку варенья, открывает ее, нюхает и предлагает Кассандре. Слой зеленоватой плесени покрывает поверхность. Викинг ложкой снимает пушистые наросты, из-под которых появляется красное желе.

Кассандра пробует, затем выплевывает.

Все здесь имеет привкус гнили.

Но она берет себя в руки, ей удается съесть немного отсыревших чипсов и ореховой пасты, которую она глотает, зажав нос. Остальные смотрят на нее, им смешно.

— Знаешь, который час, Белоснежка? — спрашивает Эсмеральда.

Она указывает девушке на высокие нормандские часы из резного дуба, с циферблатом, украшенным римскими цифрами.

— Через полторы минуты будет ровно десять.

— Одно из преимуществ жизни вне системы — не нужно рано вставать, — напоминает Фетнат.

— Никаких деловых встреч. Никакого офиса. Никакого автомата, регистрирующего время твоего прихода. Никакого страха опоздать, — добавляет Ким.

— Нет пробок. Нет начальника. Не боишься увольнения.

— Нет заданий, нет целей, которых надо достигать, — замечает Орландо.

— Мы свободны. Нам не нужно отчитываться. Мы будем вставать поздно каждый день, вплоть до самого последнего.

Кассандра говорит, что хочет помыться.

— О-о... нет! Тут нет водопровода. Лужи отравлены кислотой и токсичными веществами, которых тут полно. Поэтому ни душа, ни ванны. Увы!

— Чистая вода на вес золота, — добавляет Фетнат. — Мы собираем ее в цистерну, которую Орландо смастерил. Дождевая вода фильтруется там пористым камнем. Капля за каплей. Понимаешь, что я хочу сказать?

— Если хочешь принять теплый душ, наполни бутылку фильтрованной водой из цистерны, согрей на костре и вылей себе на лицо, — советует Ким. — Так делали в Средние века. И выжили.

Эсмеральда кивает:

— Мой дедушка в Италии говорил: «Хочешь быть здоровым — не мойся». И он был прав. Так ты укрепляешь иммунную систему, которая привыкает бороться с микробами.

Девушка внимательно слушает.

— А если в туалет хочешь — вырви страницу из журнала Герцогини и спрячься за кучей покрывшек. Самая мягкая бумага у «Геттёр Модерн». Я лично предпочитаю подтираться страницами с политическими статьями. Они особенно гладенькие, не то что в спортивном или культурном разделе. Там листы гораздо более шершавые.

Кассандра, заинтересованная последним сообщением, исчезает за кучей покрывшек и возвращается несколько минут спустя.

Орландо отчаянно чешется. За ним — Ким. За ним — Фетнат. За ним — Эсмеральда, которая объясняет:

— Чесаться — первая стадия распада личности. Постарайся как можно дольше не чесаться.

Тут Кассандра понимает, что ее тело, искусанное за ночь насекомыми, зудит. Но она

противостоит искушению расчесать нежную кожу острыми и длинными ногтями.

Было бы слишком приятно.

— Вторая стадия распада личности — когда ты разговариваешь сам с собой, — продолжает Эсмеральда.

— Есть и третья стадия, — говорит Фетнат. — Но о ней ты узнаешь в свое время.

Нормандские часы отбивают время.

— Десять часов. Включай новости, Маркиз.

Ким идет в свою хижину, из которой тянутся провода, подсоединенные к звуковым колонкам, приносит большой, треснутый по диагонали экран и устанавливает его на пустые ящики. После недолгой настройки появляется заставка последних известий.

Голос журналиста, доносящийся из колонок с заплатанными мембранами, сообщает о главных событиях дня:

— Первое: внутренняя политика. Следствием слухов о банкротстве многочисленных банков является финансовый кризис. Никто не ожидал его наступления. Согласно мнению специалистов, ожидается понижение покупательной способности и самое широкое обеднение населения страны в целом.

Второе: спорт. Поражение футбольной команды Парижа в игре с командой из Монпелье. Руководители и тренер клуба не ожидали, что команда, считающаяся слабой, сумеет одержать над ними победу. Команда столицы может потерять место в лиге.

Третье: международная политика. Визит во Францию президента Ливии. Как все и ожидали, произошли многочисленные манифестации, инициированные ассоциациями по защите прав человека. Они обвиняют главу Ливии в организованных его секретными службами нападениях на гражданские самолеты и в лишении свободы болгарских медсестер, подвергнутых пыткам после сфальсифицированного судебного процесса. Но президент Франции заявил: «Нужно дать возможность этому руководителю государства искупить свою вину и вернуться в сообщество цивилизованных наций». А президент Ливии, в свою очередь, сказал во время пресс-конференции: «Я приехал сюда для того, чтобы услышать извинения. Извинения со стороны Франции и других колониальных стран перед всеми нациями, которые они угнетали».

Четвертое: сводка погоды. Климатический кризис, шторма обрушились на весь юг Франции. Эксперты не ожидали их появления. На остальной территории Франции — кратковременные ливни, другими словами, резкое чередование солнечной погоды и гроз...

Внимание, розыск. Полиция разыскивает несовершеннолетнюю Кассандру Катценберг, возраст семнадцать лет. Последний раз ее видели в северных пригородах столицы. Осторожно, девушка подвержена приступам паранойи и может быть опасна. При встрече не пытайтесь задержать ее самостоятельно, обращайтесь к властям.

Весь экран занимает фотография Кассандры.

Эсмеральда вскакивает:

— Это Золушка! Теперь нами может полиция заинтересоваться!

Орландо встает перед ней:

— Договорились — три дня, Герцогиня, три дня. Надо держать слово. В любом случае, никто и не подумает искать девчужку здесь.

— Заткнитесь! Самое главное! — объявляет Фетнат и знаком просит Кима увеличить громкость звука.

— Лото. Сегодня выиграло число...

Они тщательно записывают цифры на полях газеты.

— Черт, опять пусто, — с сожалением говорит Фетнат.

Затем все взгляды устремляются на Кассандру.

— Видишь, ты ошиблась, Бернадетта Субиру ^[8]. Никакого террористического акта сегодня утром не было, мисс Сомнамбула, — иронически замечает Ким.

— Лучше бы ты дала нам выигрышные цифры лото в правильном порядке, — бурчит Фетнат. — Это было бы гораздо полезнее, если ты понимаешь, что я хочу сказать!

— Не обижайся, малышка, — заключает Эсмеральда. — Ты была совершенно права. В любом случае, ты ни за что не уговорила бы нас уйти со свалки. У нас есть только одна связь с внешним миром — цыгане, которые продают нам лотерейные билеты, сигареты и мои бесценные журналы. А лото существует для того, чтобы дать Богу возможность вознаградить нас за все те несчастья, которые он заставил нас пережить.

Фетнат смотрит на девушку:

— Так, теперь у нас есть время, перейдем к представлениям. Кто ты, малышка? Ты нам сказала, что зовут тебя Кассандра, но так и не объяснила, как ты здесь оказалась.

Девушка с большими светло-серыми глазами снова замечает лиса. Он сидит вдалеке и наблюдает за Кассандрой.

Возможно ли, чтобы я ошиблась? Значит, это был обычный сон. Не вещей. Но я видела происходящее во всех подробностях. Я помню все так, словно была там.

Я могла бы даже описать лица раненных взрывом людей.

Значит, я предупреждала об опасности, которая не существовала?

Да еще хотела, чтобы ради спасения людей бомжи ушли со свалки. А если бы они так и сделали, а в результате ничего бы не произошло? Вот это было бы еще хуже.

Я бы стала посмешищем.

О чем они меня спросили?

«Кто ты, малышка?»

Если бы они знали...

Если бы я сама знала...

Надо их немного успокоить. Иначе они не оставят меня тут надолго. А я так хочу остаться здесь, вдали от «нормальных» людей.

Давай постарайся, слова должны найтись.

Все собираются вокруг Кассандры.

— Я пришла из школы «Ласточки».

— Где ты родилась? Как жила раньше? — спрашивает Фетнат.

Она умолкает. Все терпеливо ждут.

— До «Ласточек»? Был теракт.

— Какой теракт, девчушка?

У нее сжимается горло. На этот раз не образы из сна, а настоящие воспоминания возникают в ее памяти.

— С папой и мамой. Мы поехали на «Набукко», представление оперы Верди с итальянским оркестром у подножия пирамиды Хеопса, в Египте.

— Не люблю я оперу, — перебивает ее Ким, которого никто ни о чем не спрашивал. — Я рок люблю.

— Да заткнись ты, Маркиз! — говорит Орландо. — Давай рассказывай дальше, девчушка.

Кассандра, глядя куда-то вдаль, продолжает:

— Хор рабов в тот момент зазвучал громче. Музыка становилась все более мощной. И...

Она застывает с приоткрытым ртом. Потом произносит:

— Мне вдруг неожиданно захотелось в туалет. Я поднялась, пробралась через ряд и пошла в туалет, который находился в стороне. Когда я вернулась, я...

Ее охватывает дрожь.

— Что?

— Я увидела взрыв.

Она умолкает и опускает глаза. Группа бомжей не решается нарушить молчание. Она набирает полную грудь тошнотворного воздуха и продолжает:

— Они установили бомбу под сценой.

Она опускает голову. На ее лбу блестят капельки пота.

— У меня отказали барабанные перепонки. Слово из легких разом выдуло весь воздух.

— Да, это воздействие взрывной волны, — объясняет Орландо, который, кажется, хорошо знает, о чем идет речь. — Тебе еще повезло, что все случилось под открытым небом...

— В уши словно воткнулись сотни иголок, легкие горели, ноги стали ватными. Появилось огненное облако. Голову охватила такая боль, словно через мозг прошел разряд электричества. Я потеряла сознание...

Она опускает ресницы.

— Потом...

Все ждут.

— Потом... наверное, много времени спустя, я пришла в себя. Помощь еще не приехала. Не было ни врачей, ни медсестер, ни полиции. Только огромное облако дыма и люди, открывавшие рты, словно рыбы на берегу. Они двигались, но вокруг была полная тишина. Я оглохла.

Она снова прерывается и сглатывает слюну.

— Я встала на четвереньки и поползла в дыму между трупами. Я чувствовала отвратительный запах обуглившейся плоти. Потом вдруг слух вернулся ко мне. Я снова слышала, и слышала страшный крик. Люди, которые открывали рты, на самом деле кричали. Вопили все. Крики, крики... никогда этого не забуду.

Кассандра умолкает. Когда она заговаривает снова, ее голос звучит бесстрастно, он лишен всякой выразительности.

— Я бегала среди распростертых тел. В конце концов я их нашла. Своих родителей. Их разорвало на куски. Я не знала, что делать, и стала соединять части их тел. Мне казалось, что нужно делать это.

— Черт, как в легенде про Осириса, — замечает Ким. — Там девушка в Египте ищет части тела своего любимого, чтобы собрать их, как пазл.

— Заткнись, Маркиз! Дай ей договорить. Продолжай, малышка, мы слушаем тебя, — нетерпеливо говорит Орландо.

— Я сидела рядом с их телами и ждала, что будет дальше. Помощь приехала не скоро. Меня отвезли в больницу. И накачали транквилизаторами.

Наступает долгое молчание. В глазах Кассандры нет слез, они блестят от боли.

— Потом появились сотрудницы социальной помощи, и меня поместили в школу «Ласточки». Там я жила несколько лет. Но мне там не нравилось. Оттуда я и сбежала.

Орландо с понимающим видом медленно качает головой:

— Вот почему девчушка видела во сне взрыв. Она потеряла родителей во время теракта. Ей везде теракты и чудятся. Известная вещь, называется ПТС, посттравматический синдром. В легионе об этом рассказывали. Люди, пережившие шок во время войны, постоянно видят во сне травмировавшие их сцены. Им кажется, что все это происходит в действительности. Ветеранам вьетнамской войны такое тоже знакомо.

Фетнат протягивает Кассандре кружку с горячим чаем, она пьет рассеянно, шумными маленькими глотками.

Орландо встает, распрямляя свое большое тело:

— Хочешь, девчушка, пойдём со мной. Я поищу что-нибудь на обед, а ты отвлечешься немного.

Теперь они знают.

Скопления мусора представляют собой равнины, холмы, долины, вершины, утесы из разнообразных дымящихся материалов.

Орландо и Кассандра идут среди невероятных пейзажей незнакомой местности, которая находится совсем рядом с «нормальным миром» и которая в то же время так далека от него. По небу летают летучие мыши, похожие на карликовых птеродактилей.

Неожиданно, когда они протискиваются сквозь узкий проход между двумя скалами из отходов, мужчина хватается за руку девушки:

— Осторожно!

Он увлекает ее на землю, стараясь защитить ее голову.

С грохотом треснувшего полярного ледника от горы мусора откалывается кусок и вызывает обвал из неисправных бытовых приборов.

Их накрывает лавиной обломков.

Викинг поднимается и помогает девушке вылезти из-под кучи игрушек.

— Вот так... надо быть внимательнее, — говорит ей пузатый бородач. — Здесь тебя повсюду подстерегает опасность, девчушка.

Он тщательно снимает сор с ее длинных волос.

— Я люблю мусор, но причины, вызывающие его появление, ненавижу.

Он показывает на домашние тапочки с подогревом, от которых тянется хвост электрических проводов.

— Прежде чем купить что-нибудь, люди должны задать себе три вопроса. Первый — нужна ли мне эта вещь? Второй — действительно ли я хочу ее купить? Третий — могу ли я обойтись без нее? Иначе все, что они покупают, становится мусором. Посмотри на эти вещи, у них даже упаковка целехонька. Что за бред. Меня это так бесит. Реклама толкает людей на покупки, не соответствующие их реальным потребностям. Кому это нужно?

Он показывает на салфетки для протирания рук и на упаковки с одноразовыми носовыми платками.

— В мое время сморкались в ткань, и это было очень удобно. А тут!

Орландо подбирает первую попавшуюся игрушку. Пластиковый водяной ручной пулемет для бассейна.

— К тому же их делают китайцы, китайские дети. Их эксплуатируют, с ними обращаются как с рабами, они вкалывают на фабриках в нечеловеческих условиях. И все это для того, чтобы сделать игрушку, которая развлечет вашего сына всего на десять минут, потом отправится в ящик в шкафу, а затем — в мусорный бак.

Он раздраженно сплевывает на землю.

— И из-за этой никому не нужной дряни Франция увеличивает свой финансовый долг Китаю. Теперь мы должны им деньги. За это пластмассовое дерьмо. И мы не можем больше их критиковать, когда они завоевывают Тибет или открыто поддерживают Судан, Зимбабве и Северную Корею с их кровавыми диктаторами. А те готовятся производить атомные бомбы, чтобы бросить их нам в рожу. Вот каковы грозные последствия маленьких безответственных поступков.

Ну, это он хватил лишку. Диктаторы появляются не из-за водяного пистолета.

Викинг бьет ногой по миниатюрной космической ракете, утыканной пушками.

Неожиданно вдали мелькает увертливый силуэт. Орландо достает свое оружие, прицеливается, стреляет и насквозь пронзает убегающую со всех ног добычу.

— Я знаю, что ты думаешь, девчушка: «Никогда не видела таких больших крыс, прямо как кролики». Это потому, что здесь крысы едят досыта, от этого они толстеют и размножаются в свое удовольствие. Для них здесь рай. В нормальной жизни они испытывают постоянный стресс из-за машин, кошек, людей, из-за крысиного яда в красных гранулах. Здесь стресса нет. Здесь крысы расцветают. Здесь им грозит одна опасность — другие крысы. Они все время дерутся между собой из-за территории, из-за кусков протухшего мяса, из-за самок, из-за прохуdivшихся мешков с мукой. Вот перед нами как раз небольшая стайка. Ну-ка попробуй попасть в какую-нибудь.

Орландо отдает ей свой лук, устанавливает стрелу. Девчушка натягивает тетиву, подняв лук на уровень губ, закрывает один глаз и выпускает стрелу. Та со свистом летит по прямой и достигает цели. Слышится звук раздираемой плоти.

— Попала! А ведь тут далеко! Для первого раза совсем неплохо. Как это ты сумела? Училась стрельбе из лука в школе?

— Нет, я лук первый раз в руках держу.

— Bravo, девчушка, у тебя врожденное умение стрелять.

Это всего лишь способ восприятия реальности. Я мысленно создаю связь между собой и крысой. А стрела летит уже по этой линии. Но ему я не могу об этом сказать, он ничего не поймет.

Она пожимает плечами.

— Повезло, — шепчет она, опуская глаза.

Они убивают еще пару десятков крыс, Орландо нанизывает их на веревку, словно жемчужины для ожерелья. Потом обвязывает веревку вокруг пояса — и оказывается в юбочке из крыс, хвосты которых свисают вниз, словно длинная толстая бахрома.

Они возвращаются в деревню, и Эсмеральда уверенной рукой взвешивает грызунов на ладони.

— Принеси пользу обществу. Золушка, помоги снять шкурки и выпотрошить. Ты, наверное, думаешь: что мы с ними будем делать? Из кишок я делаю нитки. Мясо мы едим, готовим из него рагу. По вкусу напоминает кролика. А шкурки цыганам относим. Они их потом продают. Из самых маленьких делают кошельки и кисеты для блошиного рынка в Сент-Уэне. А шкурки побольше покупают скорняки и шьют то, что потом называют шубами из сибирской выдры. Но это уже их дело.

Кассандра снова замечает лиса, который на этот раз приближается, не робея.

— Это Инь Ян. Мы его не трогаем потому, что он, как и мы, дикий, не приручаемый, и любит мусор. Этот лис стал нашим талисманом. У него есть одна особенность: он не выносит слова «работа».

Лис тут же показывает клыки.

— Каждый раз одно и то же. Хочешь, скажи сама, проверь.

— Работа?

Лис начинает рычать, словно завидев врага.

Слова. Сила слов. Глубинный смысл слов. Слово «работа» произошло от слова «раб» и означало «тяжелый, подневольный труд».

— Работа, работа, работа...

Лис визжит и, кажется, готовится к нападению.

— Инь Ян наш на все сто. У нас тоже аллергия на это слово, которое я не буду произносить, чтобы не раздражать нашего друга.

Все устраиваются вокруг перевернутого ящика, на котором лежат нанизанные на веревку крысы.

— За дело! — зычно рявкает Герцогиня, распределяя ножи.

Кассандра трудится наравне со всеми, поглядывая на своих товарищей.

— А вы? — вдруг спрашивает она. — Какое у вас прошлое?

Вокруг самодельного стола раздается гул шутливых протестов.

— Ладно, — соглашается Фетнат, — в конце концов, можно ей сказать... Ну, кто начнет?

— Ну я могу... — говорит Эсмеральда. — Моя история началась в одно прекрасное июльское утро, когда я была избрана Самым Красивым Младенцем в больнице Сан-Мике...

Неожиданно Ким прибавляет звук у телевизора. Раздается торопливый сбивающийся голос журналиста:

— ...сегодня утром в 9 часов 30 минут произошел взрыв на химическом заводе ЭФАП. Согласно первым выводам полиции, речь идет об аварии на производстве, случившейся по причине изношенности оборудования и отсутствия должного технического обслуживания складов, в которых хранятся взрывоопасные химикаты. Взрывная волна выбила стекла во всех окрестных домах и перевернула машины, ехавшие по близлежащим дорогам. На данный момент насчитывается двадцать погибших и несколько сотен раненых, но есть опасения, что цифры могут возрасти...

Значит, я все-таки была права.

Через час Кассандра стоит у больших Северных ворот свалки. На ней розовый спортивный костюм, найденный обитателями Искупления среди мусора, кроссовки без шнурков от двух разных пар, поверх всего — красная лыжная куртка с несколькими дырками.

Эсмеральда произносит:

— Да, знаем, мы обещали тебе три дня, но, прости, Красная Шапочка, мне кажется, что ты приносишь несчастье.

— Я лично все равно считаю, что это просто совпадение. Не верю я в эти ее штучки с предсказанием теракта. Я здесь единственный представитель научной мысли, последователь Декарта, и говорю вам, что это просто случайность, — пренебрежительно заявляет Ким.

Орландо прячет глаза:

— Герцогиня права. Уходи отсюда, девчушка, и забудь про нас.

Фетнат сплевывает на землю:

— Как бы тебе сказать, малышка? Хочешь знать правду? Мы предпочли бы, чтобы ты ошиблась. Но твой сон оказался правдой, и ты нас здорово напугала. Если ты понимаешь, что я хочу сказать.

— Убирайся отсюда и никогда не возвращайся, иначе плохо будет! — угрожающе произносит молодой человек с синей прядью волос.

Подкрепляя слова жестом, он проводит большим пальцем по горлу. Эсмеральда подходит к молодой девушке и заявляет:

— Понимаешь, Бернадетта Субиру, твой дар был бы полезен людям, желающим знать, например, когда террористы будут взрывать бомбы. Нам на это наплевать настолько, что ты даже представить себе не можешь. И мне кажется, подобного рода информация не нужна никому.

— Это как молния. Никогда не знаешь, в кого она попадает. Тут ничего не поделаешь, остается только ждать и надеяться, что не в тебя, вот и все, — признает Фетнат.

— Теракты никого не волнуют, потому что все думают, будто они коснутся кого-то другого. А люди в основном «других» не любят.

— Мы, в частности, ненавидим буржуев, — прибавляет Ким. — Буржуи все козлы, и будет отлично, если все они передохнут. Нас это нисколько не тревожит. Даже наоборот.

Кассандра не отвечает, она кивает головой, словно все происходящее уже не имеет никакого значения. Фетнат сплевывает на землю:

— Я — профессиональный дипломированный колдун, и я вижу, что даже меня боятся, даже мне не доверяют. Меня терпят потому, что мои волшебные трюки не всегда получаются. А у тебя, малышка, все случилось в точности так, как ты сказала, со всеми подробностями. Нас дрожь от тебя пробирает. Я предпочитаю слышать про ужасы после того, как они произошли. А не до...

Африканец еще раз сплевывает на землю, как бы завершая фразу. Солнце, робко выглянув из-за туч, согревает землю. Обитателей свалки окружает рой шумных, беспорядочно кружащихся мух. Кассандра смотрит на них.

Это временные неприятности, сменяющие друг друга, как дождь и солнце. Когда идет дождь, становится холодно. А когда погода теплая, появляются мухи и комары.

Муха садится ей на лоб, и она ее не прогоняет.

— В любом случае, Золушка, — продолжает Эсмеральда, — тебе будет лучше с буржуями, чем с бомжами, правда же? Советую тебе вернуться в приют или в школу. Они точно будут рады

тебя видеть, волнуются, наверное.

— Да, и помойся обязательно, девчушка, зубы почисти как следует. Теперь ты к запаху свалки притерпелась, привыкла и, быть может, уже его не чувствуешь, но он по-прежнему тут, — добавляет Орландо.

— Да, он прилипает к коже, как масло. Надо хозяйственным мылом мыться, это лучше всего, — важно замечает Фетнат.

Они передают друг другу пластиковую бутылку с вином, которую Эсмеральда догадалась сунуть в карман своего широкого платья.

Кассандра неловко улыбается. Остальные опускают головы, желая скорейшего окончания мучительной сцены.

— Давай убирайся, Золушка! Мы больше не хотим тебя видеть, — кричит Эсмеральда.

— Позже, много позже, лет через двадцать, когда выйдешь замуж, обзаведешься работой, детьми, успокоишься, тогда можешь прийти с нами повидаться, — великодушно добавляет Орландо. — В память об этой ночи. Пока, увы, девчушка, ты всего лишь ребенок, и нам недосуг с тобой возиться.

Ким усмехается:

— Ребенок — словно пердеж. Не раздражает только свой собственный.

— Ты бесишь меня своими цитатами на все случаи жизни, — бурчит Орландо.

— Прощай, малышка. Забудь нас, — заключает африканец.

Орландо протягивает ей пластиковый пакет из супермаркета, в котором лежат чипсы, ореховая паста, термос, наполненный чаем, и нож, чтобы она могла защититься в случае неприятных встреч.

Кассандра нюхает чай и благодарно улыбается.

— Наш девиз ясен: «Каждому — свое дерьмо», — подводит итог Эсмеральда.

Девушка кивает головой, чтобы показать, что она поняла. Потом поворачивается и, чувствуя слабость в ногах, медленно уходит. Спустя некоторое время, уверившись в том, что ее уже никто не видит, она перестает сдерживаться, и теплая соленая вода заливает ее глаза. Они становятся из серых серебристыми, похожими на отражающие мир зеркала.

Так, значит, я не ошиблась. Я действительно знала о том, что произойдет в будущем.

Небо темнеет. Опять начинается дождь, с каждым шагом Кассандре все труднее идти.

По крайней мере дождевая вода смывает с меня липкий запах помойки. Вот он, живительный душ, которого мне так не хватало.

Она не пытается спрятаться. Она идет по дороге, спускающейся к югу, к столице. Проходя мимо школы «Ласточки», она видит домик директора и ускоряет шаг, боясь, что он стоит у окна.

Городской пейзаж вокруг нее меняется. Теперь здания стоят более плотно, из них торчат параболические антенны, словно цветы, выросшие на огромных бетонных кактусах.

Ощущение беспомощности и одиночества сменяется у Кассандры чувством удивительной легкости.

По крайней мере я попыталась сделать все для того, чтобы трагедии не случилось.

Кассандре кажется, что отныне она сняла с себя ответственность за гибель людей. Теракт стал частью огромной помойки под названием Прошлое, в которой уже ничего нельзя изменить. Мертвых отвезли в морг, раненых — в больницу. Время перемальывает драмы и боль, превращая их в воспоминания.

Она думает об обитателях Искупления. Могла ли она предположить, что в один прекрасный день ее упрекнут в излишней чистоте! Могла ли она предположить, что на нее рассердятся за то, что она предвидит будущее.

Синдром Кассандры. Проклятие узнавать все слишком рано. И потому не находить понимания у окружающих.

Она проходит мимо магазина туристических принадлежностей, в витрине выставлены чашки и держатели для полотенец с именами. На плакате большими буквами написано: «Выбрать хорошее имя — проложить дорогу к успеху».

Нет, ничего из того, что говорил директор приюта, не может иметь смысла.

Сила предопределенности именов.

Кассандра вспоминает услышанную по радио передачу о болезни Альцгеймера. Люди, которые забыли обо всем, до последнего момента помнят одно: свое имя.

И я сама его вспомнила в первую очередь.

Существуют две общности, представителей которых зовут только по имени: божжи и ангелы. Когда божжей показывают в новостях, появляется подпись «Фердинан» или «Альбер», а следом пояснение — человек без определенного места жительства. То же самое с ангелами — Гавриил, Рафаил, Михаил и так далее. У них нет фамилий.

Бог, вообще-то, тоже, — только имя, без фамилии.

Девушка с большими серыми глазами замечает свою фотографию на последней странице газеты, которую бесплатно раздают на улицах.

«Кассандра Катценберг, 17 лет, пропала два дня назад. Если у вас есть какая-нибудь информация о ней, пожалуйста, позвоните по телефону... звонок бесплатный». Внизу приписка более мелким шрифтом: «Осторожно: девушка подвержена припадкам паранойи и может быть опасна. Не пытайтесь задержать ее самостоятельно, а немедленно оповестите полицию».

Кассандра достает свои часы и думает, что если отправитель «д» и есть пресловутый «Бог», то он, наверное, издевается или просто забыл о ней. Она бросает часы в мусорный бак. Проходит сотню метров, и тут ее охватывают сомнения...

Как там сказал директор?

«...Маленькая посылочка. Я думаю, ее прислал кто-то, кто любит тебя».

Она возвращается, роется в мусоре и отыскивает часы с загадочным циферблатом. На них,

словно в насмешку над Кассандрой, по-прежнему красуется надпись: «Вероятность умереть в ближайшие пять секунд: 88 %».

Она идет прямо вперед без всякой определенной цели.

На улице потеплело. Кассандра дожидается закрытия городского парка и остается в нем на первую ночь.

Ведь скамейки, в конце концов, это бесплатные кровати.

И она не одна тут, другие бомжи лежат поодаль под открытым небом.

Она грызет чипсы, которые начала экономить, помня, что впереди ждут голодные дни.

Надо думать о будущем, иронизирует она.

Она запивает скудный ужин глотком теплого чая, поднимая стаканчик от термоса, словно бокал. Она чувствует себя одинокой, но свободной.

Спасибо за этот пир, господин Барон.

Потом она засыпает, подложив под голову подушку из нескольких бесплатных газет. Тело Кассандры сотрясает мелкая дрожь.

Ей снится, что она в замке. Стены защищают ее от холода, а крыша — от дождя. В комнатах нет насекомых, в подвале нет крыс. Она идет в отделанную черным мрамором ванную, поворачивает золотые краны и принимает горячий душ. Она моет свои длинные волосы шампунем с запахом лаванды, намыливает себя перламутровым мылом. На дно ванны стекает черная от грязи вода. Когда ее кожа вновь становится ослепительно и естественно розовой, она накидывает теплый халат, вычищает остатки грязи из-под ногтей на руках и ногах, покрывает их красным лаком. Тщательно намазывает тело кремом с нежным запахом миндаля. Сушит волосы и долго, словно лаская, расчесывает их.

С наслаждением она садится за туалетный столик, красит ресницы и брови. Красит губы толстым слоем помады и сводит их, словно для поцелуя, чтобы маслянистая субстанция равномерно распределилась по поверхности. Каждое действие доставляет ей радость, которую ни один мужчина не способен понять или вообразить.

Мыться. Прихорашиваться. Расчесывать волосы. Намазывать себя кремом.

Из окна она видит вдали город, над которым то тут, то там рвутся бомбы, похожие на призрачные оранжевые, желтые и черные грибы. Она слышит крики, но ей нет до них дела.

Она чистит зубы мятной зубной пастой с таким восхитительным вкусом, что ее хочется съесть. Делает эпиляцию ног полосками горячего воска. Отрывать их от кожи немного больно, но ей даже нравится это легкое пощипывание. Затем она натягивает чулки, надевает туфли на высоком каблуке, очень похожие на те, которые она видела в куче мусора на свалке.

Она надевает шелковый бюстгальтер и брызгает на шею духами с ароматом апельсинового цвета и ванили. В этот момент до нее доносится голос из соседней комнаты:

— Ты готова, Кассандра?

Дверь открывается, появляется очень красивый молодой человек с чудесной улыбкой. На груди его эмблема в виде стилизованной буквы «д».

— Это я подарил тебе часы, но сейчас я подарю тебе нечто еще более ценное.

Он заключает ее в объятия и начинает...

...Покрывать ее слюнями.

Кассандра чувствует, что ее облизывают. Она улыбается, потом, охваченная сомнениями и удивленная длиной энергичного языка, открывает глаза. Перед ней большая лохматая собака, ирландская овчарка, которую держит на поводке работник муниципальной службы. Он тянет собаку за поводок, и той приходится прекратить вылизывание.

Служащий говорит Кассандре, что ей нельзя оставаться на скамейке. Это может возмутить посетителей парка и напугать детей.

— Это запрещено, — говорит он.

Кассандра Катценберг встает на ноги и понимает, что, пока она спала, у нее украли рюкзак, в котором находись все запасы еды, термос с чаем и нож.

Ну если даже другим бомжам доверять нельзя...

Она бредет по городу и подбирает бесплатную утреннюю газету. В ней рассказывается о несчастном случае на заводе ЭФАП. Очевидцы говорят о таинственном двойном взрыве, но к тем, кто намекает на возможность теракта, не прислушиваются. Все обвиняют компанию, производящую химикаты, в том, что она, несмотря на предупреждения компетентных органов, не заменила изношенное оборудование.

Рабочий завода объясняет:

— Я буквально на днях говорил об этом с женой. Я сказал ей: за помещениями и оборудованием так плохо следят, что достаточно одной искры, чтобы все взлетело на воздух. Она посоветовала мне доложить начальству, я так и сделал. Но никто не стал меня слушать.

Эксперты, срочно прибывшие на место происшествия, подтвердили гипотезу возгорания из-за короткого замыкания. Адвокаты заявляют, что компания готова оплатить жертвам ущерб, но сначала поторгуется. Премьер-министр, в кои-то веки вставший на сторону профсоюзов, повышает тон и требует пересмотра зарплат пострадавшим рабочим.

Кассандра листает страницы бесплатной газеты: ее фотография по-прежнему на видном месте, и на этот раз объявление о розыске сопровождается пометкой «Срочно».

Это все директор, Филипп Пападакис, старается меня отыскать. Ему-то что, пансионеркой больше, пансионеркой меньше! Каждый год тысячи детей сбегают. Что он на мне-то зациклился?

«Паранойя»? Да, возможно, у меня паранойя. Но параноики видят воображаемую опасность. А когда видишь опасность реальную, то кто ты? Ясновидящий? В этом случае надо было уточнить: «Осторожно, ясновидящая».

Она просматривает статьи о несчастном случае на заводе в других бесплатных газетах. Во всех утверждается, что произошла авария на производстве. Никаких других гипотез не рассматривается. Даже составлена карта химических заводов, на которых могут произойти подобные взрывы. В правительстве говорят об ужесточении контроля за объектами группы риска.

Она заканчивает читать и принимается бродить по улицам квартала Монмартр на севере Парижа. Прохожие не обращают на нее никакого внимания. Она словно стала невидимой. Никто ей не докучает. Она опять дожидается закрытия общественного парка и проводит в нем еще одну, на этот раз чуть более прохладную ночь. Она сворачивается калачиком и укрывается одеялом из бесплатных газет. Ложится поудобнее. Ищет рюкзак, потом вспоминает, что его украли, и думает:

Лучший способ не быть обворованным — ничего не иметь.

Проснувшись, Кассандра чувствует сильный голод. Она обходит мусорные баки закусочных быстрого питания, находит немного холодной жирной картошки фри и засохшие кусочки курицы в нераспечатанном пакете. Но эта еда быстро вызывает у нее отвращение. Она спускает к площади Опера и мусорным бакам ресторанов, но ее прогоняют. Тогда она идет к Большим бульварам, роется в мусорных баках у супермаркетов и находит еще нераспечатанную еду, выброшенную потому, что истек срок годности. Она вспоминает слова Орландо:

Ты думаешь, что ровно в полночь того дня, который указан на этикетке, микробы, свершившись с часами и календарем, пересекают линию старта и набрасываются на просроченную еду?

Кассандра пробует и с отвращением выплевывает первый же кусок. Все пропитано дезинфицирующим средством. Она видит рабочего, выкидывающего мусор, и спрашивает, зачем он заливает продукты едким препаратом.

— Если вы отравитесь, съев наши испорченные продукты, мы будем отвечать перед законом, — поясняет человек в зеленой униформе.

То есть они, боясь проблем с правосудием, предпочитают сделать просроченную еду несъедобной вместо того, чтобы отдать ее нуждающимся...

На третий день у Кассандры наступает первый этап распада личности: она, совершенно не сдерживаясь, чешется.

То одна, то другая часть ее тела постоянно зудит и требует, чтобы ее разодрали ногтями. Некоторое время Кассандра только этим и занимается. Она проводит целый час, расчесывая зудящие участки кожи.

Она бесцельно бродит по городу. Такой образ жизни — что-то новое для нее. Раньше она выходила на улицу, чтобы попасть из пункта «А» в пункт «Б». Улица была средством сообщения. Теперь ее перемещения не имеют смысла. Она кружит вокруг пункта «А», не назначив встречи, не преследуя никакой цели.

Улица — это и точка отправления, и конечная цель.

Бродит так не она одна. Раньше Кассандра не замечала нищих и бомжей, а теперь видит их повсюду. Все они чешутся и идут не из точки «А» в точку «Б».

Кассандра замечает других «невидимок».

Они роются в мусорных баках. Тащат в руках сумки. Толкают тележки, набитые пакетами. Прячутся под воротами и спят на вентиляционных люках. Они смотрят в землю, словно просят прощения за то, что еще живы.

Привидения. Теперь я стала одной из них и вижу их. Как медиумы, которые видят мертвых.

Она замечает бомжа, лежащего на земле с бутылкой в руках. Он разговаривает сам с собой, выкатив глаза и показывая куда-то пальцем:

— ...Если ты считаешь, что я позволю так с собой обращаться, то ты ошибаешься, малыш. Прости за прямоту, но такие ребята, как ты, меня не впечатляют, нет! Чтобы меня поразить, нужен кое-кто повнушительней! Гораздо, гораздо внушительней. Еще не родился тот человек, который заткнет мне рот! И мне наплевать, что тебе это не нравится! Хватит строить из себя невесту что, ясно? Сразу видно, ты не знаешь, с кем имеешь дело!

Кассандра смотрит на него с тревогой. Эсмеральда предупреждала, что после стадии почесывания наступает следующая стадия распада личности: потребность разговаривать с самим собой. Она содрогается от этой мысли и с тревогой наблюдает за остальными бомжами, которые произносят монологи, адресованные самим себе.

Только бы не стать такой, как они.

Свой третий день Кассандра проводит в Люксембургском саду. Она кое-как умывается

водой из фонтана, потом бродит по улицам и исследует мусорные баки, теперь уже с большим знанием дела. Она с первого взгляда распознает пакеты с отвратительным содержимым вроде трупиков хомяков, использованных подгузников, гигиенических салфеток или экскрементов кошек и собак.

У нее появилась привычка нюхать еду перед тем, как съесть. Она заново открывает этот старый забытый рефлекс так же, как искусство использовать зубы и ногти для защиты от нападения.

Я и вправду становлюсь первобытной женщиной, живущей в самой гуще современного мира.

Понюхав, она надкусывает еду кончиками зубов, чтобы обнаружить вкус гниения до того, как проглотит кусок. Раньше информацию Кассандре поставляли этикетки, теперь — ее собственные вкусовые рецепторы.

Падение происходит медленно, неотвратно, естественно.

На четвертый день у Кассандры возникают проблемы с пищеварением, они завершают этап отторжения недоброкачественной еды. Кассандра понимает, что привыкаешь ко всему, даже к вредной пище.

Однажды, прогуливаясь по Пятнадцатому округу, неподалеку от станции метро «Конвент», Кассандра проходит мимо кондитерской и видит в витрине свой любимый десерт: лимонное пирожное, покрытое слоем миндальной пасты, на которой шоколадом написано «лимон». На ценнике написано: 2,5 евро.

У Кассандры их нет. Именно это пирожное, именно в этом месте и именно в это время кажется ей пределом желаний.

Кассандра Катценберг входит в кондитерскую:

— Я хотела бы купить лимонное пирожное, но у меня нет денег, чтобы расплатиться за него.

Молодая женщина за стойкой смотрит на нее, потом говорит:

— У вас есть часы.

— Они не показывают время. Это часы для розыгрышей.

— Я люблю розыгрыши.

— Эти часы много значат для меня. Подарок того, кто меня любит, но кого — я не знаю.

Молодая продавщица, кажется, заинтересовалась. Кассандра продолжает:

— Но мне так хочется съесть это пирожное! Возьмите!

Она протягивает продавщице часы, на которых написано «Вероятность умереть в ближайшие пять секунд: 88 %». Та, удивленная надписью, колеблется.

— Если вы уж так хотите съесть это пирожное, я вам его подарю, а игрушечные часы оставьте себе. Сегодня будет бесплатное угощение.

Кондитерша протягивает Кассандре лимонное пирожное с салфеткой и ложечкой, чтобы десерт было удобнее есть.

Значит, существуют все-таки щедрые люди. Нельзя утрачивать доверия, иначе я потеряю возможность наслаждаться вот такими встречами.

Продавщица кондитерской — полненькая девушка, розовощекая и добродушная. От нее пахнет молоком.

— Меня зовут Шарлотта.

— А меня нет.

Кассандра делает паузу, потом уточняет:

— ...Меня не зовут Шарлотта.

Кондитерша пожимает плечами, вешает табличку «ЗАКРЫТО» на стекло входной двери и

предлагает Кассандре присесть, чтобы спокойно поесть.

Кассандра, дрожа, хватает пирожное и подносит его к губам. Она закрывает глаза и наслаждается свежим вкусом каждого кусочка. Никогда в жизни она не ела ничего столь восхитительного. Она жует очень медленно. Она впитывает каждую молекулу лимонного крема, даже зубы чувствуют вкус сквозь эмаль. Она распределяет тесто языком во все уголки рта, чтобы каждая клетка смогла получить удовольствие.

— Надо же, вы были ужасно голодны.

Кассандра не отвечает, ее рот полон, глаза полузакрыты от наслаждения. Шарлотта задумчиво смотрит куда-то вдаль.

— Как-то раз один парень в клубе пригласил меня танцевать, и я подумала, что он захочет продолжения. Он и захотел продолжения, но только с моей лучшей подругой. Я была в отчаянии. Тогда какая-то незнакомая девушка протянула мне тарелку с большим куском торта. Я его прекрасно помню. Клубничный торт с огромным количеством заварного крема. Она, наверное, наблюдала за нами. Она сказала мне: «Ешь! Торт — не мужчина, он тебе разочарований не принесет!» Для меня это стало открытием. Удовольствие от еды — самое простое и самое сильное из всех наслаждений. Подумать только — меня и зовут Шарлотта. Как яблочная шарлотка. Вы верите в то, что имя определяет судьбу?

Кассандра даже не утруждает себя ответом. Кондитерша глубоко вздыхает:

— Любовь — это всегда будущее. Глядя на стоящего рядом мужчину, ты думаешь, что это твой будущий муж, с которым ты заведешь будущего ребенка. Даже секс — это будущее. Ждешь, что испытаешь оргазм. И вечно все это ведет к разочарованиям. Или даже драмам. А сахар ты ешь в настоящем. Я предпочитаю настоящее будущему. Будущее... вещь ненадежная.

Девушки смотрят друг на друга. Кассандра думает:

Ей скучно, ей нужно поговорить.

Никто ее не любит. Она угостила меня этим пирожным, чтобы получить слушателя, которому можно рассказать о своей жизни. В обмен на десерт она получила сеанс психотерапии. Она думает, что я могу ее понять.

Шарлотта улыбается:

— Ну и что, Кассандра Катценберг, ты думаешь, я тебя не узнала?

Девушка со светло-серыми глазами едва заметно вздрагивает.

— Твоя фотография висит на моей кассе. Не волнуйся, я тебя не выдам.

Шарлотта берет пирожное «пари-брест» со взбитыми сливками и шоколадом и говорит с набитым ртом:

— Мой отец был алкоголиком, к тому же буйным. Бил мою мать. Однажды она забрала меня и сбежала. Но после этого стала невыносимой, все время плакала, жаловалась, я этого вытерпеть не смогла, ну и, в свою очередь, тоже сбежала. Видишь, я тоже беглянка. Сначала я искала отца, но он уехал за границу. Я его больше никогда не видела. Помню лишь то, что у него на животе была татуировка. Орел, держащий в когтях змею, прямо над пупком.

Обе девушки едят маленькие профитроли с фисташковым кремом.

— А твои родители где? — спрашивает кондитерша.

— Убиты.

Слово «убийца», «assassin», происходит от «Haschischins», так называли персидских убийц, которые накуривались гашишем, чтобы впасть в беспамятство и умертвить как можно больше людей, надеясь таким образом попасть в рай к девственницам.

Кондитерша проглатывает кусок пирожного и вытирает губы.

— Мои соболезнования. Так будем же есть, будем наслаждаться здесь и сейчас.

Она хватается за кофейное пирожное из заварного теста и собирается его съесть.

— Можно я тоже возьму? — вежливо спрашивает Кассандра.

— Конечно! В любом случае их выкинут, потому что завтра они будут уже не свежие. Так что не стесняйся.

Усевшись рядом с кондитершей, Кассандра устраивает себе настоящий пир. Девушки вместе поглощают вишневые тарталетки, слегка подсохшие круассаны с миндалем, сливовые фланы. Рты у обеих набиты. Шарлотта продолжает развивать свою мысль:

— Я ем пирожные каждый вечер. Лучше них ничего в этом мире не знаю. Сахар позволяет выносить все. Иногда, когда я ем взбитые сливки, меня пробирает дрожь — быть может, белый крем, похожий на женское молоко, напоминает мне о матери. На свете нет ничего более оригинального и прекрасного, чем цвет и форма пирожного. Мы отправляем к себе в желудок воздушные шедевры! Необходимость их выкидывать разбивает мне сердце. Я всегда подъедала остатки одна, но вижу, что вдвоем веселей. Я рада, что делю их с тобой. Приходи сюда, когда захочешь.

Кассандра застывает. Она выпускает из руки сливовый флан и убегает.

Какая же я дура!

Эта кондитерша — самый страшный человек из всех, с кем я встречалась. Она дает мне ложную надежду. Теперь, когда я попробовала эти чудесные пирожные, я не смогу больше есть отбросы. Теперь, когда я видела ее дружескую улыбку, я не вынесу презрительных взглядов прохожих.

Я лучше умру от голода, чем приду к ней еще раз. Мой рот должен забыть это пиршество вкуса. Словно ничего не произошло.

Кассандра засовывает два пальца глубоко в горло и старается вызвать рвоту. Безуспешно.

Мои клетки слишком сильно любят сахар и не слушают приказы мозга.

Она повторяет попытки много раз, потом прекращает их.

Девушка с большими светло-серыми глазами находит в мусорном баке шапочку, очки и пальто, она хочет изменить внешность на тот случай, если кто-то еще узнает ее по фотографии. Ей нравятся карманы пальто, в них она сможет положить еду, которую найдет среди отбросов.

После многих дней бесцельного блуждания по городу она замечает, что люди сторонятся ее, словно она страдает заразной болезнью. Эта болезнь — бедность. И первый ее симптом — дурной запах.

Их отпугивает мой запах. Я понимаю обитателей Искупления. Конечно, когда я просила спасти людей, Ким и Эсмеральда издевались надо мной, и были правы. Все эти буржуи теперь и мои враги.

Кассандра чешется все чаще. И уже не обращает на это внимания.

Однажды вечером, когда она пытается устроиться на ночлег под одним из мостов через Сену, трое бомжей приближаются к ней с угрожающим видом.

— У меня ничего нет. У меня уже все украли, — объявляет она трем парням бандитского вида.

— Нет, у тебя осталось тело. И мы им воспользуемся, чтобы поразвлечься, милая.

Черт, они тоже считают, что видят ближайшее будущее.

— Послушайте, господа, я ничего не имею против того, чтобы вы немного развлеклись, пусть даже и с моим телом. Я знаю, что жизнь бомжа не всегда легка, особенно если у вас нет культурных развлечений.

Они растерянно смотрят на нее.

Власть слова.

— К тому же ваша жизнь, наверное, весьма однообразна. Да, как известно, рутина убивает творческую мысль.

Главное — разговаривать с ними без презрения, уважительно. Не ошибиться в выборе слов. В каждом слове заложен свой смысл.

— Однако, к моему огорчению, сегодня вечером я занята другими делами. Может быть, вам это покажется смешным, но я должна спасти человеческие жизни.

Попробуем говорить правду.

Три бомжа смотрят на нее, удивленные этой странной речью, но не уходят. Один из них начинает шумно дышать.

Что ж, ладно, придется использовать старые добрые методы убеждения на уровне подсознания.

Кассандра делает вид, что отворачивается, и ногой наносит удар в промежность первому бродяге, второму царапает лицо, третьего кусает (отвратительный вкус), сплевывает и проворно, как лисица, потревоженная тремя неуклюжими медведями, убегает.

В течение последующих дней она обнаруживает, что у отверженных совершенно отсутствует солидарность. Кассандра превращается для них в потенциальную добычу. Она становится недоверчивой, старается к ним не приближаться, чутко спит, сохраняет дистанцию между собой и существами, для которых чувство братства — это роскошь, доступная лишь богачам.

Погода портится. Снова молнии, снова дождь.

Спасибо за душ.

Длинные косые струи хлещут ее по лицу и заставляют спрятаться в метро. Кассандра спускается туда прямо перед закрытием, в час ночи.

Сиденья расположены далеко друг от друга, так, чтобы бомжи не ложились на них, но Кассандра слишком устала и не может искать другого пристанища. Несмотря ни на что, ей удается заснуть, хотя голова ее лежит на одном сиденье, ноги — на другом, а тело висит в воздухе.

Ей снится, что огромное лимонное пирожное опускается на землю прямо перед ней. Она залезает на него, садится на миндальное тесто. Летающее пирожное поднимается в воздух, и Кассандра видит с высоты большую страну, покрытую холмами в виде десертов. По ней течет бурная река розового крема с ликером «гран-марнье».

Сливовый флан, как мост, соединяет две скалы из безе. Навстречу Кассандре, верхом на кофейном пирожном из заварного теста, летит Шарлотта.

— Ты думаешь, я тебя не узнала? — говорит она.

Кассандра поднимает глаза. В высоте плывут облака из сладкой ваты. Воздух напоен горячей карамелью. Небо вдруг темнеет. Облака из сладкой ваты делаются коричневыми и становятся профитролями с начинкой из шоколада. На Кассандру льется дождь из жидкого шоколада, он течет ручьями, чернеет, краснеет, теперь с неба сыплются еще и острые осколки стекла. Кассандра понимает, что обливающая ее жидкость — не шоколад, а кровь.

Топот ног. Кассандра просыпается от гула шумной толпы, которая неожиданно врывается в распахнутые двери метро. Люди бегут мимо нее, торопясь на работу. Кассандра встает и бесцельно бродит по платформе. Она хочет есть.

Я не могу оставаться без гроша в кармане. Мне нужно по крайней мере пять евро. Иначе я чувствую себя голой.

Никогда до бегства из школы «Ласточки» не оказывалась она в столь странном положении. Без денег. Без документов. С пустыми карманами. С пустым желудком.

Люди скользят мимо, как жидкая, бесконечно текущая куда-то масса.

Они даже не понимают своего счастья — есть каждый день свежую еду, да еще на выбор. Они даже не ценят то, что у них есть деньги, крыша, теплое место, где можно спать... Только когда теряешь что-то, осознаешь, какой привилегией было обладание.

Кассандра петляет по подземным коридорам. Она обнаруживает, что метро — это идеальное место для попрошаек. Она садится и протягивает руку. В ладонь падает небрежно брошенная монетка в пятьдесят сантимов. Кассандру охватывает чувство благодарности, она восклицает: «О, спасибо большое, сударь!» — и церемонно кланяется.

Так вот как это просто? Достаточно протянуть руку — и деньги упадут в нее?

Но тут женщина в цыганском одеянии начинает прогонять Кассандру. Девушка вскакивает, собираясь драться, но другая цыганка из-за спины товарки показывает Кассандре нож. Приходится уйти.

Кассандра понимает, что нищенство — это работа и есть участки, занятые профессионалами. Как пауки следят за паутиной, так и они следят за каждым участком. «Теплые местечки», где клиентов так много, что они еле двигаются, очень ценятся. Кассандра начинает поиск свободной территории, но ничего не находит. Стоит ей где-то устроиться, как другие нищие ее безжалостно прогоняют.

Тогда Кассандра пробует метод мобильного попрошайничества. Она ходит по вагонам метро. «Подайте что-нибудь, дамы и господа». Люди делают вид, что не слышат. Она пытается счастья с другими фразами: «На хлеб» или «У меня все украли». Когда она не просит милостыню сама, она наблюдает, как работают другие нищие, и понимает, что речь идет о настоящем искусстве.

Некоторые произносят очень длинные монологи или рассказывают всю свою жизнь: «Здравствуйте, дамы и господа, заранее благодарю за ваше внимание. Я с удовольствием бы не тревожил вас, но обстоятельства моей жизни вынудили меня прийти сюда. Я все потерял, когда был уволен с работы, а моя жена меня бросила...»

Нет, так не надо.

Люди не любят, когда им что-то объясняют или на что-то жалуется.

Кто-то прибегает к юмору: «Я знаю, что вы мне ничего не дадите, прошу по привычке — вдруг повезет?»

Кто-то — к агрессии: «Вообще-то на моем месте должны были оказаться вы. Я достоин лучшего. А вот вы похожи на навьюченных ослов, и лучше бы вам было сдохнуть».

Кто-то — к поэзии: «Дайте несколько монет — я куплю себе обед. Дайте несколько банкнот — хватит мне на год вперед. Подарите теплый взгляд — и тому я буду рад».

Кто-то — к объяснениям: «Все началось, когда меня ограбили, прошлым летом, когда мы жили в Марн-ля-Валле. В коробке, спрятанной в ящике с бельем, лежали все мои сбережения. Воры их забрали, и я лишился всего».

Наркоманы: «Гарантирую: если вы дадите мне денег, они пойдут на покупку спиртного или препаратов лично для меня. Благодаря вам я куплю продукцию хорошего качества. Клянусь!»

Юмористы, уверенные в себе: «Увы, я мелочь не принимаю, только банкноты. Чеки тоже не беру, мне подсовывали фальшивки, я им больше не доверяю».

В конце концов Кассандра придумывает отличный текст, самый простой и убедительный, лучше всего подходящий ее образу: «Дайте, пожалуйста, денег на билет домой, к родителям».

Так прохожий может подумать, что она раскаявшаяся беглянка, мечтающая вернуться в семью. Замысел оказался верным, и Кассандра имеет успех, особенно у пожилых людей и родителей, которые примеряют ситуацию на себя: если мой ребенок сбежит, быть может, ему тоже кто-нибудь даст денег на обратную дорогу. Милостыня превращается в магическое заклинание, как в тех случаях, когда люди жертвуют деньги на разработку лекарства против рака и пытаются таким образом обмануть судьбу.

Когда кто-то хочет поговорить и узнать о ней больше, Кассандра представляет ожидаемый сценарий: «Я сбежала из дома и сожалею об этом. Я хочу вернуться и снова ходить в лицей». Если этого оказывается недостаточно, изобретает более сложную историю, в которой предстает несчастной жертвой порочного дяди-насильника, от чьих домогательств она спасается. Поскольку последний рассказ пользуется популярностью, Кассандра с удовольствием добавляет в него красок и непристойных подробностей.

Я придумываю свою персональную идеальную легенду. Став бомжом, становишься мифоманом.

Иногда мужчины с лукавым видом кладут ей руку на ягодицы. Сначала она сердится, потом не обращает внимания.

Самыми опасными оказываются другие нищие. Они ей недвусмысленно угрожают.

Кассандре приходится драться, кусаясь и царапаясь, с другой девушкой, чуть помоложе, чем она сама. Та, увидев похожую на себя нищенку, сочла ее соперницей, применяющей запрещенный прием.

Кассандра проигрывает. Ее конкурентка оказывается гораздо более злобной и сильной. Девушки борются, катаясь по перрону. Если Кассандра кусается, противница кусает в ответ; если Кассандра вцепляется ей в волосы, та отвечает тем же. Кассандра хочет предложить ей союз двух дикарок, дружбу, взаимопомощь, но соперница злобствует. Кассандра предпочитает покинуть поле боя, не пытаясь делать опасных попыток к сближению.

Когда дождь прекращается, Кассандра поднимается на поверхность, где воздух явно чище, чем в метро. Похолодало, и Кассандра ищет способ не замерзнуть ночью под открытым небом. Она наблюдает за другими бомжами и в конце концов занимает вентиляционный люк метро, откуда вырывается теплый, спертый воздух подземных коридоров.

Однажды она видит уродливую нищенку. Она готовится к драке с конкуренткой и замечает, что это не кто иной, как она сама в отражении зеркальной витрины.

Нет, это невозможно, я не могла стать такой!

Кассандра вспоминает, что уже много дней не имела возможности увидеть себя со стороны.

Она рассматривает себя во всех подробностях.

Кто я? ГОСПОДИ, КТО Я НА САМОМ ДЕЛЕ?

Она растеряла всю красоту, всю грацию, всю женственность. Ей кажется, что она похожа на цветок без лепестков. Остался только лишенный привлекательности колючий стебель, от которого улетают бабочки и который притягивает лишь мух.

Она исследует себя с близкого расстояния и замечает, что поры кожи забиты черными точками грязи.

Теперь Ким не смог бы упрекнуть меня за «слишком чистые буржуйские руки».

Подумать только, я всегда нажимала на спуск в туалете локтем, боясь испачкать пальцы, и стелила на сиденье унитаза бумажные салфетки, чтобы избежать контакта с какой бы то ни было инфекцией.

Она очень давно не чистила зубы зубной пастой. Она постоянно чувствует во рту неприятный привкус. Она дышит в ладонь и ощущает запах, который вызывает у нее отвращение.

Кассандра решает сделать свою внешность готической.

«Любой осознанный недостаток становится художественным выбором». Еще одно изречение, которое привело бы в бешенство Орландо и которое Ким мог бы написать на своей майке.

В первом же мусорном баке Кассандра находит черные грубые ботинки, толстые и дырявые. Левый ботинок ничем не отличается от правого. На дне второго бака она обнаруживает черную кожаную куртку с рельефным рисунком в виде черепов. Куртка разорвана, но Кассандре нет до этого дела. Она украшает ее скрепками, булавами, кнопками, шпильками. Она отыскивает в мусоре черный косметический карандаш и, глядя в треснувшее зеркальце, рисует себе лицо.

...чтобы напугать буржуев, а также чтобы скрыть свои недостатки и художественно их преобразить.

Она находит черные кожаные перчатки и отрезает пальцы, делая из них митенки. Ее арсенал готов. Она вспомнила еще один животный рефлекс: казаться как можно более отталкивающей, чтобы обращать в бегство хищников. Зловоние хорька и угрожающий внешний вид волка — это, в конце концов, всего лишь стратегия выживания, доказавшая свою состоятельность. Кассандра смотрит на свой грим в зеркало.

Отныне я выполняю вполне определенную социальную функцию: пугало.

Она разглядывает себя с разных ракурсов и наконец понимает, на какую актрису она похожа.

Я — Дженифер Коннелли в фильме «Реквием по мечте», только более молодая и более готичная.

Чувствуя уверенность в себе благодаря своему новому костюму, она начинает ходить в супермаркеты и привыкает воровать еду. Даже охранники не трогают ее, боясь подхватить блох и быть искусанными. Потому что, как только появляется опасность, она решительно показывает зубы и рычит.

Как Инь Ян.

Кассандра находит в глухом закоулке темного тупика выемку в стене, которая служит ей сейфом. Она прячет туда еще работающее радио, блокнот, ручку, нож, бутылку воды, упаковку аспирина, мыло, бритву, карманный фонарик, пакетики с чипсами.

Мое имущество.

Девушка закладывает отверстие кирпичом, чтобы оно не привлекало к себе внимания. Тайник с вещами Кассандры становится ее очень маленьким «домом». Пусть несколько десятков кубических сантиметров, но это уже ее территория. Кассандра теперь далеко от нее не отходит.

В один дождливый день она замечает, что ее чипсы отсырели. Она решает положить все в пластиковый пакет. Правило номер пять для хорошего бомжа: все заворачивать в водонепроницаемую пластиковую пленку. А пока она ест мокрые чипсы.

Я никогда не позволю несчастьям взять верх надо мной, какими бы суровыми...

— ...ни были испытания, я буду бороться с ними, и они не смогут...

...Черт, я говорю вслух!

Она прижимает ладонь ко рту, вынуждая себя замолчать, и понимает, что слова «какими бы суровыми» она произнесла про себя, а «ни были испытания» — уже вслух.

Итак, она дошла до второго этапа распада личности: после почесывания — диалоги с самим собой.

Затем наступит третья стадия. Видимо, безумие.

Я не хочу сходить с ума.

Кассандра ищет объяснения своей минутной слабости.

Это потому, что я не могу поговорить с кем-нибудь умным, не читаю книги. Мозг голодает.

Она размышляет.

Чтобы не сойти с ума, необходима пища для мозга. Книги... Единственное средство. Срочно.

Кассандра Катценберг входит в огромное культурное пространство, словно в клинику, где собирается лечиться.

Она смотрит на видеоигры. На комиксы. На диски с фильмами. На романы. Сласти для мозга. Вот чего ей не хватало в последние дни: десерта для ума. Она ласково дотрагивается до стопки альбомов с комиксами. Она вдыхает запах романов. Она глотает аромат бумаги, чернил, пластика.

Повсюду ее взгляд очаровывают яркие обложки и названия, за которыми скрываются драматические или комические истории.

В отделе видеоигр дети, в будущем возможные эпилептики, жадно склонились над консолями с кружками, квадратиками, треугольниками и крестами. Поодаль их товарищи, развалившись на полу, перелистывают страницы бельгийских комиксов и японских манга с картинками, изображающими насилие или эротику.

Кассандра идет вдоль полок, ей кажется, что она гуляет по аллеям волшебного сада. Она проходит отдел научно-исследовательской литературы и видит секцию «Биографии исторических деятелей». И тут же: «Проклятие Кассандры».

На обложке все та же женщина, что являлась ей во сне, сидит на золотом троне в белой тунике, вокруг запястья ее руки обвилась змея. Кассандра листает книгу и находит наконец продолжение биографии своей тезки. Она садится на синтетический палас, прислоняется к стене и читает:

«...тогда Кассандра нашла своего брата по имени Парис, которого считали пропавшим без вести. Она чувствовала, что своим безответственным поведением он навлечет несчастья на их город...»

Парис... Париж... ¹⁹¹Кассандра. Парис — это имя города, в котором я живу. Не может быть, это просто совпадение.

«Юный Парис, которого, согласно древнему предсказанию, бросил отец, царь Приам, был воспитан бедным пастухом. Парис вырос, нашел своего настоящего отца, и последний принял его при дворе. Царь раскаялся в своей проступке и признал Париса наследным принцем. Парис был красивым, спортивным юношей, все троянцы восхищались им. Его брат Гектор, мучимый ревностью, посоветовал царю Приаму отправить Париса в Грецию для участия в переговорах о возвращении его тетки, украденной греками. Тогда вмешалась Кассандра и заявила: „Я чувствую, что, если Парис отправится в Грецию, он навлечет на Троию несчастье. Ему не нужно туда ехать“. Но, несмотря ни на что, Парис уехал и вернулся из Спарты с Еленой, женой Менелая, брата царя греков, Агамемнона. Парис сказал: „Греки украли у нас женщину, мы взамен похитили женщину у них“.

Тогда Кассандра заявила: „Из-за этой женщины между нашими народами начнется война“. Но троянцы видели, что прекрасная Елена любит царевича, и решили поддержать выбор Париса, несмотря на грозные пророчества Кассандры. „Замолчи, зловещая птица“, — сказал ей Парис. „Ты сама, колдунья, своими дурными пророчествами навлекаешь на нас беду!“, — сказал ее родной отец Приам. Но через несколько месяцев, когда Парис вступил в брак с Еленой, на горизонте действительно появились бесчисленные греческие корабли. Царь Агамемнон и его брат Менелай уговорили множество греческих городов объединиться и напасть на античный город Троию».

Кассандра пропускает несколько глав.

«...Поскольку война продолжалась и греки никак не могли взять Троию приступом, Одиссею

пришла в голову идея подарить царю Приаму огромного деревянного коня в знак начала переговоров о мире. Тогда Кассандра...»

— Мадемуазель, здесь нельзя читать. У вас есть два варианта: либо вы кладете книгу на место, либо вы ее покупаете.

Я знаю и третий вариант.

Кассандра резко вскакивает на ноги и мчится по магазину. Несколько человек пытаются ее преследовать, но как-то нехотя, словно боятся запачкаться или как будто украденная книга не стоит усилий, которые надо потратить на ее возвращение.

Кассандра выскакивает через главный вход на улицу, срабатывает сигнализация. Девушка бежит по улицам и проспектам. Потом прячется в подворотне. Задыхаясь, она садится на землю и продолжает читать о приключениях своей античной тезки.

«...сказала: „Бойтесь греков, дары приносящих“. Но никто не слушал ее, и троянцы приняли в дар огромного коня. Ночью из полого брюха деревянной статуи выбрались греческие солдаты. Под предводительством Одиссея они открыли ворота и впустили армию Агамемнона в город...»

«Греки, по-прежнему под руководством Одиссея, перебили спящих троянцев и разграбили город. Они уничтожили все население Трои...»

Кассандра отрывается от книги.

Каким же подлецом, оказывается, был этот Одиссей. Гомер нам его героем представляет, а этот тип не соблюдал мирные договоренности и убивал людей ночью во сне.

Она продолжает читать:

«...все население Трои, оставив в живых лишь одного человека, царевну Кассандру. Ее взяли в плен и в качестве военного трофея отдали Менелая, чтобы возместить потерю Елены Прекрасной».

Словно ее наказание заключалось еще и в том, чтобы, уцелев при разрушении города, отныне задаваться вопросом: «Почему они меня не послушали? Ведь я их предупредила».

Кассандра не дочитывает историческую книгу до последней страницы, бросает ее на скамейке.

Изучая биографию знаменитой тезки, я лишней раз убеждаюсь в том, что имя предопределяет мою судьбу. В этом и заключается ловушка. Пападакис, рассказав мне историю античной Кассандры, подготовил меня к тому, чтобы я прожила точно такую жизнь.

Кассандра достает часы, и ей снова хочется избавиться от них.

Бойтесь греков, дары приносящих.

И тут одна деталь на часах привлекает ее внимание. Она замечает ее благодаря яркому свету фонаря. Что-то выгравировано на боковой стороне корпуса, рядом с колесиком завода. Кассандре удается прочесть крошечные буквы: «Страхование Будущего», 42, улица Депар, 75014, башня Монпарнас, 54-й этаж.

Мне не хватает смирения. Я вижу далекое будущее и забываю посмотреть на то, что близко, на настоящее.

А ведь все ответы и решения находятся передо мной.

Башня Монпарнас кажется ей похожей на выросший посреди города гигантский монолит, явившийся прямо из фильма «Космическая Одиссея-2001».

Кассандра входит в башню со стороны улицы Депар и приближается к лифтам. Она нажимает на кнопку 54-го этажа, и за тридцать восемь секунд лифт (даже лифт здесь самый скоростной в мире; так, по крайней мере, утверждает надпись внутри кабины), увлекаемый мощными электромоторами подъемной системы, взлетает на самый верх башни.

Кассандра видит ряд совершенно одинаковых дверей. На одной из них табличка: «СТРАХОВАНИЕ БУДУЩЕГО» — и стрелка.

Кассандра входит в стеклянную дверь, но не успевает приблизиться к стойке администратора. Охранник в форме и фуражке резко останавливает ее.

— Убирайся отсюда, нищим здесь делать нечего! Вон!

Кассандра забыла про свой запах. Даже если ее одежда может ввести кого-то в заблуждение, она знает, что от нее воняет грязью и закисшим потом. Да и новый агрессивный готический стиль не совсем подходит для визита в офис.

Кассандру пробирает дрожь оттого, что человек со значком «сотрудник безопасности» нарушил ее личное пространство и позволил себе дотронуться до нее, но ей удается преодолеть неудержимое желание защититься. Она показывает жестом, что просит прощения, спускается почесаться в туалет этажом ниже и решает вернуться позже, вечером, когда все служащие уйдут.

Кассандра издали, спрятавшись за растением в кадке, следит за дверью. Охранник по-прежнему там, разговаривает с уборщицей. Она ловит момент, когда он отвлекается, выскальзывает в коридор, проникает в дверь с надписью: «СТРАХОВАНИЕ БУДУЩЕГО», оказывается в холле и, незамеченная, бежит по коридорам фирмы.

Толстый розово-серый палас заглушает малейший шум. В потолок инкрустированы маленькие круглые лампы, распространяющие мягкий ночной свет, лакированная розово-серая мебель отливает перламутровым блеском. В приемной расставлены кожаные кресла, широкие и удобные. За огромными, от пола до потолка, окнами раскинулся ночной Париж. Кассандра видит Эйфелеву башню, длинную вену Елисейских Полей, Сену и ее освещенные мосты.

На стене висит плакат, на котором написано: «СТРАХОВАНИЕ БУДУЩЕГО: здесь изучают будущее наших клиентов». Это заявление подкреплено изображением длинноногой красотки в черных колготках, сидящей на верху башни Монпарнас и смотрящей в подзорную трубу. Из ее ярко накрашенных губ вылетает облачко с надписью: «А как вы видите будущее?»

А как я вижу будущее?

Кассандра Катценберг не знает, что она ищет, но чувствует, что должна что-то здесь найти. Уборщица с тележкой проходит по коридору. Девушка прячется за автоматом с напитками и выходит, когда уборщица исчезает.

Исследовав несколько кабинетов, девушка с большими светло-серыми глазами натывается на закрытую дверь с табличкой: «Д. Катценберг».

«д»? Может быть, это он?

Кассандра тщетно нажимает на ручку, дверь заперта. Она находит в урне кусок плотного картона и просовывает его в дверную щель, чтобы отодвинуть язычок замка.

Наконец замок поддается. Кассандра входит, закрывает за собой дверь и включает потолочный светильник. В комнате царит полный хаос. Три плотно сдвинутых стола образуют один, всю его поверхность занимают лежащие друг на друге ноутбуки. Некоторые из них

открыты, другие — закрыты. Большой центральный компьютер с огромным экраном царит надо всем этим электронным нагромождением. На полу валяются распечатанные листки, спутанные провода, одежда, майки, носки, пластиковые стаканчики вперемешку с остатками пиццы прямо в упаковке.

Кассандра тщательно исследует новое место. Особое ее внимание привлекает пробковая доска, покрытая прикрепленными к ней газетными вырезками. Она замечает статью из профессионального издания «Журнал страховщика». В статье есть фотография мальчика с длинными, закрывающими лицо волосами. Он одет в мешковатый темный костюм.

Фотография была сделана во время вручения награды. Подпись гласит: «Даниэль Катценберг: работа юного гения наконец вознаграждена».

Даниэль Катценберг. У него моя фамилия. Он не может быть моим отцом, следовательно, он... мой брат!

Кассандра срывает листок и лихорадочно изучает его при свете настольной лампы.

У моего брата словно нет лица. У него, как у лохматых собак, не поймешь, где глаза, а где уши.

«Даниэль КАТЦЕНБЕРГ, блестящий математик, с недавнего времени работающий в фирме „Страхование Будущего“, прославился благодаря своему проекту „Пробабилис“ [\[10\]](#). Это сверхсовременная компьютерная программа, увеличивающая возможности прогнозирования риска смерти человека, застраховавшего свою жизнь. При помощи программы „Пробабилис“ Даниэлю Катценбергу удалось свести возможности предвидения сначала к пяти, а затем и к двум годам вместо десяти лет.

„Я думаю, что сумею сократить цифру до одного года и, может быть, даже до шести месяцев“, — заявляет математик-вундеркинд. Его революционная идея проста: вместо того, чтобы принимать во внимание около двадцати обстоятельств, на которые обычно опираются предположения о времени смерти застрахованного (пол, возраст, профессия, место проживания, курение, употребление спиртного и т. п.), Даниэль Катценберг придумал гораздо более детальную систему, включающую 7200 критериев, позволяющих предвидеть будущее и, таким образом, судить, насколько велик риск смерти данного человека в ближайшем будущем. Его новая система включает такие положения, как точный психологический и физический портрет человека, а также объективные сведения о последних событиях в мире».

Кассандра продолжает читать статью:

«„Компьютерные системы позволяют сегодня обрабатывать массу информации, почему же страховым службам не воспользоваться этим? На современном этапе при расчете вероятности смерти не учитываются неожиданные эпидемии гриппа и даже войны — в компьютерные программы нельзя ввести подобные данные. Поэтому я предлагаю систему расчетов вероятности смерти, включающую весь спектр событий, влияющих на жизнь вообще“, — объясняет нам Даниэль Катценберг. Исследователь добавляет: „Я думаю, скоро можно будет сообщать человеку о его шансах выжить (или риске умереть) в течение самого ближайшего времени, например при помощи текста, появляющегося на простом экране ноутбука“. Эксперты считают, однако, что юный математик-„вероятник“ говорит о вещах, относящихся к области научной фантастики. Надо признать, что предвидение смерти человека в течение ближайших шести месяцев изменит не только мир агентов, страхующих жизнь».

Кассандра Катценберг смотрит на свои часы.

Шесть месяцев? А если он сократил этот промежуток времени до... пяти секунд?

Она продолжает рассматривать стену, увешанную статьями и фотографиями Даниэля Катценберга, как вдруг один маленький самоклеящийся листочек потрясает ее, словно электрический разряд.

«...Она пыталась понять, как нужно активизировать часы, и заметила приклеенный к стене листок с простой рекомендацией: включить главный компьютер. Что она немедленно и сделала. Ей показалась забавным, что совет был написан на листке, затерянном среди десятков газетных вырезок на стене, и, тем не менее, казался адресованным лично ей. При этом она вспомнила, что точно так же обнаружила и сами часы, с запиской, где о ней говорилось в третьем лице...»

Что за бред?

Кассандра слышит в коридоре шум неожиданно включившегося пылесоса, стук щетки в нижнюю часть дверей. Воспользовавшись моментом, она включает компьютер, подсоединенный к большому экрану. На экране всплывает заставка программы: «Пробабилис — будущее наконец покорено». Ниже появляется текст.

«Эта программа призвана сократить неточности подсчетов при страховании жизни».

Это просто профессиональная программа, предназначенная для страховых агентов.

Кассандра продолжает смотреть на экран и видит подходящее окошечко: «Регистрация нового клиента». Она наводит курсор и щелкает мышью.

«Введите пароль».

Не зная ни даты рождения своего старшего брата, ни его адреса, Кассандра пробует несколько вариантов наугад. Потом, поддавшись внезапному озарению, печатает: «Кассандра».

Программа открывается. Появляется текст:

«Здравствуй, сестренка!

Если ты вдруг не поняла, почему я выбрал паролем твое имя, объясню: я такой же, как ты, я предчувствую то, что произойдет. Или, по крайней мере, пытаюсь предчувствовать. Отправив тебе посылку и написав первую букву своего имени, я запустил механизм любопытства, который должен был обязательно пробудить в тебе желание прийти сюда. Короче, если ты — такая же, как я, то ты уже туг. И читаешь здесь и сейчас эти строки. Знаешь, сестренка, мы одной породы. Нам мало нормального мира. Мы не можем смириться с этой убогой, лишенной перспектив жизнью, которую нам навязывают, чтобы держать в узде. Самое страшное для меня — это покорность судьбе. Жаль, что я незнаком с тобой, но, если ты продолжишь расследование, ты поймешь, почему так случилось. То, что произошло с нашими родителями, — ужасно, но мы не должны оглядываться назад. Нельзя вести машину, глядя в зеркало заднего вида. Надо смотреть вперед, на горизонт. И быть бдительным.

Вот инструмент, который поможет тебе, — наручные часы „Пробабилис“. В них встроен навигатор, который через главный компьютер постоянно отслеживает твое местонахождение. В часах также есть счетчик пульса. „Пробабилис“ знает, что ты делаешь и что с тобой происходит, если ты находишься в зоне доступа видеокамеры. Экспертная система искусственного мозга „Пробабилис“ постоянно собирает всевозможную информацию, обрабатывает ее и мгновенно просчитывает вероятность твоей смерти в ближайшие пять секунд.

С видеокамер, установленных в окружающем тебя пространстве, система считывает информацию о твоём здоровье, психическом состоянии, перемещениях, поступках, взаимодействии с окружающей средой. Она дополняет ее сведениями о погоде, о последних событиях в мире, о плотности движения на дорогах, о внутренней и внешней политике, даже о степени загрязненности воздуха, землетрясениях и других естественных катастрофах.

„Пробабилис“ — не только профессиональная программа. Он помогает жить по-настоящему. Ты сама откроешь все его возможности.

От всей души обнимаю тебя.

Твой брат, который не знает тебя и искренне об этом сожалеет.

Даниэль».

Так значит «д» — это и вправду он.

Кассандра наводит курсор на кнопку «Включить», мигающую под текстом. Открывается еще одна программа. Она видит анкету, в которую нужно внести имя и фамилию. Вес. Возраст. Профессию. Адрес. Она похожа на те анкеты, которые заполняют, оформляя страхование жизни.

Но дальше начинаются неожиданные вопросы. «Пробабилис» спрашивает:
об антропометрических данных;
о пристрастиях в еде;
о серьезных заболеваниях и легких недомоганиях;
о хирургических операциях;
о достоинствах;
о недостатках;
о планах;
о самом лучшем и самом худшем воспоминании;
о страхах.

Она заполняет все графы одну за другой. «Пробабилис» хочет знать, левша она или правша, умеет ли драться, страдает ли аллергией, хорошо ли видит.

Логично. Тот, кто плохо видит, больше других рискует попасть под машину. То же самое относится и к глухим.

Она отвечает на сотню вопросов и доходит наконец до графы «Регистрация нового клиента». Снова наводит курсор на кнопку «Включить» и щелкает мышкой.

На экране появляется надпись «Поиск датчика». На ее часах появляются две вращающиеся стрелочки, обозначающие прием информации.

И вдруг напротив фразы «Вероятность умереть в ближайшие пять секунд» появляется цифра «13 %».

Так и есть, уже не 88 %. Неужели машина действительно работает?

На экране появляется новый текст.

«Примечание для Кассандры: „13 %“ — это нейтральное число. Счетчик никогда не показывает „0“, так как всегда есть вероятность того, что произойдет нечто совершенно непредвиденное — внезапный сердечный приступ или падение метеорита. Если цифра меньше пятидесяти, можешь не беспокоиться: твоя жизнь вне опасности. Если больше — не раздумывай, сестренка, беги».

Кассандра в течение минуты наблюдает за цифрой «13», которая мигает в конце фразы «Вероятность умереть в ближайшие пять секунд:...».

Затем на ее глазах экран вздрагивает, и число меняется.

«21 %».

Небольшая опасность. «Пробабилис» предупреждает меня, что моей жизни ничто не угрожает, поскольку цифра меньше пятидесяти, но какая-то проблема появилась. Какая?

В этот момент охранник с револьвером в руке открывает дверь и видит девушку:

— Ах ты, маленькая воровка! Что ты взяла?

Кассандра прыгает, отталкивает его и бежит по коридорам «Страхования Будущего».

Понятно, уборщики закончили работу, и охранник, совершая обход, увидел полоску света под дверь. Камера в коридоре его заметила, и «Пробабилис» решил меня предупредить. Наверное, потому, что у него в руках было оружие. Система и вправду работает... по крайней мере там, где есть видеокамеры.

Охранник преследует Кассандру, расстояние между ними сокращается с каждым шагом. Она вскакивает в лифт, который, к счастью, успевает закрыться. Мелькают этажи. Приехав вниз, она видит, как открываются двери соседнего лифта.

А охранник-то упрямый, не то что в книжном магазине.

— Что ты украла наверху? — спрашивает он.

Очень сложно объяснить, что я пришла в кабинет своего брата не для того, чтобы воровать. Он уверен, что девушка в такой одежде и с таким запахом приходит в офис только для того, чтобы украсть ноутбук.

Кассандра выскакивает на улицу. Охранник несется за ней. Спортсмен, наверное, потому что бежит он быстро, несмотря на массивную фигуру. Люди на улице расступаются. Тогда охранник кричит: «Остановите ее! Это воровка!», — и прохожие преграждают ей дорогу, мешают бежать. У Кассандры открывается второе дыхание, она бросается через дорогу в тот момент, когда машины уже трогаются. Охранник не решается последовать за ней. Она оборачивается, надеясь, что он отстал.

Но он не сдается.

Сердце Кассандры бьется с утроенной скоростью. Воздух обжигает легкие. Но охранник по-прежнему бежит за ней. Чтобы немного увеличить расстояние между собой и преследователем, Кассандра вынуждена снова прибегнуть к хитрости и прыгнуть в гущу автомобилей, трогającychся на зеленый свет. Увернувшись от грузовичка цветочника, она не замечает обгоняющую его маленькую легковую машину. Увлеченная бегом Кассандра не смотрит на часы, которые показывают «Вероятность умереть в ближайшие пять секунд: 89 %».

Удар. Страшная боль в икрах. Ее ноги отрываются от земли, и она взлетает в небо.

Ну вот, сейчас я умру. Меня не оставляет ощущение, что в этой жизни я сделала не все, что должна была.

Большого следа на Земле я не оставляю. Я лишь избивала нескольких дураков да обнаружила, что четверо бомжей построили деревню на мусорной свалке.

Кроме того, я пыталась, как могла, предупредить мир о подстерегающих его опасностях, но люди дали мне понять, что им это не нужно, а мне лучше помалкивать.

Неожиданно перед ней появляется коридор, в конце которого виден свет.

Это страна мертвых? Рай?

Нет, она снова оказывается в Трое, в храме Аполлона. Античная Кассандра в белой тунике тоже здесь.

— Теперь ты знаешь, как действует проклятие — мы предсказываем будущее, а нам не верят.

Эхо разносит ее негромкий, грустный смех между колоннами храма.

— Это страшно? — спрашивает девушка.

— Это не главное. Как бы тебе объяснить?.. Все зависит от того, как ты к этому относишься.

— Мне трудно с этим смириться.

— Фетнат в Искуплении говорил: предсказания пугают, особенно если они сбываются. Когда люди идут к астрологу, им нравится не верить ему. Их успокаивают его ошибки. Это значит, что они свободны и будущее можно изменить. Если им кажется, что на будущее повлиять нельзя, им становится очень страшно. Сбывшееся предсказание означает, что работает какой-то невидимый механизм и, что бы люди ни делали, все уже предрешиено.

Античная Кассандра показывает на влюбленную пару. Молодые люди в туниках идут, держась за руки.

— Мой брат Парис и эта шлюшка Елена. Я их предупредила, но они меня не послушали. И вот результат.

Кассандра указывает на горизонт, где появляются тысячи кораблей. Она грустно добавляет:

— Они смотрят, но не видят.

Слышат, но не слушают.

Знают, но не понимают.

И я бы добавила:

«Будущее их не интересует».

— Почему? Ведь всем должно быть интересно, что с ними случится?

— Нас с тобой будущее интересует, но большинство отворачивается, чтобы не видеть горизонт времени. Им страшно. Когда они думают о будущем, то боятся увидеть несчастья, которые с ними произойдут, поэтому им спокойней ничего не знать. А в конце пути их, как и нас, ждет смерть. Нужна смелость, чтобы идти к ней навстречу с открытыми глазами.

— Но они говорят, что хотят знать...

— Не надо слушать слова. Надо слушать глубинные, истинные мысли. Люди часто говорят одно, а думают другое. Хотят одного, а делают другое. Поддерживают своих врагов, встают на пути у своих друзей. Кусают руку, которая их кормит, ласкают руку, которая их бьет. Людей можно понять только сквозь призму парадоксов, признай это, и тогда ты сможешь проникнуть в их суть.

— Но они так часто это повторяют...

Античная Кассандра, шелестя туникой, подходит к Кассандре современной. Она шепчет ей на ухо:

— Ошибка остается ошибкой, даже если ошибается большинство...

И добавляет:

— Что бы ни случилось, не покоряйся судьбе.

— А мой брат?

— Твой брат — великий ученый.

— Я хочу его встретить!

— Для этого ты должна жить.

— А разве мне что-то угрожает?

— На самом деле в каждую секунду жизни ты сама решаешь, что с тобой произойдет. Так что выбирай.

— Нет, я не хочу...

— ...умирать!

Кассандра Катценберг открывает глаза и видит улыбающуюся медсестру в белом халате.
Я снова говорю вслух, сама того не замечая.

Она понимает, что лежит в мягкой постели, в больничной палате с белыми стенами, где все пропитано запахом дезинфицирующих средств. Она чувствует свой собственный запах. Запах геля для душа с лавандой. К ее груди прикреплены датчики сердечной деятельности, соединенные с зелеными мерцающими экранами.

Медсестра, проверяя аппараты, кивает ей:

— Вам очень повезло. Ничего не сломано, только небольшие ушибы. Вам нужен отдых. Вы скоро сможете вернуться домой.

Кассандра замечает видеокамеру, установленную под потолком.

Пробабилис наблюдает за мной.

— Где мои вещи?

Медсестра протягивает ей зеленый пакет, и Кассандра начинает лихорадочно рыться в нем. Отыскав часы, она включает их, и на экране тут же появляется надпись: «Вероятность смерти в ближайшие пять секунд: 19 %».

На шесть процентов больше нормы. Может быть, из-за полученных ран. Но до пятидесяти еще далеко, все хорошо.

— Мы не знали, когда вы придете в сознание. С вами хочет поговорить полицейский. Я могу его пригласить?

Кассандра кивает, и в палату входит высокий мужчина в бежевом плаще. Кассандра быстро прячет часы на дно пакета.

— Здравствуйте, мадемуазель. Вам уже лучше? Я очень рад, что у вас всего лишь небольшие ушибы. Я очень переживал за вас. Меня зовут Пелиссье, инспектор Пьер-Мари Пелиссье.

Двойное имя, причем одно из них — женское. Многообещающе. Он тоже похож на актера, только не помню, на какого.

Инспектор осторожно садится на край кровати, кладет рядом с Кассандрой букет цветов и коробку конфет. Девушка замечает, что ей не особенно хочется есть. Скорее всего, из-за капельницы, которая вводит глюкозу прямо ей в вену.

— Кошмар закончен, — говорит инспектор.

Он роется в своем портфеле.

— Вас заметили камеры наблюдения. Книжный магазин хотел подать жалобу, но я их разубедил и заплатил за книгу. Я не нашел ее в ваших вещах и тогда решил купить для вас еще одну...

Полицейский протягивает девушке «Проклятие Кассандры» в знакомой обложке с изображением женщины в белой тунике и со змеей на запястье.

— Ее зовут так же, как и вас. Кассандра из Трои. Понятно, что вы интересуетесь ею. Теперь эта книга — ваша. Очень похвально интересоваться греческой мифологией, это весьма познавательно. Я очень хочу вам помочь. Я прочел ваше личное дело. То, что с вами произошло, ужасно. Теракт в Египте, наверное, стал тяжким испытанием для вас. Поверьте, мы сделаем все, чтобы обеспечить вам комфорт и безопасность.

Кассандра непонимающе хмурит брови.

— Как гласит поговорка: «Даже несчастье устает преследовать одного и того же человека».
Еще одна поговорка. Этой я не знала. Орландо прав, это интеллектуальная лень людей,

не способных сделать собственные уmozаключения. Фразы по трафарету — своего рода наркотик. Хватит хранить их в памяти.

— А почему я?

Черт, этот вопрос можно написать на моей надгробной плите.

Кажется, полицейский удивлен вопросом.

— Ну, потому что вы, видите ли, не совсем обычная девушка!

Ах, если бы я знала, кто я!

— Как дочь влиятельного человека, вы можете рассчитывать на особое отношение.

«Дочь влиятельного человека»? Если бы я помнила о своем детстве!

Инспектор продолжает:

— Я спешил, чтобы успеть помочь вам. Честно говоря, мне кажется, я видел вас мельком после вашего бегства из школы «Ласточки».

Наверное, это он светил фонариком из окна полицейской машины, когда я пряталась за платанами, рядом со свалкой. Вид у него нековарный. Слово «коварный» означает «кривой, лукавый, говорящий неправду».

— Последнее время вам приходилось нелегко. Но отныне все это кончилось, все становится на свои места.

Он смотрит на нее и улыбается.

— Вы знаете, почему я так хотел найти вас? У меня была кошка. Мой сын ее обожал. Рыженькая такая, с белым пятном в форме сердечка на мордочке. Однажды, когда почтальон принес посылку, она выскочила за дверь. Обычно она просто бегала по коридорам, но в тот раз добежала до лифта и выскочила из подъезда на улицу. Мы с сыном погнались за ней, но, увидев нас, она убежала.

Полицейский вздыхает.

— Мой сын очень ее любил, а она предпочла приключения. Новые горизонты, кто знает? Теперь ей, наверное, холодно и голодно. Мы расклеили объявления по всему кварталу, но вы же понимаете, кошки очень быстро бегают, а она к тому же очень пуглива. Может, кто-то украл, соблазнившись ее красотой... А могли ведь и забрать в лабораторию, чтобы ставить на ней опыты...

Мне кажется, я знаю, что случилось с вашей кошечкой.

— Но, может быть, она чувствовала себя несчастной, сидя взаперти в четырех стенах. Кроме того, мы ее стерилизовали, и ее единственным развлечением стала игра с клубками шерсти. Но цена свободы велика. Если даже она не попала под машину и ускользнула от бродячих собак, ей, должно быть, очень трудно разбудить в себе инстинкт охотницы. Не представляю, как она ловит мышей и крыс в городе, она ведь всегда ела только кошачий корм, да еще не всякий. Она терпеть не могла куриную печень. Не знаю, сможет ли она найти какое-нибудь убежище от холода и непогоды... Я все еще надеюсь, что нам ее вернут. Она ведь убежала в ошейнике с медальоном, на котором было написано ее имя.

— Как звали вашу кошку? — спрашивает Кассандра.

— Либерти-Белль, а почему вы спрашиваете?

А ты что думала? Что ее зовут Жанна? Ты слишком много о себе воображаешь. Мир не настолько тесен.

— Просто так. Уверена, вы ее найдете.

Как вы нашли меня.

Полицейский достает записную книжку и что-то записывает.

— Я хотел бы задать вам несколько вопросов для отчета. Что вы делали в страховом агентстве?

— Искала брата.

Полицейский удивлен:

— Брата? Вы ищете брата?

— Я ничего о нем не знаю...

С самого детства.

— ...уже очень давно.

Пьер-Мари Пелиссье внимательно смотрит на нее. Кажется, он чем-то обеспокоен.

— Конечно, я должен был догадаться. Даниэль Катценберг? Маленький гений страхования жизни — ваш брат?

Он его знает.

— Вам повезло, я занимался расследованием несчастного случая, который с ним произошел.

Кассандра садится на постели, но игла и трубки капельницы впиваются в ее кожу. Она морщится.

— Не только вы становитесь жертвой роковых происшествий. Ваш брат тоже выкинул неплохую шуточку. Можно подумать, у вас это семейное.

— А что он сделал?

— Спрыгнул с крыши башни Монпарнас. Двести десять метров вниз, между прочим.

Кассандра стискивает зубы.

Он умер.

— Вы не поверите, но... он упал на пенопласт в кузове грузовика, который проезжал под башней как раз в этот момент. Удивительное везение! Если бы я лично не занимался этим делом, то сказал бы, что это совершенно невозможно.

Он выкарабкался. Даниэль жив.

Инспектор Пелиссье качает головой:

— Но... грузовик, который его спас, проехал на красный свет. И очутился посреди площади в тот момент, когда тронулись машины, находившиеся на поперечных улицах. Он столкнулся на всей скорости с другим грузовиком, который перевозил огнеопасную жидкость. Произошел взрыв.

Он все-таки умер.

Кассандра опускает глаза.

— Но... он чудом остался в живых.

Он издевается надо мной.

Инспектор Пьер-Мари Пелиссье достает из жилетного кармана часы с экраном, очень похожим на экран наручных часов Кассандры. Циферблат разбит.

— Это все, что мы нашли. Я сохранил их как память.

Они, должно быть, одинаковые. Даниэль сделал две штуки. Себе и мне.

— Вы не поверите, но, когда мы их нашли, часы еще работали и на экране рядом со словами «Вероятность умереть в ближайшие пять секунд...» была видна цифра. Ни за что не догадаетесь какая.

Инспектор Пелиссье выжидает, но Кассандра молчит, и тогда он произносит:

— Девяносто восемь процентов!

Инспектор наслаждается произведенным эффектом.

— Просматривая в замедленном режиме видеозапись того, что произошло на перекрестке, мы заметили, что ваш брат спрыгнул с грузовика за несколько секунд до столкновения и взрыва. Слово за несколько мгновений до аварии он смог предвидеть то, что случится.

Вот какой молодец мой брат. Девяносто восемь процентов — это не сто.

Он знал, что есть два процента вероятности выжить. С ними можно кое-что сделать и за несколько секунд. И он бросил все силы на то, чтобы в последний момент использовать эти два процента.

Полицейский вертит в руках треснувшие часы и продолжает рассказ:

— Даниэль чудом спасся, но при аварии три человека погибли, а пять были ранены. Завели уголовное дело. Я считаю, что ваш брат должен предстать перед судом, хотя бы за «нарушение правил поведения на проезжей части». Я почти уверен, что он частично несет ответственность за случившееся.

Инспектор пожимает плечами.

— Но, естественно, поскольку ваш брат — сын вашего отца, мы получили указание закрыть дело.

Полицейский наклоняется и шепчет Кассандре на ухо:

— Знаете, что я думаю? Ваш брат все это подстроил. Он организовал аварию, чтобы проверить, как работают его часы для предвидения. Парень с грузовиком, заполненным пенопластом, который появляется в нужное время в нужном месте, — не случайность. Это сообщник. Кстати, я проверил — разумеется, водитель грузовика работал в «Страховании Будущего», под началом вашего брата. Какое уж тут совпадение! А вот появления второго грузовика, перевозившего легковоспламеняющуюся жидкость, ваш брат не предусмотрел. Тот шофер на него не работал.

Кассандра молчит. Полицейский перечитывает свои записи.

— Значит, книга — из-за греческого имени. Посещение страхового агентства — из-за брата. Последний вопрос, и я уйду. Видеокамера зафиксировала, как вы проникли на мусорную свалку. Мы знаем, что там живут... как бы это сказать... албанские мафиози, цыгане и бомжи. Вы их видели? На вас кто-нибудь нападал? Мы еще не проводили медицинской экспертизы, чтобы установить, было ли над вами совершено сексуальное насилие, но мне пока будет достаточно ваших слов.

Кассандра качает головой, и это успокаивает инспектора.

— Спасибо за содействие, мадемуазель Катценберг. Уверен, что для вас кошмар закончился, и все будет хорошо. Если вам понадобится помощь, звоните в любое время, вот номер моего мобильного.

Полицейский протягивает ей визитную карточку, открывает дверь, вежливо наклоняет голову, прощаясь. Перед тем как уйти, он добавляет:

— Надеюсь, вы получите удовольствие, читая о приключениях своей античной тетки.

Кассандра долго лежит тихо и неподвижно, уставившись в потолок и обдумывая драгоценную информацию, которую она услышала о своем брате, потом наугад открывает «Проклятие Кассандры» и читает:

«...она решила сказать брату, чтобы он не ходил туда. Но Парис никого не слушал. Ему казалось, что он все на свете понял и сам знает, как поступать. У нее снова было видение, и она объявила, что...»

— Мадемуазель Катценберг, к вам снова посетитель, — говорит медсестра. — Кто-то из родных, мне кажется.

Даниэль?

— Некий господин Филипп с трудной фамилией, что-то вроде Падипикас.

Пападакис.

Кассандра уже вскочила с постели. Она вырвала все трубки, соединявшие ее тело с мониторами, вытащила иглу капельницы. Она мчится в пижаме по коридорам больницы.

Больные смотрят на нее спокойно, но группа санитаров бросается вдогонку. Она

распахивает все двери подряд, находит пустую палату, бежит в ванную комнату и прячется под умывальником.

И успокаивается.

Обожаю прятаться в шкафах и под умывальниками.

Она выжидает минут десять, затем покидает свое убежище. Она мчится в противоположном направлении, опрокидывая на бегу тележку с постельным бельем.

Кассандра видит выход, но медсестры преграждают ей путь.

— Она подвержена приступам паранойи и может быть опасна. Поосторожней с ней, — предупреждает одна из них.

Отовсюду сбегаются люди в белых халатах. В конце концов покусанные и исцарапанные санитары берут ее в плен. Шприц вонзается в руку, как дротик, Кассандра чувствует, как ноги ее подкашиваются, она теряет сознание.

Кассандра из эпохи античной Трои читает книгу, сидя в тени Синего Дерева Времени. В небе блистает солнце. Ветерок колышет траву. Слышится пение невидимых птиц.

На обложке книги написано: «Приключения Кассандры Катценберг».

Девушка нерешительно подходит к ней. Женщина неторопливо откладывает книгу в сторону:

— Ты не заставляешь себя ждать. Я успела прочесть одну главу, да и то в страницу длиной.

Ты теперь спишь два раза в день. И мы знаем, что можем встречаться через каждые два сна.

— А вы на самом деле существовали или вы просто легенда?

— Сейчас это не имеет значения. Меня оживляют фантазии твоих снов. Это плоды моих уроков. Запомни хорошенько изречение: «Реальность — это то, во что ты веришь».

Девушка пытается вникнуть в смысл этих слов, потом спрашивает:

— А что есть помимо моей веры?

— Все вокруг — это только вера. История прошлого, история будущего... Все всегда начинается с идеи, пришедшей в голову одному человеку. А Вселенная потом делает все возможное, чтобы претворить в жизнь изобретенный им сценарий.

Кассандра обдумывает услышанное.

— Кто знает, может быть, Гомер придумал Одиссея? Платон выдумал Сократа? Святой Павел придумал Иисуса Христа? — продолжает ее старшая подруга.

— В любом случае, не я выдумала теракт на заводе ЭФАП.

— Кто знает?

Античная Кассандра смеется.

— Ну-ну, я шучу. Ты ведь даже не знала, что такой завод существует, верно?

— Есть очень много вещей, которые существуют независимо от нашей веры, независимо от легенд, рекламы и проектов.

Жрица делает грациозный жест рукой, вокруг которой обвилась змея:

— Я тоже хотела в это верить.

Античная Кассандра улыбается. Современная Кассандра морщится:

— Я больше не хочу видеть будущее. Я просто хочу, чтобы меня оставили в покое.

— Разве у тебя есть выбор? Разве выбор есть у меня? Когда я получила способность предвидеть будущее, подразумевалось, что это подарок. От подарков не отказываются.

— А если, зная будущее, я буду молчать?

— Ты будешь страдать.

— А разве, когда я говорю, я не страдаю?

— На самом деле в этой игре выиграть нельзя.

— А какое у нее название?

— «Прорицательница».

— Прорицательница...

— Хочешь, скажу тебе самое главное?

Античная Кассандра склоняется и произносит на ухо девушке:

— Знать и не уметь убедить других — это, быть может, обидно, но не знать и жить, как все, еще хуже...

Она играет со змеей и говорит:

— Цени свое могущество.

Затем взгляд ее становится жестким.

— Цени, или ты его потеряешь.

— А что мне это может дать?

— Ты можешь узнать, кто ты на самом деле. Ведь это цель каждой жизни...

Голос жрицы нарастает и уже напоминает по силе раскаты грома.

— Ибо только одно важно: узнать, кто ты на самом деле.

Ее ресницы дрожат.

Подняв веки, она различает низко склонившееся над ней лицо директора школы «Ласточки».

О нет, только не он.

На нем голубой галстук с металлическим отливом и перстень с печаткой, на которой, если присмотреться, изображена лошадь в короне. От него пахнет мужской туалетной водой и потом.

Кассандра осознает, что находится уже не в больнице, а в изоляторе школы «Ласточки». Она хочет приподняться, но ее запястья привязаны к спинке кровати.

Филипп Пападакис улыбается, а потом показывает девушке странную конструкцию: перевернутый прозрачный стакан, стоящий на тарелке.

Внутри стакана лихорадочно кружится пчела.

Директор школы наблюдает за насекомым сквозь стекло.

Пчела бьется о прозрачные стенки. Директор подносит стакан к глазам Кассандры:

— Ты слышала о «синдроме пчелы»?

Кассандра качает головой, пристально глядя на насекомое в неволе.

— Видимо, наши уроки никогда не закончатся, мадемуазель Катценберг. В последний раз я объяснил вам значение вашего имени, теперь расскажу о смысле ваших поступков.

Кассандра понимает, что ей действительно стоит поучиться у этого неприятного типа.

Наверное, и вправду от врагов можно узнать больше, чем от друзей.

Он встряхивает стакан, о стенки которого продолжает биться пчела.

— Мне было девять лет. Вместе с другими детьми я играл в цветущем саду. Вдруг пчела села на пирожное, приготовленное для полдника, и начала им лакомиться. Другие дети сначала закричали от ужаса, боясь, что она их ужалит. Один мальчик, чтобы произвести впечатление на девочек, решил пуститься на хитрость: увидев, что пчела уселась на крошку от пирожного, он накрыл ее перевернутым стаканом. Точно так же, как сделал сейчас я.

Он опять слегка встряхивает стакан, что немедленно увеличивает тревогу насекомого.

— Затем мальчик, который посадил в тюрьму пчелу, подумал, что она наказана недостаточно. Он стал стучать ложкой по стенкам стакана, раздавался пронзительный звук, который, конечно, внутри стакана казался еще более громким. Пчела словно обезумела, и я...

Филипп Пападакис несколько раз стучит указательным пальцем по стеклу. Что приводит пчелу в бешенство.

— Я решил, что довольно длить ее пытки и надо освободить невинное насекомое.

Директор смотрит на Кассандру с простодушным видом.

— Сказано — сделано, я приподнял стакан. Зачем только я это сделал? Пчела немедленно ужалила меня в руку. Это было очень больно. Впрочем, пчела испытала при этом еще более мучительную боль, поскольку, как вы знаете, ее жало, в отличие от жала осы, оканчивается зазубренным крючком. Ужалив, она пытается улететь, жало застревает и выворачивает у нее все внутренности.

Последние слова он произнес очень грустно:

— Она страдала. Я страдал. И все потому, что я решил проявить великодушие. На самом деле пчела совершила глупость: укусила руку, освободившую ее. И погибла. Мне было больно, но я выжил. Такова цена урока.

Он роется в лежащей на стуле сумке, в которой находятся вещи Кассандры.

Только бы он не украл мои часы вероятности.

Он ищет что-то в течение некоторого времени, затем достает книгу «Проклятие Кассандры».

— Неблагодарность — вот причина всех драм в мире. Драма троянской Кассандры в том, что она не сказала спасибо Аполлону. Драма пчелы в том, что она не сумела когда-то сказать мне спасибо за то, что я ее освободил. Неблагодарностью вызвана и ваша драма, а следовательно, и моя. Вы ведь тоже меня укусили, в то время как я желал вам лишь добра. Не так ли?

Он смотрит в окно изолятора.

— История полна подобных примеров. Посмотрите хотя бы на короля Людовика XIV. Он разоряет страну, строя Версаль и ввязываясь в бессмысленные дорогостоящие войны, которые он в большинстве случаев проигрывает. Он живет в бесстыдной роскоши, совершенно не думая о своих подданных. Страна разорена, народ голодает. При этом Людовик XIV остается в памяти потомков блистательным монархом. Король Солнце — так он назвал себя сам, а историки последовали его примеру. Его наследник, Людовик XV, обнаруживает, что казна пуста, страна в агонии, но ничего не предпринимает и передает власть, словно горячую картофелину, своему собственному наследнику, Людовику XVI. Последний же решает, что нужно как-то исправить и сгладить перегибы своего предка. Людовик XVI подписывает декреты в пользу народа. Он заставляет аристократию, до той поры не знавшую пошлин, платить налоги. Он издает указ о создании особых «Жалобных тетрадей», в которые каждый человек, независимо от его социального положения, имеет право внести запись о своих личных невзгодах и неотложных нуждах. Такого рода инициатива — интерес к мнению народа — была проявлена впервые в мире. Но современники отнюдь не считали короля новатором, которым он на самом деле являлся, а принимали его прозорливость и великодушие за слабость. Как известно, его, освищенного тем самым народом, которому он так хотел помочь, в конце концов при всеобщем ликовании обезглавили.

Директор выглядит огорченным.

— Неблагодарность правит миром.

Филипп Пападакис смотрит на стакан, внутри которого жужжит насекомое.

— Так что ж мне делать с этой пчелой? Я могу, конечно, снова выпустить ее, но теперь знаю, что из-за глупости и неблагодарности она ужалит меня, причинив мне боль, а себе принесет гибель. Что ты об этом думаешь, Кассандра?

Он говорит со мной на «ты».

Девушка с большими светло-серыми глазами не отвечает. Директор качает головой и поднимает стакан. Пчела не успевает взлететь, он резко придавливает ее ладонью к прикроватному столику. Кончиками отшлифованных ногтей он поднимает черно-желтое тельце и подносит к лицу Кассандры. На его лице снова появляется выражение, придающее ему сходство с Дональдом Сазерлендом.

— Вот что мне стоило сделать и в первый раз. Единственный верный выход. К тому же пчела не страдала. М-да... я считаю, что не нужно нарушать порядок вещей и спасать кого-то против его желания.

Он берет книгу «Проклятие Кассандры» и задумчиво разглядывает обложку.

— Значит, я сумел привлечь твое внимание к античной тезке. Ты прочла продолжение ее приключений? Кассандра хотела помешать своему брату Парису спать с Еленой. Но последняя была настолько прекрасна, что троянцы гордились тем, что Парис украл такую красавицу.

Внезапно он наклоняется к самому лицу Кассандры. Она с отвращением отворачивается.

— С тобой трудно, но так даже лучше, — говорит он, улыбаясь. — Ты ведь трудный подросток, не так ли? Это нормально. Когда знаешь, кто ты на самом деле...

— Кто я? — спрашивает она.

— А... ты наконец заговорила. Как пчела, если постучать по стенке стакана. Знаешь, Кассандра, если твое имя — подсказка, то это лишь первая из подсказок, которые могут помочь приблизиться к пониманию большой тайны. Надо еще принять во внимание и твое прошлое.

Он кладет книгу на прикроватный столик и открывает свой чемоданчик.

— Я очень заинтересовался твоим случаем, таким необычным. Ах да, прошлое... Быть может, ты не случайно обладаешь этой, как бы получше выразиться, «способностью». Нет, нет, не случайно. Быть может, где-нибудь какой-нибудь Аполлон захотел, чтобы тебе являлись видения? Быть может, какой-нибудь бог, или человек, или кто-то власть предержащий решил подарить тебе необыкновенный талант? А ты об этом забыла. Или он сделал так, чтобы ты об этом забыла.

На этот раз Кассандра не вырывается. Она внимательно слушает. Он гладит ее руку, потом шею.

Он нарушил мое личное пространство. Но я стисну зубы. Я должна узнать.

Она заставляет себя не шевелиться.

— О, как ты горда, маленькая пчелка! Но мне это нравится. Думаю, что, несмотря на все зло, которое ты мне причинила, я проявлю великодушие, — говорит он, дотрагиваясь до лейкопластыря, до сих пор красующегося у него на ухе. — Я подарю тебе то, в чем ты нуждаешься больше всего: вторую подсказку.

Слушаю тебя.

Он бросает на пол труп насекомого и давит его каблуком.

— Это... вопрос. Слушай внимательно: «Ты действительно знаешь, кем были твои родители?»

В этот момент в комнату входит медсестра, видит, что директор слишком низко склонился над девушкой и Кассандре это явно не нравится. Медсестра строгим тоном просит директора выйти. Филипп Пападакис резко выпрямляется.

— Завтра, когда будет поспокойнее, мы продвинемся дальше, — обещает он.

Медсестра меряет его подозрительным взглядом.

— Оставьте ее, сударь, ей нужно отдохнуть, — говорит она настойчиво и кладет прохладную руку на лоб девушки.

Директор отходит от кровати, и его взгляд падает на зеленый пластиковый пакет.

— А это что? — спрашивает он.

Он берет наручные часы и осматривает их со всех сторон. Он читает надпись и делает удивленную гримасу.

— «Вероятность умереть в ближайшие пять секунд: 21 %». Это было в посылке, которую я тебе передал, не так ли?

Девушка неподвижно лежит на кровати, не удостоивая его ответом. Пападакис колеблется, он испытывает сильное желание забрать часы себе, но неодобрительный взгляд медсестры останавливает его. Он кладет их обратно в пакет.

— В любом случае, эта штука, похоже, приносит несчастье. До завтра.

Он выходит из комнаты, оставляя дверь полуоткрытой. В коридоре слышен стук его удаляющихся шагов.

— Отвяжите меня! — просит Кассандра медсестру.

— Ну-ну, будьте благоразумны, мадемуазель Катценберг. Вы поранили одну из ваших соучениц, откусили мочку уха директору и повредили оборудование в больнице, из которой вас привезли. Думаю, что на данный момент самое важное для вас — отдохнуть.

Она измеряет Кассандре пульс, кладет ей на язык успокоительное средство, протягивает

стакан воды, говоря, что это поможет ей заснуть. Потом медсестра гасит потолочный свет, оставляет лишь дежурную лампу-ночник и уходит.

— Спокойной ночи, мадемуазель.

Кассандра, считая, что уже достаточно поспала на сегодня, выплевывает успокоительную таблетку. Она привязана к постели, поэтому продолжает просто неподвижно лежать на спине и смотреть в потолок. Ей очень хочется взглянуть на часы и узнать, что же ее ждет в будущем, но подарок брата лежит на дне пакета. С кровати его не видно.

Без этой безделушки она чувствует себя голой.

Брошенной на милость непредсказуемой судьбы.

Примерно десять минут спустя дверь тихо открывается. Это не Филипп Пападакис и не медсестра. Это кто-то пониже ростом.

Виолен.

Кассандра пытается защититься, но она привязана, она пытается кричать, но противница уже засунула ей в рот тряпку и закрепила ее ремнем.

Виолен Дюпарк достает из кармана скальпель.

— Око за око, зуб за зуб, — бормочет она, вплотную подходя к кровати.

Кассандра различает глубокие шрамы, рассекающие щеку и шею Виолен. Они еще не зарубцевались.

Острое лезвие приближается к скуле Кассандры. Она опускает веки.

Странно, каким долгим кажется отрезок времени между моментом, когда кто-то решил совершить поступок, и моментом, когда этот поступок становится реальностью.

Как долго будет она подносить скальпель к моему лицу? Может быть, у меня изменилось восприятие времени. Наверное, я переживаю настоящее на замедленной скорости.

Нет, это не Виолет действует медленно, это я думаю слишком быстро. В ускоренном темпе.

Я должна отреагировать. Я должна преподать ей второй урок.

Пусть даже она никогда не поблагодарит меня.

Все происходит в одно мгновение. Зрачки Кассандры сужаются, определяют цель.

Движением бедер она откидывает одеяло с простыней, обнажает ноги и сгибает их. Ее колени, словно клещи, обхватывают голову Виолен и резко тянут ее вниз. Падая, противница роняет скальпель на постель. Кассандра еще сильнее стискивает ногами шею Виолен, которая вырывается, пытаясь освободиться. Одновременное этим Кассандра, пользуясь тем, что веревка недостаточно туго перетягивает ее правое запястье, овладевает скальпелем. Ловким движением она, продолжая сжимать шею Виолен ногами, перерезает путы, обездвигивающие левую кисть. Затем, освободив обе руки, хватает Виолен, прижимает ее к кровати, переворачивает, заламывает ей локоть за спину и заталкивает ей в рот кусок простыни, чтобы она не кричала. Кассандра выкручивает ей вторую руку и своими веревками стягивает запястья противницы, несмотря на отчаянное сопротивление последней. Уже не торопясь, Кассандра отрывает шнуры штормов и связывает Виолен покрепче, чтобы она никак не смогла поднять тревогу.

Потом поправляет кляп.

— Ничего личного, — говорит Кассандра. — Но меня ждут дела поважнее.

Виолен лихорадочно пытается высвободиться, но тщетно. Из ее заткнутого тряпкой рта вырывается возмущенное мычание.

Проблема многих людей заключается не в том, что они злые, а в том, что они просто не понимают, что же на самом деле происходит, потому что не могут представить себя на месте другого человека.

— Если будешь слишком активно дергаться, то порежешься о веревки. Они тонкие и прочные, мне очень жаль, но других здесь нет.

С другой стороны, кто бы смог встать на мое место и почувствовать то, что чувствую я?

Кассандра разрешает себе поцеловать в лоб побежденную противницу, что приводит ту в еще большее бешенство.

В любом случае, с именем, которое включает в себя и насилие, и ненависть [111](#), она должна быть готова к трудной жизни. В конце концов. Пападакис, может быть, и прав: имя активизирует секретную программу, спрятанную в глубине нашего сознания.

Наконец-то Кассандра надевает часы на запястье и смотрит на экран: «Вероятность умереть в ближайшие пять секунд: 19 %».

Оставив Виолен в изоляторе, она крадется по школе в пижаме. Девять часов вечера, никого уже нет. Единственный свет в коридорах — дежурные лампы-ночники. Кассандра осторожно движется в сторону кабинета директора.

Войдя в дверь, она видит шкаф, заполненный пронумерованными папками. Она листает дела учеников и в конце концов находит свое досье. На нем крупными буквами написаны ее имя и фамилия: «КАССАНДРА КАТЦЕНБЕРГ», а внизу: «Эксперимент 24». В правом углу стоит обведенная в кружок цифра «9» с двумя восклицательными знаками.

Рядом со своим досье она находит папку «ДАНИЭЛЬ КАТЦЕНБЕРГ, Эксперимент 23». В правом углу цифра «7» с восклицательным знаком.

Мой брат тоже здесь жил.

Над нами ставят какие-то эксперименты.

Что означают цифры «7» и «9»?

Она смотрит на часы, которые показывают «20 %» — видимо, из-за учащенного сердцебиения.

В папке мало информации, но Кассандра находит там адрес своих родителей.

Поискав еще немного, она обнаруживает металлическую коробку, которую открывает при помощи ножа для разрезания бумаги. Пачка банкнот, сто семьдесят евро. Кассандра хватается за висящий на спинке кресла пиджак Пападакиса, накидывает его на себя и, крадучись, возвращается в изолятор.

Привязанная к кровати Виолет уже больше не мычит. Кассандра вылезает в окно, выходящее на улицу, проходит босиком несколько сотен метров и пытается остановить проезжающие мимо такси.

Как только водители замечают пижамные брюки и босые ноги девушки, они прибавляют скорости, думая, что она сумасшедшая или лунатик. В конце концов, один из них под скрежет тормозов останавливается. Он опускает стекло и спрашивает только одно:

— Деньги у вас есть?

Кассандра показывает банкноту в пятьдесят евро. Раздается щелчок, задняя дверца деблокируется, и девушка, дав водителю адрес своих родителей, записанный на листке бумаги, залезает на сиденье.

Со вздохом изнеможения она наконец откидывается на спинку и изучает мелькающий за окнами пейзаж.

Что же я там найду?

Почему я ничего не помню из своего детства?

Что случилось с моим братом? Надо все-таки быть особенным человеком, чтобы добровольно спрыгнуть с крыши башни Монпарнас, надеясь на коллегу, который должен в последний момент тебя подстраховать.

Полицейский сказал, что высота башни Монпарнас двести десять метров.

Кассандра вспоминает уроки физики и формулу, по которой надо вычислять время падения тела.

$$T = \sqrt{2H/g}$$

T — время.

H — высота.

g — константа гравитации.

Получается 6,54 секунды.

Таким образом, у него было примерно семь секунд, чтобы подумать и, быть может, посмотреть на часы, на которых мелькали проценты. Вроде бы семь секунд — это недолго, но на самом деле это нескончаемый отрезок времени.

С каждым уходящим вверх этажом цифра на его часах увеличивалась.

За шесть секунд и пятьдесят четыре сотых кто-то может раскаяться в содеянном, кто-то может испугаться. Кто-то может умереть от страха.

Но только не он. Не Даниэль. Если он способен на такой безумный поступок, то он выше страха.

Он летел со скоростью триста километров в час.

Ему было холодно. Он встречал птиц. И взгляды тех, кто смотрел на Париж из огромных стеклянных окон.

А главное — он спрашивал себя, успеет ли его коллега на свидание, назначенное там, внизу, именно в это время и именно в этом месте.

Водитель такси поправляет зеркальце, чтобы рассмотреть босую пассажирку, кажется, погрузившуюся в свои мысли.

— Извините меня, барышня, я вас принял за бродяжку. Вы, наверное, студентка, не так ли?

Это пожилой усатый человек с седыми волосами, одетый в поношенный вельветовый пиджак. К рулю прикреплен святой Георгий, к зеркальцу — зеленое деревце, источающее аромат ландской сосны. На решетке кондиционера виден портрет женщины, лицо ее покрыто бородавками, рядом с ней сидит немецкая овчарка, из открытой пасти которой свешивается язык.

— С этой модой на грандж уже невозможно узнать приличного человека. Да и бомжи становятся все моложе и моложе. Меня тошнит от всех этих попрошайек. Спасу от них нет. Они, словно собачье дерьмо, уродуют наши улицы, и иностранцы из-за них считают нас свиньями. Хотите, я вам честно скажу, что думаю?

Нет. Лучше не надо.

— Нам надо набраться смелости и избавиться от бомжей. Хотя я и за левых. На выборах голосую за коммунистов, я член профсоюза.

Он снова поправляет зеркальце, чтобы лучше ее видеть.

— Но факт надо признать. Эти отбросы человечества не приносят пользы нации. К тому же они агрессивны и переносят заразные болезни.

Мысли Кассандры витают вдалеке, водитель продолжает говорить в пустоту.

Болезнь. Интересное слово. Оно происходит от слова «боль». Тела испытывают боль, потому что люди не могут рассказать о своих страданиях. Если бы они могли выговориться, они, быть может, выздоровели бы.

Водитель, кажется, пребывает в восторге от того, что нашел единомышленницу.

— Во времена Сталина, когда Россию держали в узде, я был в Москве. И могу вас уверить, бомжей на улицах не было. Их отправляли в трудовые лагеря в Сибири. Заметьте, барышня, всех этих бездельников и во Франции можно было бы заставить заниматься физическим трудом. В сельской местности, например. Там рук не хватает, а эти паразиты прохлаждаются на скамейках в парках! Я даже думаю, что им самим будет лучше, если они начнут работать. У них появится расписание рабочего дня. Хозяин. Приказы.

Кассандра молчит, ей не терпится поскорее приехать на место.

Они съезжают с окружной дороги, покидают Париж и оказываются в западном пригороде. Небоскребы квартала Дефанс уступают место зданиям Курбеуа, потом природа вступает в свои права, и они попадают в лесистую зону.

Покинув объездную автостраду, они следуют по государственной, по региональной, по департаментской, потом, наконец, по узенькой сельской дорожке, выводящей к топкой тропинке, в конце которой выцветшая табличка сообщает о том, что тут стоит частный дом.

— Вы уверены, что вам сюда, барышня? Как-то тут безлюдно. Могу посоветовать гостиницу неподалеку.

Кассандра молча протягивает ему пятьдесят евро. Водитель дает ей сдачу и ждет, протянув руку. Кассандра открывает дверь и вылезает из машины. Она вздрагивает, коснувшись ногами влажной земли.

— А на чай что, теперь не дают?

«На чай» — это на чай. Думаю, тебе чай пить уже поздно.

Она даже не оборачивается. Водитель мычит: «Жадная сволочь!» — и трогается с места.

Кассандра не обращает на него внимания.

Она потрясенно смотрит на стоящую перед ней усадьбу.

Так это тут.

Черт, почему я ничего не помню?

Я напрасно роюсь в памяти — этого дома в ней нет.

Как и моего брата. Как и моих родителей.

Я помню только путешествие в Египет. Взрыв. Словно этот взрыв меня и породил.

Неужели шок, полученный во время теракта, стер из моей памяти всю жизнь до тринадцати лет?

При свете луны внешний вид усадьбы производит зловещее впечатление. Вилла окружена высокой проржавевшей оградой, по которой, судя по табличкам с изображением молнии, пропускался электрический ток. Когда-то раньше.

Мои родители, должно быть, патологически боялись грабителей, раз возвели такую высокую и необычную ограду.

Перед тем как двинуться вперед, Кассандра изучает решетку с внешней стороны. Осматривает покосившуюся табличку «ПРОДАЕТСЯ» с номером телефона агентства недвижимости. Объявление потемнело от непогоды и покрылось плесенью, словно агентство уже в течение десятилетий требует за дом непомерную цену или усадьба чем-то отталкивает покупателей.

Кассандра смотрит на калитку, пытаясь разбудить в себе хоть какой-то намек на воспоминание, но память ее мертва. Она останавливается перед почтовым ящиком с надписью: «СЕМЬЯ КАТЦЕНБЕРГ». Из него торчат старые выцветшие журналы, покрытые следами слизи улиток.

Кассандра вспоминает обитателей Искупления.

Орlando. Фетнат. Ким. Эсмеральда. Если бы я могла сказать им правду о своем прошлом.

Она обходит вокруг ограды — и видит за рядами кипарисов красивый ультрасовременный дом, смотрящий в парк высокими, от пола до потолка, окнами. Крыша из белого бетона повторяет движение волн, из которых поднимается башня в форме призмы.

Ржавая ограда повреждена во многих местах. Кассандра, вспомнив, как она пробралась на свалку, просто расширяет одно из отверстий в решетке. Она проскальзывает в огромный парк с запущенными лужайками, окруженными столетними деревьями. В свете луны блестит маленькое озеро, обрамленное камышом.

Я не могла сказать им правду, поскольку она непостижима.

Кассандра, закрыв глаза, глубоко вздыхает. Поворачивается лицом к своему прошлому, ищет что-нибудь знакомое, какую-то деталь, запах или ощущение, которые смогут рассказать ей обо всем остальном, как может помочь размотать клубок маленький кончик нитки.

Но она не находит ничего. Лишь пустота отзывается эхом в ее памяти.

У меня украли воспоминания. У меня украли память. У меня украли детство. Кто? Кто это сделал?

Я хочу знать, кто я. Я пойду на все, чтобы открыть истину.

Она делает еще один глубокий вздох и подходит к отлакированной лунным светом воде, заросшей камышом и кувшинками. Это место, между прочим запоминающееся, ни о чем ей не говорит. Она обходит поместье, пытаясь с помощью деталей пейзажа как-то оживить свою память. Но результат по-прежнему остается неизменным: самое раннее ее воспоминание — это вопль, вырвавшийся из груди, когда она поднялась на ноги и отправилась искать своих родителей среди пламени и искалеченных тел. Больше ничего. Это случилось четыре года тому назад. Ей было тринадцать лет.

Ужасные картины снова возникают перед ней, вытеснив из сознания все остальное. После взрыва — машина «Скорой помощи». Потом — самолет. Во Франции — сотрудницы социальной помощи, которые пытались заставить ее говорить. Они задавали ей вопросы, которых Кассандра не понимала, и поэтому ответить не могла. Потом появился человек, утверждавший, что способен ей помочь. Филипп Пападакис, директор школы «Ласточки». Его слова вселяли надежду.

— Я старый друг ваших родителей. Я долго работал с вашей матерью. Считайте меня своим дядей. Мы вместе попытаемся все уладить.

Спустя несколько месяцев ей стало казаться, что ее иссушенная душа медленно оживает. Филипп Пападакис доверительно говорил ей:

— Вы словно заново родились. Обычно сознание просыпается в тот момент, когда младенец рождается. А вы родились в тринадцать лет. Лучше поздно, чем никогда.

Кассандра ясно представляет себе похожего на Дональда Сазерленда Филиппа Пападакиса, а вместо родителей видит лишь кровавую кашу, оставшуюся после взрыва.

Входная дверь заперта, но, обогнув дом, она находит в конце концов подходящее окно. Кассандра подбирает большой камень и разбивает стекло. Потом просовывает руку в отверстие и поворачивает шпингалет.

Она подтягивается, залезает в дом и спрыгивает на пол в туалете, пропахшем застоялой водой. За его дверями перед ней открывается большая, погруженная в темноту комната. Кассандра тщетно пытается включить свет. Пошарив немного в потемках, она обнаруживает канделябр с тремя свечами и лежащие на низком столике спички. Она может наконец осветить комнату и видит выключатель рядом с входной дверью. Она снова пытается включить свет, и из подвала дома доносится приглушенное бурчание.

Что-то еще все-таки работает.

Роскошная мебель в доме покрыта толстым слоем пыли и затянута паутиной.

Мои родители были богаты.

Кассандра смотрит на часы: «Вероятность умереть в ближайшие пять секунд: 23 %».

Видеокамер здесь нет, а если и есть, то они точно отключены. Значит, Пробабилис знает только мое местонахождение, о котором ему сообщает навигатор, и частоту пульса. Показатель на десять процентов выше нормы — это либо волнение от встречи с родительским домом, где прошло мое детство, либо риск обрушения кровли.

Она ласково гладит кожаный диван, стоящий перед покрытым пылью телевизором, затем опускается в кресло в форме яйца, и ей кажется, что мир окутала глубокая тишина.

Обожаю это ощущение отрыва от реальности.

Она вылезает из кресла и снова осматривает комнату, словно в первый раз.

На центральной стене гостиной, стиль которой явно продуман дизайнером, висит одна-единственная старинная картина. Табличка с позолоченной гравировкой: «„Притча о слепых“, Питер Брейгель, 1568 год».

Сюжет у картины трагический. На ней изображены шестеро слепых, которые, держась друг за дружку, бредут по дороге. Первый валится в яму; второй теряет равновесие и тоже вот-вот упадет; третий понимает: что-то случилось, — но не знает, что именно; четвертый чувствует тревогу идущего впереди друга; а двое последних шагают спокойно и беспечно, не подозревая о том, что их ждет.

Как зачарованная, стоит Кассандра перед картиной, вдруг осознав ее глубокий смысл.

Потом бежит по лестнице из дымчатого стекла на второй этаж.

На лестничную площадку выходят три двери. Первая, видимо, ведет в спальню ее родителей. На стене фотография в рамке. Кассандра вытирает рукавом пыль и видит наконец лица своих родителей.

Так вот они какие, мои родители до взрыва.

Тела, которые она собирала по кускам, словно вновь становятся целыми и невредимыми людьми. Просто забытыми ею.

Значит, этот странный господин — мой папа.

Довольно пожилой человек в очках, с аккуратно постриженными тонкими усиками.

Похож на Чарлтона Хестона в «Планете обезьян», только с усами и в очках.

Мать Кассандры довольно миниатюрна. Она тоже носит очки и кажется очень серьезной из-за своей чуть напряженной улыбки.

А это маленькая женщина — моя мама? Похожа на Одри Хепберн.

Родители не кажутся Кассандре ни особенно красивыми, ни слишком приятными.

Может быть, если знаешь родителей с раннего детства, они представляются тебе образцом красоты и доброты, но если ты все забыл, они для тебя — просто люди, как все.

Другие фотографии в рамках стоят на комодке и на прикроватных столиках. На одной из них рядом с супружеской парой виден маленький мальчик.

А этот рохля, наверное, мой брат Даниэль?

Кассандра внимательно рассматривает его. Длинные волосы уже здесь закрывают ему лицо, на подбородке россыпь прыщей, а одежда выдержана в типичном для подростков стиле грандж.

Сколько бы она отдала за то, чтобы поменять свой дар предвидения на простую, доступную всем или почти всем способность помнить свое детство.

Она изучает развешанные по стенам американские, французские, английские дипломы, выданные супругам Катценберг.

Мои родители читали лекции в самых престижных университетах планеты. Они были всемирно признанными научными светилами. Если они украшали дипломами стены в доме, значит, они ими очень гордились.

Это ее успокаивает. И объясняет роскошь и размеры виллы. На полуоткрытой двери в соседнюю комнату Кассандра читает надпись: «Эксперимент 23». Внутри она обнаруживает такой же беспорядок, что и в кабинете своего брата в «Страховании Будущего». Пол усеян книгами по научной фантастике. Стены обклеены афишами фильмов о будущем и черными досками, покрытыми полустертыми математическими формулами.

Между двумя формулами Кассандра видит фразу: «Все дело в степени вероятности». Она заканчивается перечеркнутым восклицательным знаком, за которым следует знак вопроса.

На письменном столе разложена газета с заголовком: «Заступник вероятности штурмует Лото». Статья подписана Даниэлем Катценбергом, во всю страницу напечатана его фотография. Это все тот же неуклюжий подросток с длинными волосами, в мешковатой одежде, но он стал выше ростом, а подбородок его покрыт густой щетиной. Глаз по-прежнему не видно.

В статье юноша утверждает, что серьезные шансы выиграть в Лото появляются при покупке билетов на девять тысяч евро. После этой пороговой цифры появляется семьдесят пять процентов вероятности выиграть сумму большую, чем та, что ты истратил.

«Если бы все тратили на билеты по девять тысяч евро, государственное предприятие игр было бы вынуждено заплатить все выигрыши и разорилось бы. Но никто и не думает вкладывать подобные суммы. В основном люди покупают билет за два евро. При этом шанс выиграть равняется одной тысячной процента.

Следовательно, пишет Даниэль Катценберг в заключении, Лото создано для дураков. Которые предпочитают вкладывать немного и не выигрывать ничего, вместо того, чтобы вложить много и гарантированно много выиграть. К счастью для государственного предприятия игр, дураки составляют подавляющее большинство покупателей билетов, и они ни в коем случае не желают менять свое поведение, даже если получают достоверную информацию о вероятности выигрыша. На самом деле игроки в Лото рассуждают иррационально, они покупают не деньги в будущем, а надежду в настоящем. И, кстати, не испытывают особенного разочарования. Явление практически мистического порядка. Играющие считают, что они проигрывают оттого, что грешили, и Бог их за это наказывает. У Лото огромное прибыльное будущее».

Кассандра перечитывает статью.

У моего брата, видимо, какое-то особенно мрачное чувство юмора.

В кипе пыльных документов она находит еще одну статью на тему вероятности, также подписанную Даниэлем Катценбергом.

«Мир подчинен эмоциям. Мы реагируем, не размышляя, а ведь могли бы вывести законы, согласно которым функционирует внешняя, торговая, финансовая, внутренняя политика. Можно было бы предусмотреть забастовки, войны, прибыль от соотношения внешнеэкономических показателей. Но никто не хочет рационализировать то, что испокон веков принадлежало «интуиции» и «вдохновению» вождей. Поэтому политику кое-как творят так называемые эксперты, окончившие знаменитые университеты, они ничего в ней не понимают и лишь воспроизводят старые системы, когда-то работавшие, но с течением времени утратившие эффективность».

После таких заявлений друзей у моего брата явно поубавилось.

На низком столике Кассандра находит впечатляющую коллекцию DVD, а на полках шкафа — наборы маленьких азиатских роботов.

Он — дитя математиков и научной фантастики.

Кассандра спотыкается о разбросанные по полу игрушки, книги, DVD, изучает постеры фильмов «Звездный путь», «Дюна», «Матрица», «Бегущий по лезвию бритвы». Афиши «Пинк Флойд», Питера Гэбриэла и Майка Олдфилда приклеены над узкой кроватью, покрытой запыленным одеялом.

Она выходит из комнаты Даниэля и останавливается перед соседней дверью, на которой написано: «Эксперимент 24».

А это... наверное, моя комната?

Кассандра берет за ручку. Дверь со скрипом открывается.

В комнате Кассандры царит точно такой же беспорядок, что и в комнате брата. И мебель в ней такая же: шкафы, заваленные научно-фантастическими романами и DVD.

Ультрасовременный дом, страсть к научной фантастике — мы были семьей футуристов.

Кассандра замечает также множество полок с видеодисками, занимающих целую стену.

Вот почему каждый новый человек напоминает мне какого-нибудь актера.

Книжный шкаф заполнен словарями: этимологическими, синонимическими, омонимическими, иностранных языков. В комодe рядом с кроватью она находит огромные запасы ореховой пасты и чипсов как минимум четырехлетней давности. Все покрыто плесенью, разорванные пакеты полны крошек и мышьиного помета.

Этим я питалась.

Над кроватью, между двумя шкафами, на стене висит огромный портрет Каллас. Кассандра замечает сотни дисков с операми.

Я любила оперу.

Наверное, поэтому родители и повезли меня на тот концерт в Египте.

Красный огонек проигрывателя мигает. Не раздумывая, Кассандра нажимает на «PLAY», и раздаётся увертюра из «Набукко». Из динамиков льется музыка Верди. Сначала трубы и скрипки, потом барабаны, за ними — щедрая мощь оркестра.

Вот что раньше я слушала постоянно. Вот что было моей духовной пищей.

Сначала она испытывает желание выключить музыку, звучащую в наиболее трагический момент ее жизни, но потом говорит себе, что опера — это последнее из того, что она помнит о детстве. И если она хочет разбудить в памяти то, что было до нее, то должна опять пережить этот миг, должна снова и снова идти по этому следу.

Опера, словари, американские фильмы, научная фантастика, чипсы и ореховая паста —

вот то, что меня создало.

Она позволяет музыке нарушить тягостное безмолвие виллы и начинает осмотр третьего этажа.

Первая дверь заперта. Кассандра колеблется, затем со всего маху бьет ногой по створке и вышибает замок. Она видит погруженный во мрак кабинет.

Здесь, видимо, работала моя мать.

В комнате царит идеальный порядок. Стены увешаны дипломами и фотографиями, на которых ее мать обменивается рукопожатиями с какими-то мужчинами в строгих костюмах. На письменном столе лежит книга «Поцелуй ангела», подписанная Софией Катценберг. Так зовут ее мать.

«София» в переводе с греческого означает «мудрость».

Кассандра листает книгу. Это очерки по детской психологии. Она обращает внимание на выделенный отрывок:

«Перед самым рождением младенца ангел прижимает палец к его губам и шепчет: „Забудь все свои прошлые жизни, воспоминания о них не должны смущать тебя в жизни настоящей“. И над верхней губой новорожденного остается ложбинка.

КАББАЛА».

Глава называется: «ТРАУР МЛАДЕНЦА».

Мать Кассандры пишет о том, что в девять месяцев младенец не отличает внутреннее от внешнего. Он не узнает свое отражение в зеркале, поскольку не ограничивает себя пределами своего тела, он — все. Он поймет различие между собой и остальной Вселенной лишь в тот момент, когда на какое-то время расстанется с матерью. Или почувствует голод и не получит возможности немедленно его удовлетворить. Отсутствие еды и матери даст ему понять, что на свете существуют вещи, на которые он не в силах повлиять. Как только младенец пройдет через эту страшную фрустрацию, он осознает границы своего «я» и станет личностью. То есть единым существом, которое нельзя разделить.

Кассандра размышляет, пытаясь вникнуть в смысл написанного.

Моя мать была детским психиатром.

Из ее комнаты по-прежнему доносятся звуки «Набукко» Верди. Это уже первый акт. Кассандра узнает пассаж, во время которого появляется царица Фенена, дочь вавилонского правителя Навуходоносора. Партию Царицы исполняет Мария Каллас. Проникновенный голос трогает ее до глубины души.

Продолжая слушать, Кассандра осматривает кабинет. Она открывает толстую книгу под названием «Оглушительная тишина». Девушка натывается на выделенный отрывок, в котором мать описывает один случай:

«Бруно Беттельхайм лечил ребенка-аутиста, который все время рисовал одну и ту же геометрическую фигуру. Ученый попытался определить, что это за фигура, и оказалось, что это карта Коннектикута. Оставалось понять, почему страдающий аутизмом ребенок рисует карту Коннектикута. И Беттельхайм понял. Рисуя карту, ребенок хотел сказать: „Connect I cut“. Что по-английски означает: „Я прервал связь“. То есть: „Я прервал связь с миром“».

Кассандра прекращает чтение, чтобы осмыслить написанное. Дальше в книге выделены следующие слова: «Избыток чего-то одного означает нехватку чего-либо другого».

Она читает:

«Вопреки общепринятому мнению, страдающие аутизмом не лишены чувства сопереживания или эмоций. Они чутки и воспринимают мир, но не так, как мы. Аутисты живут в мире, полном информации, значение которой нам недоступно. Они обладают особыми способностями, которые наше общество просто не умеет использовать и пытается сделать

аутистов такими же, как мы, усыпляя или уничтожая их удивительный талант».

Кассандра переворачивает книгу и читает на обороте, рядом с фотографией своей матери: «Директор ЦИОДА (Центр по изучению одаренных детей-аутистов)».

Девушка просматривает другие бумаги. Папка с надписью «Обзор прессы» открывается на статье с заголовком: «Спорные теории доктора Софии Катценберг».

Обозреватель медицинского журнала рассказывает о последних изысканиях матери Кассандры:

«Больные дети — это не подопытные кролики. Дисциплинарный совет врачей должен запретить претворение в жизнь бредовых и туманных теорий этого псевдоученого, теорий, увлекающих умы лишь тех, кому не хватает сенсаций».

Кассандра перечитывает статью, чтобы как следует вникнуть в ее содержание.

Все это имеет значение. Все это частички пазла, который я только начинаю собирать. И лишь собрав все его кусочки, я узнаю, каким же действительно было мое детство. И кем были мои родители... эти люди, чьи разорванные тела я собирала.

Надо рыться в мусорных баках моего прошлого, не боясь запачкаться.

Кассандра закрывает дверь и идет к кабинету своего отца. Здесь ее также встречает безукоризненно убранная комната, уставленная книгами, только не научными и не научно-фантастическими, а историческими. Она листает их и находит жизнеописания пророка Иезекииля и таких провидцев, как святой Иоанн, Нострадамус, Эдгар Кейси, Калиостро.

На стенах — несколько дипломов и фотографий ее отца, пожимающего руки знаменитым людям. На одной из них президент награждает его орденом Почетного легиона.

Мои родители точно были очень важными людьми.

Дальше — статья, интервью с министром Катценбергом: «Будущее создается сегодня. Оттого, что кто-то сегодня представляет себе лучший мир, этот лучший мир однажды становится реальностью. Все хорошее, что у нас есть, было когда-то придумано или увидено во сне нашими предками. Идеи сначала пришли им в голову и только потом осуществились».

Моя мать была детским психологом, специалистом по аутизму.

Отец — государственным министром.

Вот почему инспектор говорил мне о «влиятельных людях». И вот почему они так меня разыскивали.

Мысли путаются в голове Кассандры, а голос Каллас продолжает звучать из ее спальни. Девушка спрашивает себя, зачем столь влиятельные люди ставили странные эксперименты над собственными детьми в доме без зеркал, окруженном колючей проволокой под напряжением, и неожиданно слышит шум мотора. Она бросается к окну: рядом с оградой припарковывается машина. Из нее вылезает человек.

Она гасит свет и бежит выключить музыку.

Она ждет, спрятавшись за портьерами.

У человека есть ключи. Он открывает калитку, затем входную дверь. Тишина, окутавшая дом после «Набукко», производит на Кассандру еще большее впечатление, чем сама музыка. Паркет зловеще скрипит под тяжестью вошедшего.

— Кассандра!

Она узнает голос Филиппа Пападакиса.

— Я знаю, ты здесь!

Он понял, что я поеду сюда. Он сам говорил мне о родителях как о новой подкаске.

— Кассандра! Кассандра! Я знаю, ты здесь, маленькая пчелка! Я видел свежий след машины, которая тебя привезла. Я слышал оперную музыку.

Он хочет забрать меня отсюда.

Кассандру вдруг озаряет воспоминание из детства.

За платяным шкафом в моей спальне есть ниша, я спрячусь там. Надо только проследить, чтобы не были видны ноги.

Она бросается в свою комнату, становится на тонкий уступ и прижимается к задней стенке деревянного шкафа. Все это она проделывает в последний момент.

Филипп Пападакис забегаёт по очереди во все комнаты на всех этажах и освещает каждый угол карманным фонариком. Он проходит мимо шкафа, в нескольких десятках сантиметров от нее.

Она задерживает дыхание.

Директор школы методично осматривает каждый предмет обстановки. Кассандре хочется чихнуть. Она зажимает рот ладонью.

— Ну где ты прячешься? — бормочет он. — Где ты, маленькая пчелка? Я нашел канделябр с еще горячими свечами, ты где-то близко, не правда ли?

В конце концов он выходит в сад и кричит во все горло:

— Кассандра! Кассандра! В любом случае у тебя нет выбора! Ты должна будешь вернуться, и тогда я дам тебе третий ключ к разгадке твоей тайны. Только я могу помочь тебе. Без меня ты никогда не узнаешь, кто ты на самом деле!

Девушка ждет, она ждет долго, настолько долго, насколько это необходимо. Пока шум заводящегося, а потом удаляющегося мотора не подсказывает ей, что она осталась одна. Тогда Кассандра, дрожа, покидает свое убежище.

Она не знает, бежать ли ей отсюда или задержаться. Искушение оказывается слишком сильным. Она проскальзывает в большую родительскую кровать, закутывается в многослойные одеяла и простыни. Несмотря на пыль, ей кажется, что она очутилась в каком-то уютном гнездышке.

Никогда еще она не испытывала такого наслаждения от мягкой кровати с настоящим матрасом, настоящими простынями, настоящими подушками. Она широко раскидывает ноги, чтобы они тоже насладились восхитительным ощущением комфорта.

Ей снится, что она маленькая девочка с косичками, которая катается по саду на трехколесном велосипеде. Она останавливается, смотрит на дерево, залезает на качели, привязанные к одной из его веток, и начинает со скрипом раскачиваться. Ее родители стоят рядом, однако с ними что-то не так. Присмотревшись, она понимает, что у них нет лиц. Ни рта, ни глаз, ни ушей, ни носа.

Мать достает из-за спины плакат, на котором написано: «Избыток чего-то одного означает нехватку чего-либо другого».

То же самое делает отец. На его плакате Кассандра читает: «Оттого, что кто-то сегодня представляет себе прекрасный мир будущего, этот прекрасный мир однажды станет реальностью».

Тут появляется ее брат, он еще очень юн, ему максимум лет тринадцать. Длинные волосы закрывают ему лицо. У него есть только рот, окаймленный прыщами. Нет ни глаз, ни носа.

Рот произносит: «Все дело — в степени вероятности».

Безликая мать отводит обоих детей в уголок сада, где растут два маленьких синих дерева, каждое из которых снабжено дверцей. На первом дереве надпись: «Эксперимент 23», на втором — «Эксперимент 24».

Кассандра входит внутрь второго дерева и видит, что у него нет корней. Вместо них зияет бездонная дыра, ведущая к центру Земли.

Тонкий луч света, пробившийся сквозь шторы, медленно ползет к постели. Он освещает ковер, изножье кровати, затем — лицо Кассандры Катценберг.

Луч доходит до ее век и будит ее. Ей требуется некоторое время, чтобы понять, где она находится.

Она идет в ванную комнату спальни и решает принять душ. Нагреватель воды не работает, из душа течет ледяная струя. Но наслаждение от контакта с живой и чистой влагой оказывается сильнее страха перед холодом.

Девушка долго стоит под ледяным душем, она трет свое тело засохшим кусочком мыла. Конечно, это не так, как во сне про ванную комнату, но все равно очень приятно.

Сначала увидеть во сне идеальный вариант событий, а потом пережить их наяву в несколько упрощенном виде.

Для полного счастья не хватает только, чтобы появился мужчина с маленькой буквой «д» на груди...

Но брат Даниэль не появляется. Кассандра моет свои длинные волосы, вытирает их полотенцем. Потом роется в шкафчике и находит много разных флакончиков, которые осторожно нюхает. Она душится остатками духов, наливает в раковину воды и смотрит на свое отражение.

Чистая и надушенная Кассандра чувствует себя другим человеком. Она чувствует себя «новой» Кассандрой.

Это мое лицо.

Меня зовут Кассандра.

Почему я так не похожа на других девочек моего возраста?

Как из моего мозга изъяли воспоминания о детстве?

Она знает, что это не амнезия.

Нет, это нечто другое. Разве это амнезия, когда забываешь все, что было до тринадцати лет, но зато видишь будущее, причем одни теракты.

Кассандра чистит зубы пастой, с наслаждением расчесывает длинные волосы.

Распутывая их, она как бы распутывает свою жизнь.

Она пытается натянуть свою старую одежду, разложенную стопками в шкафах, но та ей слишком мала. Кассандра решает порыться в шкафах у матери. Юбка и пиджак «Шанель». Чулки и туфли на каблуке. Белая блузка. Чтобы еще меньше походить на себя, девушка сооружает при помощи шпилек высокую прическу и надевает темные очки.

Так она напоминает серьезную даму, секретаря или...

Дочь министра.

Кассандра смотрит на свое отражение в воде и находит, что она выглядит немного повзрослевшей, но зато более привлекательной, чем в готической одежде или спортивном костюме.

Это тоже я.

Блуждая по парку, Кассандра улавливает забытые ароматы, странные ощущения. Она не помнит ни места, ни пейзажа, но точно знает, что здесь она испытывала сильные ощущения.

Тут я была свободной и счастливой.

Кассандра смотрит на соседний лес, испытывая желание сбежать из мира людей и поселиться на природе. Она знает, что может остаться здесь и жить без помощи извне, питаться ягодами, грибами, кореньями, утолять жажду водой из озера. А ночью спать в родительском

доме, вдали от Парижа с его невзгодами.

Но Кассандра вспоминает слова своего брата: «Самое страшное — это покорность судьбе». Она знает, что ей необходимо вернуться в игру и сделать все для победы.

Неожиданно цифры на ее часах приходят в движение. Вероятность умереть в ближайшие пять секунд возрастает до тридцати восьми процентов. Число еще не перешло роковую черту, но, тем не менее, означает, что какая-то неведомая угроза нависла над ней. Кассандра оглядывается по сторонам, но ничего необычного не замечает.

Где-то таится опасность. Что видит Пробабилис? Дикое животное? Медведя? Волка? Грозу? Молнию? Ядовитое растение?

Кассандра делает шаг по направлению к лесу. Цифра на часах подскакивает до сорока пяти процентов.

Опасность приближается, но какая?

Пятьдесят два процента.

Теперь уже ее жизнь находится под угрозой.

Она даже не пытается понять природу опасности, а решает следовать совету своего брата: «Если часы показывают больше пятидесяти процентов, беги!»

Кассандра покидает родительский дом и автостопом уезжает в столицу.

Моя мать — ученый с мировым именем. Мой отец — влиятельный политик. Мой брат — математический гений.

Если, принадлежа к такой семье, я не сумею совершить нечто необыкновенное, значит, я просто ее недостойна.

В любом случае, выбора у меня нет.

Небо не знает, чему отдать предпочтение — солнцу или дождю. В вышине плывут облака, подгоняемые мягким ветерком. Холодно. В обличье деловой женщины, строгой юбке и пиджаке от «Шанель», в чулках и туфлях на каблуках, Кассандра Катценберг выглядит респектабельно и, голосуя, легко останавливает машины.

Шикарная одежда и черные очки внушают почтение.

Кассандра проезжает ворота Клиньянкур, Сент-Уэн, Сен-Дени, потом то, что, судя по указателю, называется „ZAC", то есть „Zone d'aménagement concerté", затем — „ZUP", „Zone à Urbaniser en Priorité" ^[12], дальше — призрачные кварталы, расположенные вдали от основных магистралей, и направляется к МГС.

Эта аббревиатура означает: проезжайте, тут не на что смотреть, здесь нет достопримечательностей, это не город, это просто географические отбросы. Эта земля не существует.

Поблагодарив последнего водителя, доставившего ее к месту назначения, Кассандра идет по проспекту Жана Жореса, ведущему к МГС.

Приближается полицейская машина. Кассандра, не уверенная в том, что новый костюм шикарной женщины в достаточной степени изменил ее внешность, инстинктивно прячется за платан.

Полицейская машина проезжает мимо, даже не притормозив.

Не надо бояться. Страх притягивает опасность.

Кассандра смотрит на часы: «Вероятность умереть в ближайшие пять секунд: 15 %».

Ладно, полиция — это несмертельно.

Девушка в костюме и на высоких каблуках продолжает идти вдоль стены.

Если я когда-нибудь увижусь с Даниэлем, я предложу ему сделать часы, которые бы показывали вероятность отправиться в тюрьму. Уверена, что эта идея его заинтересует... и покупатели найдутся... Правда, скорее всего, из криминального мира.

Кассандра добирается наконец до того участка ограды, где, как она помнит, находится отверстие. Она ждет, пока на улице не будет ни души, и ныряет в пролом, ощерившийся колючей проволокой. В костюме это делать не очень удобно, но Кассандре удается пролезть сквозь решетку без особого труда, лишь немного порвав чулки. Она приземляется на четвереньки близ кустов, окаймляющих южную сторону муниципальной свалки.

Вот она и снова в мире «по ту сторону ограды». Кассандру, к ее большому удивлению, вонь уже не смущает.

Она похожа на запах моего собственного пота. Первое чувство отвращения проходит, и она кажется почти приятной.

Кассандра вспоминает, как в столовой школы «Ласточки» ее впервые угостили вином. Сначала оно показалось ей едким, а потом понравилось. То же самое произошло с сыром рокфор: после первого кусочка начались рвотные позывы, но затем она оценила этот новый вкус.

Удивителен момент перемены, когда что-то, поначалу отталкивающее, становится терпимым, а потом даже и приятным.

Кассандра вдыхает воздух полной грудью.

Мне кажется, что я испытывала ностальгию по этой вони.

Продравшись сквозь первый плотный ряд деревьев, Кассандра пытается отыскать знакомые ориентиры, но в первый раз она была здесь вечером и в тумане. Днем же она видит всего лишь

простирающиеся до горизонта горы мусора.

Она идет наугад, чувствуя, что туфли на высоком каблуке совершенно не предназначены для прогулок по свалке. Неожиданно она слышит глухое рычание.

Затем еще.

Жизнь — это бесконечное повторение. То, что мы недопоняли в первый раз, происходит с нами снова. Чуть-чуть по-другому.

Если мы по-прежнему не понимаем, событие возвращается до тех пор, пока мы не усвоим урок окончательно.

Она вновь слышит рычание со всех сторон. Кассандра пытается сохранить хладнокровие и заставить себя размышлять.

У меня есть три варианта действий. Бежать со всех ног. Встретиться с ними лицом к лицу. Попытаться подружиться.

Последнее решение кажется ей наилучшим. Но как наладить отношения с бродячими, наполовину одичавшими собаками?

Надо уничтожить пропасть между нами. Нужно дать им понять, что я совершенно не хочу причинить им зла. Что я такая же, как они. Дикая. Свободная. Свирепая. Нам хочется уничтожить лишь тех, кто не похож на нас. Подобных себе мы уважаем. Я должна найти в себе частицу дикой собаки.

Кассандра останавливается и пристально смотрит на приближающихся тощих псов.

Я — такая же, как вы. Мы — свободные и дикие животные. Нам нет никакого смысла уничтожать друг друга.

Кассандру окружают уже около двадцати собак. Тощих, покрытых лишаям.

Они перестают рычать, но продолжают неуклонно приближаться. На телах некоторых из них видны следы глубоких ран, другие хромают или шевелят культей хвоста. Все это память о братоубийственных войнах.

Решение номер три вдруг представляется Кассандре рискованным.

Годы недоверия за несколько секунд из памяти не сотрешь.

Неосознанно она уже готовится к варианту номер два. Она распрямляет пальцы, ее ногти готовы вонзиться в чужую плоть.

Мы можем мирно сосуществовать. Нас объединяет одна и та же жизненная сила. Я вас уважаю, уважайте же и вы меня, продолжает думать она несмотря ни на что, словно пытаясь убедить саму себя.

И, в дополнение к своим мыслям, показывает зубы и начинает рычать в той же тональности, что и собаки.

Псы подходят еще ближе. На вершине мусорного холма появляются другие собаки, которые смотрят на Кассандру, оскалив клыки. Уже сменившая вариант номер три на вариант номер два девушка понимает, что вариант номер два, скорее всего, уступит место варианту номер один.

Ее часы показывают: «Вероятность умереть в ближайшие пять секунд: 19 %».

Кассандра понимает, что поблизости нет видеокамер. Лишние шесть процентов, добавившиеся к обычным тринадцати, появились благодаря ее учащенному пульсу. Кроме того, Пробабилис определил, что она находится в каком-то грязном, а следовательно, полном микробов месте. Собак он не заметил.

Пробабилис не знает всего.

Пробабилис — не Бог.

И она бросается бежать. Стая бродячих собак немедленно заходится лаем и пускается за ней вдогонку.

Девушка скидывает неудобные туфли, рвет по шву юбку, чтобы дать ногам возможность

свободно двигаться, и мчится дальше в одних чулках.

Стая собак перевозбуждена. От их оглушительного лая у Кассандры закладывает уши.

Вот что чувствуют лисы во время псовой охоты. Бескрайнее одиночество и непонимание между двумя родственными земными видами.

Кассандра устремляется в лабиринт между горами мусора. Справа она видит узкий проход, по которому собаки будут вынуждены бежать гуськом, что должно снизить их скорость.

Она бросается туда, еще сильнее разорвав юбку от «Шанель».

Она летит вперед не глядя. Неожиданно что-то обвивается вокруг ее лодыжки. Она резко падает, затем неожиданно поднимается в воздух. Лассо возносит ее на метр над поверхностью земли.

Кассандра брыкается. Тщетно. Юбка задирается, обнажая ее ноги в чулках до самых бедер. Полы пиджака накрывают ей глаза. Собаки уже прыгают под ее головой, пытаясь достать зубами до лица. Ее прическа разом распадается, и волосы, словно содержимое перевернутой сумки, водопадом обрушиваются вниз. Некоторым псам удается допрыгнуть до ее головы. Их клыки щелкают в пустоте у нее над ухом.

Она пытается подтянуть голову повыше, но чувствует, что силы ее покидают.

Собак охватывает безумие. Они исступленно лают, понимая, что их подвешенная вверх ногами жертва отныне находится в их власти. Они так возбуждены и раздражены, оттого что им не удастся добраться до столь легкой добычи, что начинают наскакивать друг на друга.

Вывернув голову, Кассандра видит, что собаки внизу дерутся и кусаются и что к ним присоединяются все новые и новые псы, привлеченные запахом крови своих раненых собратьев.

Ей кажется, будто она смотрит фильм. Закрываешь глаза — и переходишь к следующей сцене. Моргаешь — и фильм твоей жизни монтируется по-новому. Не поднимаешь веки — и кадр исчезает. Она опускает ресницы. Затемнение, все погружается в черноту, наполненную бешеным собачьим лаем.

Мой страх питает их гнев. Так происходит всегда.

Надо найти способ их успокоить, надо уничтожить пропасть между нами.

Нужно стать младенцем из книги моей матери, младенцем, который не чувствует грани, отделяющей его от окружающего мира.

Способна ли я принять или даже полюбить этих собак?

Если честно — то нет. Они безобразны, они агрессивны, они производят много шума, их побудительными мотивами являются лишь страх и самые примитивные импульсы. Уровень их сознания так низок, что я даже не могу настроиться с ними на одну волну.

Но если я этого не сделаю, я могу умереть. Я должна попытаться. Мне нужно испытать к ним такое же сочувствие, которое я хочу вызвать у них.

Дышать.

Замереть.

Послать волну покоя, самую мощную. Окутать их облаком позитивной энергии.

Лай умолкает, Кассандра ощущает что-то холодное на своей шее.

Змея?

Нет, металлическая цепь.

— Тебя же предупреждали, что, если вернешься, нам придется убить тебя! — произносит чей-то голос.

Металлическая цепь начинает сжиматься. Кассандра открывает глаза. Собаки исчезли.

Она задыхается.

Ким, молодой человек с синей прядью волос, душит ее цепью от нунчака. Кассандра видит, что ее часы показывают: «Вероятность смерти в ближайшие пять секунд: 73 %».

Она понимает, что в данный момент у нее больше шансов умереть, чем выжить.

Ким продолжает затягивать цепь на ее шее.

81 %.

Странно, но Кассандру мало волнует собственная гибель. Она покоряется судьбе. Вот только она не понимает, как в этом безлюдном месте, где нет ни одной видеокамеры, часы могут определить, что ее душит цепью молодой бомж. В конце концов она догадывается, что счетчик пульса просто реагирует на изменение скорости потока крови.

— Отпусти ее! — раздается громовой голос Орландо.

Захват цепи ослабевает.

Цифры на часах уменьшаются до 50 %, затем до 42 %. Кассандра кашляет, у нее кружится голова.

— Что ты лезешь, Барон? Ее же предупреждали, — кричит Ким, не выпуская из рук оружие.

— Ты действительно хочешь ее прикончить, дурачок? — спрашивает Орландо.

Молодой человек пожимает плечами и убирает нунчаки:

— Нет, я только припугнуть ее хотел, чтобы больше не надоедала. Ну ты понимаешь, Барон. Знаешь поговорку...

Молодой человек в кожаной куртке не успевает продолжить.

— Не знаю, и знать не хочу! Осточертел ты мне уже со своими идиотскими поговорками, дурачок!

— Эй, у меня другое имя! У тебя язык отсохнет, что ли, если мой титул назовешь?

— Когда ты несешь всякий бред, ты не маркиз, а просто дурачок. И поговорки твои дурацкие.

Мужчины брызжут слюной друг другу в лицо, причем более молодой вынужден встать на цыпочки, чтобы оказаться на уровне глаз противника.

— Да что ты привязался к моим поговоркам? Можешь мне объяснить, господин... Барон?

Кассандра дергается.

— М-м... вы не могли бы меня перевернуть? — напоминает она о себе. — Кровь к голове начинает приливать.

Но мужчины не обращают на нее ни малейшего внимания.

— Ты все еще хочешь знать, почему я не люблю поговорки, дурачок? Мне кажется, я тебе уже тысячу раз объяснял: потому что это старые законсервированные мысли. Такие мысли используют люди, неспособные размышлять самостоятельно. Всякие умственные лентяи. Если бы наши предки были такие умные и советы у них были бы такие правильные, то они не оставили бы нам мир в подобном виде.

Он заканчивает фразу плевком.

— Все эти великие советчики прошлого полностью обосрались со своими поучениями, которые не стоят и ломаного гроша. Да, я считаю, что они ничего не соображали. Честно говоря, я думаю, что наши предки были крестинами, а все их поговорки не имеют никакого смысла. То есть в жизни все не так, как они утверждают, а наоборот!

— Ах вот как, дорогой Барон? Ты что же, можешь привести пример, когда в поговорке говорится одно, а в жизни происходит совершенно другое?

— Э-э... не хочу вас отвлекать, но не могли бы вы уделить мне немного внимания? — просит Кассандра. — Просто отвяжите мне ногу, пожалуйста!

— Пример неработающей поговорки? Конечно, подожди. Да вот, куда проще: «Аппетит приходит во время еды». Это неверно. Тебе хочется есть гораздо больше тогда, когда ты лишен пищи! То есть: «Аппетит приходит в отсутствие еды»! И все, дурачок!

— Ладно, может быть. Но вторую ты ни за что не найдешь, мой милый Барон.

— Для тебя — все что угодно, Маркиз. Взять, к примеру, «Нажитое нечестным путем не идет впрок». Это неправильно. Нажитое нечестным путем всегда идет впрок. Любой вор тебе подтвердит. Да посмотри на самые большие состояния Франции, они все мошенники, синдики, покупатели убыточных предприятий. Они ограбили ближнего и основали свою империю на ворованном добре. Нечестно нажито, и отлично идет впрок.

Молодой человек проявляет признаки раздражения.

— Хорошо, хорошо. Но третью ты уж точно не найдешь, дорогой мой Барон...

— «Лучше поздно, чем никогда»? — бросает Кассандра.

Орландо немедленно принимает предложение:

— Точно. Есть масса вещей, которые лучше просто не делать, чем делать слишком поздно.

Например...

— Нет, — говорит Кассандра, — я хотела сказать: меня лучше отвязать поздно, чем не отвязывать вообще...

Викинг-охотник удивленно смотрит на девушку. Одной рукой он берет ее за щиколотку, а другой высвобождает ей ногу, перерезав веревку кинжалом. Потом он осторожно ставит девушку на землю. Она обретает равновесие, переводит дыхание, с трудом сглатывает слюну.

— Э-э... здравствуй, Маркиз, здравствуй, Барон, — говорит она громко.

Но мужчины слишком увлечены предметом своей беседы и не отвечают ей. Они поворачиваются к ней спиной, и пока вся компания идет к Искуплению, спор на их излюбленную тему разгорается еще пуще.

— «В стране слепых одноглазый — король». Убежден, что это не так, — продолжает Орландо. — Ты можешь представить себе одноглазого, который появляется в стране слепых?

— Конечно, он станет их вождем!

Орландо не собирается сдаваться. Он басит:

— Никогда! Это невозможно. К одноглазому станут относиться как к странному типу, у которого бывают галлюцинации. Ему, несомненно, будет обеспечен холодный прием. Все станут думать, что он бредит, поскольку он что-то видит там, где ничегошеньки нет.

— Но он будет самым сильным. Благодаря зрению!

— Самым слабым. Благодаря зрению!

— Если он захочет драться, он победит слепых.

— Да нет, слепые его одолеют. У слепых, несомненно, развиты другие чувства: слух, обоняние, осязание.

— Зрение важнее!

— Даже ночью? Нет, ночью слепые в два счета набьют морду твоему одноглазому. Потому что они будут действовать эффективнее, чем парень, который зависит от зрительной картинке и

от источника света.

Замыкающая маленькую процессию Кассандра внимательно смотрит по сторонам и запоминает дорогу на тот случай, если придется идти по ней снова.

Я уверена в том, что они рады меня видеть. Они просто застенчивы и неуклюжи в проявлении чувств.

Пронзительный голос режет уши.

— Что тут делает эта липучка? Я думала, мы уже избавились от паршивки Белоснежки, — кричит Эсмеральда, опуская журнал.

На обложке заголовок: «Певица Саманта ждет тройню, кто отец — неизвестно». Внизу: «В день зачатия нас было много, и я сильно выпила».

Пожилой африканец машинально почесывает подбородок, что является у него признаком сильного замешательства.

— Девчушка попала в западню к собакам, они ее чуть не съели, — объясняет Орландо.

— Мне очень жаль, я пытался ее убить, но действовал недостаточно быстро, — признается Ким. — Барон мне помешал.

— С возрастом ты поумнеешь, маленький паршивец, и поймешь, что насилие — это не решение проблемы, — отрезает Орландо.

— Подожди, это ты говоришь? Хорошо, раз уж мы играем в антипоговорки, я предлагаю тебе вывернуть и это изречение наизнанку: «Насилие — часто лучшее, а порой и единственное решение проблемы»!

— Бывают и исключения, не все поговорки нужно выворачивать наизнанку, — раздраженно замечает светловолосый бородач.

— Это что, новая поговорка? — подтрунивает над ним Ким.

Кассандра с радостью оглядывает знакомые места. Странная деревня, сначала вызвавшая у нее удивление, затем — отвращение, теперь кажется ей уголком, обладающим всеми достоинствами полной свободы посреди мира условностей.

Это утопия. В точном этимологическом смысле слова. Место, которое не находится нигде.

Остальные продолжают говорить, но она не слушает их. Она созерцает горы мусора.

Зачем я вернулась в это гиблое место? Какая-то часть меня знает ответ. Это необходимый этап моей личной эволюции. Этап Гниения, который я не прошла до конца.

Этап Великого Изготовления Философского камня, символа совершенства.

Трансмутация олова в золото.

Чистую истину можно добыть, только вернувшись в перегной и сор. Этот этап необходим. Тот, кто отказывается вновь окунуться в первоначальное болото, не сможет ни понять, ни увидеть свет. Мне нужно спуститься в клоаку, чтобы понять свое личное прошлое и наше коллективное будущее. Ибо они, несомненно, связаны.

У подножия горы из рваных покрышек сушится на решетке собачья шкура. Треснутый экран телевизора показывает новости без звука. В середине площадки над горящими поленьями висит котел. Из него исходит отвратительный запах горелого собачьего жира. Над котлом, выделявая в воздухе пируэты, кружат мухи и комары.

— Не хочу отнимать у тебя много времени, позволь просто задать один вопрос, Герцогиня, — говорит Ким. — По твоему мнению, как будут встречены одноглазые в стране слепых? Их будут почитать, их хорошо примут, их будут презирать, их выгонят?

— Выгонят вон, да! Так им и надо! Я вообще кривых не люблю, — отвечает Эсмеральда, не спуская своих разбегающихся в разные стороны глаз с непрошеной гостьи.

— А ты что думаешь, Виконт?

— Это зависит от времени суток, а ночью еще и от того, полная ли на небе луна, если ты понимаешь, что я хочу сказать, — дипломатично замечает африканец.

Эсмеральда резко обрывает разговор:

— Послушай-ка, Золушка! Вроде бы мы тебе доходчиво объяснили, что не хотим видеть твою самодовольную буржуйскую рожу, и посоветовали больше сюда не возвращаться. Ну, так мне кажется. Или мы друг друга не поняли? Видимо, мы недостаточно ясно выразились. Фраза: «Прочь отсюда, мы не хотим тебя больше видеть!» — может показаться двусмысленной в свете нашего гостеприимства, но она действительно означает, что мы не хотим тебя видеть...

Она приближается к Кассандре и брызгает слюной ей в лицо.

— Мы уже отказали принцессе Монако, английской королеве, папе Римскому и нашему президенту, а они все просили политического убежища в Искуплении, так что для тебя мы тоже исключений делать не будем.

Женщина с узлом рыжих волос и роскошной грудью подходит еще ближе к девушке.

— Послушай, мисс Приносящая Несчастья, ты хуже, чем лобковая вошь, — от тебя не избавишься! Придется, наверное, и тебя травить крысомором да мышьяком! А если не поможет, будем отколупывать устричным ножом. Или отбойным молотком крошить.

— Хватит, Герцогиня! — бурчит Орlando.

— Нет, не хватит. Я думаю, что мы тебя один раз выставили за порог — и во второй раз тоже церемониться не будем. Или Ким тебя убьет, или в сексуальное рабство албанцам продадим. Что ты на это скажешь?

Кассандра бросает взгляд на часы и видит, что вероятность умереть в ближайшие пять секунд уменьшилась до четырнадцати процентов.

Ни одна камера, ни одна система контроля не отслеживает то, что происходит здесь, опасность грозит мне тут в той же степени, что и в любом другом месте. Просто блеф.

Но Кассандра понимает, что, вопреки всякой логике, доверяет часам своего брата Даниэля. Простой факт, что часы показывают четырнадцать процентов, придает уверенности: ее запугивают, но настоящей опасности здесь и сейчас не существует.

Во всяком случае, ее не будет в ближайшие пять секунд.

И она, не торопясь, не сводя глаз с Эсмеральды, произносит:

— Я хочу остаться здесь. С вами. Навсегда.

Молчание. Потом Эсмеральда начинает хохотать. Остальные тоже смеются.

— Bravo, Барон, я думаю, ты нам настоящее сокровище нашел. Непонятно уже, как мы без нее-то жили.

— Для буржуйской девчонки говорит она мало, но уж если скажет — то очень остроумно! — признает Ким.

Кассандра сохраняет невозмутимое выражение лица и играет браслетом часов. Когда вновь устанавливается тишина, она продолжает:

— Я долго думала. Здесь и только здесь — мое настоящее место. С вами. Только вы можете меня понять.

Четверо граждан Искупления перестают смеяться, потом озадаченно переглядываются. Эсмеральда чешет затылок. Это сигнал. Фетнат чешет подмышку, Ким — ногу, Орlando — подбородок. Потом последний звучно пускает газы, что является у него признаком интенсивной работы мысли. Эсмеральда несколько раз подряд сплевывает на землю.

Кассандра чувствует, что они колеблются, и хочет усилить свои позиции.

Можно ли сказать им правду? Нужно давить на чувства, они ведь суеверны. Тут как с собаками: чтобы уничтожить разделяющую нас пропасть, надо дать им понять, что я такая же, как и они. У собак уровень восприятия был слишком низкий, а с бомжами должно получиться.

— Послушайте, с тех пор, как я родилась, я ни разу никого не убедила в чем бы то ни было.

— Ну и что, это аргумент?

Девушка с длинными черными волосами продолжает как ни в чем не бывало:

— При этом я даю вам гарантию, что не только не навлеку на вас несчастий, но и принесу удачу. Для тех, кто меня окружает, я — как оберег, как талисман.

И, в знак принадлежности к племени, Кассандра лихорадочно чешет под мышкой и пытается сплюнуть. Эсмеральда подходит к ней:

— Скажи, малышка, может быть, тебе будет интереснее учиться, жить своей буржуйской жизнью, ходить по магазинам, смотреть по телевизору трогательные сериалы, отрываться в ночных клубах и принимать наркотики, как делают все ребята твоего возраста?

После секундного колебания Кассандра решительно мотает головой, отвергая эти соблазнительные перспективы.

— В таком случае я должна посоветоваться с действующим правительством, — заявляет Эсмеральда.

Все четверо отходят в сторону, усаживаются в кружок и шепчутся. Вначале они явно не могут прийти к единому мнению. Потом постепенно находят общее решение.

В конце концов Эсмеральда, первая поднимается на ноги и объявляет:

— Хорошо, Козетга, ты хочешь стать одной из нас — это возможно, но сначала тебе придется пройти «великое посвящение».

Я была уверена, что они согласятся. Они не решаются сказать это вслух, но им приятно мое общество.

В конце концов, я молодая и очаровательная девушка, которой не хватает в их коллективе.

Я — свежая нотка на фоне этой грустной и смрадной свалки.

Они, сами того не зная, ждали меня. И они поймут, что я им необходима.

Трубы Молоха, освещенные полной луной, выглянувшей в прорехи туч, издали кажутся похожими на два диковинных рога. Обитатели Искупления привели Кассандру в северный район, туда, где грузовики мусорщиков ежедневно изрыгают горы городских отходов.

Они показывают девушке довольно глубокий металлический контейнер, и Эсмеральда объясняет правила обряда посвящения.

Именно в этот контейнер мусорщики каждый вечер сбрасывают отходы со скотобоен. Поэтому здесь запах особенно отвратителен. Если Кассандра сможет высидеть целую ночь среди кошмара гниющей плоти, то наутро будет признана полноправной гражданкой Искупления.

Значит, мне нужно будет вынести зловоние разлагающейся тухлятины. Кажется, это не так уж и трудно. Теперь, когда я перешагнула порог отвращения перед свалкой, я думаю, что смогу вытерпеть любой смрад.

Орландо продолжает:

— Спускайся в контейнер, девчушка. Тут у тебя есть лестница, по которой можно выбраться наружу. Как станет невмоготу там сидеть, просто вылезешь. Северные ворота совсем близко. Там сразу увидишь дорогу и поймаешь машину, чтобы поехать домой.

— Вернешься к своим друзьям, в школу, — добавляет Фетнат. — К нормальной жизни...

Африканец протягивает девушке спичечный коробок и говорит:

— Такие вещи могут понадобиться, если ты понимаешь, что я хочу сказать.

Нет, я совсем не понимаю, что он хочет сказать. И меня раздражает то, что он все время одно и то же повторяет.

Кассандра спускается по лестнице и устраивается на дне провонявшего гниющей кровью чана. Каждый из провожатых стучит в знак прощания по металлической стенке контейнера, затем они все вместе удаляются.

— Прощай, Золушка! — бросает Эсмеральда.

— До утра, — отзывается Кассандра.

Смешок Кима становится единственным ответом всей группы. Девушка слышит вдалеке низкий голос Орландо:

— Вот, кстати, еще: «Кто рано встает, тому Бог подает». Вранье. Антипоговорка гораздо вернее. Бог подает тем, кто ложится поздно и встает поздно, Маркиз.

— Почему же, Барон?

— Ну потому, что тот, кто допоздна веселится, обзаводится целой кучей приятелей, которые потом ему помогают в карьере. Сеть ночных друзей — это и игроки в покер, и те, кто групповухой занимается, и вампиры, и любители обмениваться партнерами в сексе, и даже...

Голоса тают в ночи. Девушка с большими светло-серыми глазами садится на ржавый металл и прерывисто дышит.

Надо преодолеть этот порог, затем то, что кажется отвратительным, станет выносимым, а может быть, и приятным. Как вино. Как сыр с сильным запахом. Можно не только ко всему притерпеться, можно научиться из всего извлекать удовольствие. Вопрос привычки.

Кассандра сидит и ждет.

Через час слышится гулкий рев поршней, приезжают грузовики. Люди в флуоресцентных оранжевых комбинезонах и толстых резиновых перчатках сбрасывают мешки в правую сторону контейнера. Кассандра, чтобы ее не заметили, переползает влево и наблюдает за растущей перед

ней горой пакетов с мясом.

Вскоре подъезжают новые грузовики. Горы прозрачных мешков становятся еще выше. Некоторые при падении разрываются. Из них доносится отвратительный запах разлагающегося мяса.

Это часть этапа Гниения. Кстати, Франция — это страна ферментации. Все наши съестные деликатесы — результат искусного использования работы крошечных грибков. Сыры, которыми мы так гордимся, делаются из ферментированного молока. Вино — это ферментированный виноградный сок. Хлеб — это мука, перебродившая с дрожжами. Шампиньоны растут на гниющем конском навозе. Чтобы получить рокфор с его сильным запахом, нам удастся даже сыр заставить ферментировать. И вино — для получения уксуса...

Кассандра Катценберг глубоко дышит. Когда грузовики разъезжаются, девушка усаживается на прозрачные пластиковые мешки, заполненные розовыми и красноватыми мягкими кусками мяса. Запах становится все более и более едким.

Мое очередное испытание заключается в преодолении запаха смерти.

Но на этот раз Кассандра к нему готова. У нее есть время адаптироваться к враждебной среде. Она делает резкие вздохи, давая легким возможность постепенно привыкнуть к трупному смраду.

Завтра они будут вынуждены признать, что я прошла испытание с успехом...

Она улыбается.

Могла ли я подумать, что буду сдавать экзамен на право стать бомжом.

Ее часы показывают: «Вероятность смерти в ближайшие пять секунд: 16 %».

На три процента выше нормы. Все хорошо. Я просто должна побороть свое отвращение.

Ночь становится все темнее. Кассандра вытягивается на мешках, но заснуть не может. Вместо того чтобы считать баранов, она решает искать антипоговорки. Так завтра ей будет о чем поговорить с Орландо.

«Хочешь мира — готовься к войне»... Правильнее будет наоборот: «Хочешь мира — готовь мир».

Орландо прав, наши предки ошиблись.

Попробуем другую.

«У сильного всегда бессильный виноват». Правильнее наоборот: «В борьбе сильного и слабого, прав обычно слабый».

Вдруг она слышит какой-то шорох.

Она достает спичечный коробок, подаренный Фетнатом, и освещает пространство вокруг себя. Она видит блестящие разорванные мешки с ярко-красным мясом.

Мираж.

Она замечает мешок, заполненный голубыми глазами, без всякого сомнения свиными, которые, кажется, смотрят на нее сквозь пластиковую пленку. У Кассандры возникает ощущение, что они говорят с ней.

«Нас наказали, хотя мы не сделали ничего плохого. Мы обречены на гибель с самого рождения. У нас нет ни одного шанса на спасение, никакой возможности изменить свою судьбу. Наши часы вероятности с самого рождения показывают сто процентов. И, словно в насмешку, они нас еще и ослепили. Вот наши глаза, среди нас кривых не встретишь».

Кассандра ощущает неприятную дрожь и резко подается назад. Ее ногти вспарывают мешок с потрохами. Из него исходит волна чудовищного теплого запаха.

Кассандра задерживает дыхание, борясь с отвращением. Она чиркает новой спичкой и осматривается, чтобы случайно не прорвать еще один мешок. И очень вовремя, поскольку едва не наступает ногой на пакет с мозгами.

Почему их не продали?

Она думает, что мясо, видимо, испорчено или, быть может, животные были больны чем-то вроде коровьего бешенства или свиного гриппа.

Смрад невыносим.

Я на кладбище.

Она делает все более короткие вдохи.

Не хочу возвращаться в нормальный мир. Хочу остаться здесь. Я выдержу испытание. Любой ценой.

Кассандре Катценберг приходит в голову, что обитатели Искупления заставили ее проходить обряд посвящения так же, как это делают дикие африканские племена, папуа и жители джунглей Амазонии. Она словно вступила в контакт с доисторическими людьми.

Конец ознакомительного отрывка книги

[Скачать полный вариант книги](#)